

ISSN 1993–4750

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ:
АНТИЧНОСТЬ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ,
СОВРЕМЕННОСТЬ**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

**12 (751)
2016**

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State Budgetary Educational Institution
for Higher Education
“Moscow State Linguistic University”

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University

The year of foundation 1940

Issue 12 (751)

LINGUISTICS

ROMAN LANGUAGES :
ANTIQUITY, MIDDLE AGES, MODERNITY

Moscow
FSFEI HE MSLU
2016

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный лингвистический университет»

ВЕСТНИК
Московского государственного лингвистического
университета

Год основания издания 1940

Выпуск 12 (751)
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ:
АНТИЧНОСТЬ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ,
СОВРЕМЕННОСТЬ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2016

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор серии «Языкознание»
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

А. А. Гаджиев, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)	Д. С. Маркес, Ph. D., проф. (Испания)
Н. П. Баранова, канд. пед. наук, доц. (Беларусь)	Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
З. К. Бурнацева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	А. И. Мусаев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)	Л. А. Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Р. К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)	Ю. Е. Прохоров, д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф. (Россия)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)	О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Ершов, Ph. D., проф. (Германия)	М. Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)	Т. Л. Музычук, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ ЕАЛИ)
К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Т. С. Сорокина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. К. Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)	А. Н. Тарасова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)	И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Х. Ли-Янке, проф. (Швейцария)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)	А. Д. Ченки, Ph.D., проф. (Нидерланды)
С. С. Кунанбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)	Н. А. Шулепов, д-р юрид. наук, проф. (МГЛУ)
Ф. Г. Лодейро, Ph. D., проф. (Испания)	М. Форстнер, Ph. D., проф. (Германия)
Лю Лиминь, Ph. D., проф. (КНР)	

Редакционная коллегия

канд. филол. наук, проф. З. К. Бурнацева (*ответственный редактор*);
д-р филол. наук, доц. Н. Б. Кудрявцева (*ответственный секретарь*);
канд. филол. наук, доц. Л. М. Жданова

Вестник входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. Эл № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Альварес Солер А. А.</i> Некоторые особенности языка прозы Алонсо Саморы Висенте	9
<i>Архипова А. А.</i> Особенности стратегий различных типов институционального дискурса (на материале современного французского языка)	14
<i>Быкова О. А.</i> Кооперативные и некооперативные стратегии участников интернет-полилога (на материале франкоязычных социальных сетей)	26
<i>Долгих З. Б.</i> Актуальные подходы исследования градуальных значений	36
<i>Когалова Е. А.</i> Дополнительное ударение как показатель произносительной культуры речи	45
<i>Кораблева Н. Ю.</i> Особенности идиолекта литературных персонажей – представителей старшего поколения	57
<i>Корнеева В. А.</i> Типы полифонии во французской прессе	61
<i>Кудрявцева Н. Б.</i> Интертекстуальность и полифония как основа языковой игры (на материале французского языка)	69
<i>Манухина А. О.</i> «Образ врага» как отражение реалий военной и политической культуры XII–XIII веков (на материале «Historia rerum» Гильома Тирского и анонимной «Éstoire de Eracles»)	79
<i>Мотызлевская Т. В.</i> Лексико-стилистические особенности синестезии в поэтических текстах Анри де Ренье	90
<i>Мукашева Р. М.</i> Влияние гендерного фактора в политическом дискурсе	101
<i>Панкина Е. Е.</i> Становление конституционного права в Испании и испаноговорящих странах Латинской Америки	113
<i>Петракова А. С.</i> Символизация и коннотация флоронимов во французских и румынских народных сказках	126
<i>Порохницкая Л. В.</i> Концептуальная метонимия в контексте изучения семантики эвфемизма	137

<i>Пылакина В. В.</i>	
Развитие языка СМС во Франции	143
<i>Сдобнова Ю. Н.</i>	
Некоторые особенности современного военного дискурса (на материале арготизмов-зоонимов в терминсфере Военно-Морских Сил Франции)	149
<i>Семина И. А.</i>	
Некоторые функции французских широкозначных антропонимов в дискурсивной категоризации	156
<i>Смирнова И. Б.</i>	
Анималистический символ французского куртуазно-реалистического романа: мифический генезис и басенная перспектива	172
<i>Тарасова А. Н.</i>	
Архитекстуальность: дискурс – речевой жанр – текст (на материале французской прессы)	190
<i>Таривердиева М. А.</i>	
Грамматика дискурса: латинский конъюнктив в независимом употреблении	199

CONTENTS

<i>Alvares Soler A. A.</i> Some Essential Features of Zamora Vincente's Idiostyle	9
<i>Arhipova A. A.</i> The Strategies Features in Different Institutional Discourse Types (Based on Contemporary French Language)	14
<i>Bykova O. A.</i> Cooperative and Non-Cooperative Strategies of the Internet-Dicourse Participants (by the Example of French-Speaking Social Networks)	26
<i>Dolgikh Z. B.</i> Current Approaches to the Study of Gradual Meanings	36
<i>Kogalova E. A.</i> The Supplementary (Additional) Accent as an Indicator of the Speech Articulatory Culture	45
<i>Korableva N. U.</i> Specific Features of Idiolect of Elderly Group Literary Characters	57
<i>Korneeva V. A.</i> Types of Polyphony in the French Press	61
<i>Kudryavtseva N. B.</i> Intertextuality and Polyphony Asyhe Basis of Linguistic Game in French Language	69
<i>Manuhina A. O.</i> The 'Enemy Image' as the Reflection of the Realities of the Military and Political Culture of the Military and Political Culture of the XII–XIII Centuries (on the Material of "Historia Rerum" of William of Tyre and the Anonymous "Estoire de Eracles")	79
<i>Motylevskaya T. V.</i> Lexico-Stylisticaspects of Synaesthesia in the Poetic Texts by Henri de Regnier	90
<i>Mukasheva R. M.</i> The Importance of Gender Factor in Political Discourse	101
<i>Pankina E. E.</i> Constitutional Law Formation Stages in Spanish Speaking Countries	113
<i>Petrakova A. S.</i> Symbolization and Connotation of Floronyms in French and Romanian Folktales	126
<i>Porokhnitskaya L. V.</i> Conceptual Metonymy in Context of Studying an Euphemism's Meaning	137

<i>Pylakina V. V.</i>	
Evolution of Sms-Language in France	143
<i>Sdobnova Y. N.</i>	
Some Modern Military Discourse Peculiarities (on the Material of Zoonyms in French Navy Terminological Sphere)	149
<i>Syomina I. A.</i>	
Some Functions of Wide-Meaning Anthroponomics in the Categorization of the Discourse	156
<i>Smirnova I. B.</i>	
Animalistic Symbol of the French Courtly Realistic Romance: Mythical Genesis and Fable Perspectives	172
<i>Tarasova A. N.</i>	
Architextuality: Discourse – Genre – Text (Based on the French Press)	190
<i>Tariverdieva M. A.</i>	
Grammar of Discourse: Latin Conjunctive Mood Independently Used	199

УДК 81.373

А. А. Альварес Солер

кандидат филологических наук, заведующая кафедрой испанского языка переводческого факультета МГЛУ;

e-mail: anna.alvaressoler@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПРОЗЫ АЛОНСО САМОРЫ ВИСЕНТЕ

Статья посвящена изучению особенностей идиостиля известного испанского писателя и филолога Алонсо Саморы Висенте.

Ключевые слова: идиостиль; литературный язык; просторечие.

Alvares Soler A. A.

Ph. D., Head of the Spanish Language Department, Faculty of Translation and Interpretation, MSLU;

e-mail: anna.alvaressoler@gmail.com

SOME ESSENTIAL FEATURES OF ALONSO ZAMORA VICENTE'S IDIOSTYLE

The paper focuses on some peculiarities of the idiosyle of Alonso Zamora Vicente, writer and philologist, one of the most stand out figures in the humanities, both for his narrative work and for his contributions in the field of dialectology.

Key words: idiosyle; literal norm; common/popular language.

Художественный текст представляет собой единое сложно построенное смысловое целое, обладающее событийной канвой и прагматической установкой. Текст как макроструктура предполагает тесное взаимодействие участвующих в его конституировании и в творческой интенции автора, и художественных стилей, и жанровых норм.

Понятие «жанр» тесно связано с именем крупнейшего философа-филолога XX в. М. М. Бахтина, который считал его категорией, обладающей своей логикой и сущностью, а также комплексом инвариантных, но постоянно эволюционирующих свойств, что, на наш взгляд, не является диссонансом [1].

В работах М. М. Бахтина, О. М. Фрейденберг, М. Б. Храпченко, Н. Д. Лейдермана мы находим связь двух фундаментальных понятий – «жанра» и «картины», или «модели» мира, «неповторимым результатом мыслительно-эмоционального и духовного творчества конкретного этноса, его коллективным органом самопознания соб-

ственной культуры на фоне пространственно-временного континуума» [3, с. 137]. «Эта модель и есть некое ядро жанра, которое сохраняется в течение многовековой жизни жанра под слоем всяческих новообразований. А мирообъемлющая семантика структурного ядра жанра и есть то, что обозначают метафорой “память жанра”» [4, с. 18].

Жанр в той или иной степени предопределяет стилистическую форму представления автором идеи, которая уже сложилась в его сознании, воображении. Жанр неизбежно моделирует характер произведения, предписывает набор речевых средств, «поскольку без словесной формы нет и самого произведения» [2, с. 101].

Используемые автором разноуровневые языковые средства конструируют стилевые качества создаваемого им произведения. Каждый писатель обладает своим собственным неповторимым стилем, именуемым идиостилем, под которым понимается создаваемое избранном автором способом организации речи, присущим его личности, стилевое своеобразие, отличающее все написанные им художественные тексты любых жанров. Образ автора концентрируется в характерном для него идиостиле, так как, как верно заметил В. В. Воронский, творчество самого талантливого автора обязательно отражает его личность, ибо в том-то и заключается художественное творчество, что внешний объективный материал перерабатывается, вполне индивидуально, психикой художника.

Наши предположения базируются прежде всего на исследовательском опыте – интерпретации языка прозы Алонсо Самора Висенте сквозь призму категории идиостиля автора. Выбор творчества Алонсо Саморы Висенте не случаен: его творческая личность соединила в себе талант писателя, лингвиста и литературоведа.

Художественная проза является наиболее значимой частью творческого наследия Алонсо Саморы Висенте, профессора Мадридского университета, академика и секретаря Испанской королевской академии. Она аккумулировала в себе все основные черты неповторимого индивидуального стиля писателя. Именно в прозаических произведениях Саморы Висенте смог ярко раскрыть все волновавшие его и современное ему испанское общество проблемы. Он искусно осветил жизнь Испании, переживающей сложный период политической нестабильности, свойственной переходному периоду, со всеми ее повседневными заботами и проблемами.

Повести Алонсо Саморы Висенте привлекают своим самобытным характером и своеобразием художественной формы воплощения содержания. Характерной чертой творчества А. Саморы Висенте является мастерское воссоздание народного характера, быта и языковой жизни испанского народа. Стремление к достоверности изображения речи современника прослеживается в речи его героев, изобилующей народно-разговорной, даже просторечной лексикой. Яркими примерами отступлений от книжной литературной нормы, нацеленных на создание речевого портрета героя, для которого просторечие – обычная норма словоупотребления, можно считать следующие:

No sé por qué coño se ríe. Sí, hombre, sí, ríase con ganas, fuerte [6, с. 262].

Coño, ¡qué hacéis aquí vosotros! ¿No habéis visto nunca un auto o qué? Pues, nada. Pero, ¡si está metido hasta los corvejones! ¿Es de usted? Sí, claro, ¡es de usted! Pero ¿cómo coño se ha metido usted por aquí? Si el camino va por ahí arriba, hombre. Oye, lo mismito que el camión del otro día, ¿no os acordáis?, el que iba lleno de carbonilla. Pero, hombre, a quién se le ocurre, coño. Pues la ha hecho usted buena. Ahora, para salir de ahí...Si yo llego a estar aquí, usted no se hunde, porque yo voy y cojo unas gavillas de jara, de esas del horno, ¿sabe usted?, y voy y las pongo de bajo de la rueda, y voy y les digo a estos: ¡Eh!, vosotros, todos y una, y voy y digo: aaa...úpa [7, с. 4].

¡Celebro encontrarte, caramba...! ¡Lo estaba deseando! Desde que leo tus cuentecillo en los suplementos de los periódicos, tengo un remusguillo que no sé. ¿Te das cuenta de lo que escribes...? ¡Si nos sacas a todos como grilleras de baba, que nos hartamos de hablar y hablar y luego, ¿qué...? [8, с. 7].

¡Ah, calamidad, a quién habrás salido! ¡Límpiate, leñe! ¡Y esas legañas...! [9, с. 164].

¡Jolines...! No digas imbecilidades, mi niña. Aquello era vivir, vivir como se vivía, y santas pascuas. Nada más. [10, с. 126].

Bueno, bueno, Purita, hija, a ver si gastas una miaja de formalidad...! ¡Déjate de chorradinás y dime qué demonios te pasa...! [11, с. 81].

Отличительной чертой, на наш взгляд, повести Алонсо Саморы Висенте является слияние двух речевых партий – повествователя и персонажей, имеющих общую языково-стилистическую базу, в роли которой выступает разговорный язык.

В анализируемых повестях, которые представляют диалог автора с читателем, проявляются многие специфические черты идиостиля

Саморы Висенте. К ним можно отнести разные типы повторов: на уровне слов, на уровне синтаксических структур, на уровне описываемых ситуаций и т. д., а также слабо выделяемые конструкции с прямой речью, синтаксический параллелизм, обилие эллиптических предложений, так называемый рубленый синтаксис [5, с. 109]. Красочными иллюстрациями вышеизложенного можно считать следующие примеры:

Quite usted, hombre, quite. Quite, hombre, quite usted. Mire, ya ve, ya me contará. Si lo sabré yo. ¿Ve usted esa ventana baja, sí, hombre, la de la persiana rota? Sí, claro [8, с. 7].

Eso del hacha es una forma de hablar, que le dicen, o sea, vamos, una metáfora. ¡Hay metáforas por exageración, o sea, parabólicas...! ¡Ah, lleva usted más razón que un santo: hiperbólicas...! ¿Sabe que me está dando en la oreja que usted no es un pardillo cualquiera? Ah, estudió en Madrid, en la Universitaria... ¿Antes de la guerra? Pues, oiga, para ser tan viejito se conserva usted bastante bien. Luego le haré algunas preguntas sobre su vida erótica, que, a su edad, ¿eh...? [там же, с. 8].

¿Cómo? No, no conozco a ese Juan Ramón Jiménez... ¿Dice usted que Premio Nobel...? Ah, en poesía, acabáramos. No, mire, yo, de eso... [12, с. 26]

Алонсо Самору Висенте по праву можно считать самобытным стилистом, ловко оперирующим диалектизмами и просторечными словами, передавая все богатство испанского языка, который под его пером становится орудием воздействия на мысли читателя-современника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М. М.* Собр. соч.: в 7 т. – Т. 5. – М.: Русские словари, 1997. – 2008. – 732 с.
2. *Валгина Н. С.* Теория текста: учеб. пособие. – М.: Логос, 2004. – 280 с.
3. *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: учеб. пособие. – 3-е изд. испр. – М.: КДУ, 2011. – 350 с.
4. *Лейдерман Н. Д.* Движение времени и законы жанра. Жанровые закономерности развития советской прозы в 60–70-е гг. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1982. – 254 с.
5. *Чувакин А. А.* Смешанная коммуникация в художественном тексте: Основы эвокационного исследования. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1995. – 126 с.

6. *Zamora Vicente A.* Soltero, soltero. En PSA, tomo LXI, núm. CLXXXIII, junio de 1971. – P. 275–298.
7. *Zamora Vicente A.* Desorganización. – Madrid : Espasa Calpe, 1975. – 206 p.
8. *Zamora Vicente A.* Historias de viva voz. – Madrid : Espasa Calpe, 1995. – 228 p.
9. *Zamora Vicente A.* A traque barraque. – Madrid : Alfaguara, 1972. – 239 p.
10. *Zamora Vicente A.* La otra esquina de la lengua. – Madrid : Fundación Antonio de Nebrija, 1995. – 232 p.
11. *Zamora Vicente A.* ¡Estos pobres diablos...! – Madrid : Fundación Antonio de Nebrija, 1999. – P. 81–82.
12. *Zamora Vicente A.* Uno es generoso, en Ya. – Madrid, 1972. – 123 p.

УДК 81'271

А. А. Архипова

аспирант кафедры лексикологии и стилистики факультета французского языка МГЛУ; e-mail: kuroi_tsuki@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЙ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА (на материале современного французского языка)

В статье рассматриваются коммуникативные стратегии институциональных дискурсов. Дается характеристика данных стратегий и проводится их сравнение как в разных институциональных типах дискурса, так и в разных жанрах в пределах одного типа дискурса.

Ключевые слова: институциональный дискурс; политический, юридический, учебно-педагогический дискурс; коммуникативная стратегия; коммуникативная тактика.

Arkhipova A. A.

Post-graduate Student, Department of French Lexicology and Stylistics, MSLU;
e-mail: kuroi_tsuki@mail.ru

THE STRATEGIES FEATURES IN DIFFERENT INSTITUTIONAL DISCOURSE TYPES (based on contemporary French language)

The communicative strategies of institutional discourse are examined in this article. The characteristic of strategies is given and their comparison is made both in different institutional discourse types and in different genres of the same institutional discourse type.

Key words: institutional discourse; political, juridical, educational discourse; communicative strategy; communicative tactic.

Настоящая статья посвящена исследованию коммуникативных стратегий таких типов дискурса, как политический, юридический, педагогический, которые, наряду с медицинским, рекламным, а также с дипломатическим, административным, военным, религиозным, спортивным, научным, массово-информационным и др., относятся к институциональному дискурсу [8].

Исследование коммуникативных стратегий остается актуальным на сегодняшний день. Их изучение обусловлено необходимостью, прежде всего, выработать единую интерпретацию данного термина, а также дать целостное, системное описание репертуара стратегий, реализующихся в различных типах институционального дискурса.

Достаточно подробно исследованы стратегии устных и письменных форм различных типов институционального дискурса, в том числе и политического, а именно: устная речевая коммуникация политиков (О. Н. Паршина), предвыборные выступления (О. В. Гайкова, А. А. Филинский), митинговая речь (А. А. Артюхова) и т. д. Стратегии политического дискурса, как и стратегии других типов институциональных дискурсов, определяются целями, в данном случае применительно к политической коммуникации. Политический дискурс, будучи институциональным, обладает рядом специфических особенностей, которые обуславливают набор свойственных для него коммуникативных стратегий. Одной из таких важнейших стратегий политического дискурса является его манипулятивность, которая присуща также и другим типам институционального дискурса.

Манипулятивность, или манипулирование, связывается с желанием адресанта сформировать положительное или отрицательное отношение адресата по тому или иному вопросу, изменить его мировоззрение, повлиять на его образ мыслей и т. д. [12], она призвана подчинить «публику», заставить ее поверить в истинность того, что происходит и что говорится [2].

Наряду со стратегией манипулирования в политическом дискурсе называется стратегия воздействия, понимаемая как «способ оперирования информацией с целью изменения поведения объекта речевого воздействия (т. е. того, кто подвергается речевому воздействию) в направлении, планируемом субъектом речевого воздействия (т. е. тем, кто осуществляет речевое воздействие)» [11, с. 269].

Подобные кажущиеся близкими цели манипулирования и воздействия, отмеченные исследователями, делают очевидным вопрос о соотношении понятий «манипуляции» и «воздействия». В одних исследованиях они рассматриваются как идентичные, в других – как имеющие значительные различия [3; 5; 12]. В последнем случае воздействие представляется более нейтральным понятием и трактуется как «действие, оказываемое кем-либо / чем-либо на кого-либо / что-либо, или просто влияние» [5]. Манипулирование же в переносном смысле трактуется как «ловкая проделка, ухищрение; махинация (обычно с оттенком неодобрительности)» [там же], как некое психологическое насилие, которое может осуществляться в форме игры (игра на потребности человека в любви, внимании и понимании), а также в форме прямых и косвенных угроз и запугиваний [2].

Подчеркивая чрезвычайную манипулятивность политического дискурса, лингвисты называют эту стратегию главной для данного типа дискурса. Другие стратегии могут выполнять второстепенную роль, «обслуживать» основную стратегию.

Точку зрения о неравнозначности стратегий в плане реализации коммуникативной цели подтверждает также и Р. Вион (R. Vion), который предлагает выделять в политическом дискурсе *локальные стратегии*, «характеризующие отдельный момент интеракции», и *глобальные*, «относящиеся к общей линии поведения, которой говорящий стремится придерживаться на протяжении всей интеракции» *стратегии* [16]. Так, по мнению Е. И. Шейгал, в политическом дискурсе стратегия манипуляции носит глобальный характер, а стратегии вуалирования, мистификации, анонимности – локальный [15]. В качестве локальных стратегий в зависимости от целей исследования могут быть названы и другие, например стратегии самопрезентации, дискредитации, нападения и самозащиты и т. д. [12].

Стратегия самопрезентации и *стратегия дискредитации* являются одними из активно исследуемых в политическом дискурсе. При этом, первая понимается как эмоциональная «самоподача» оратора, косвенная демонстрация психических качеств его личности для формирования определенного впечатления о нем самом и о его целях. Создание положительного впечатления об адресанте актуализирует доверие аудитории к говорящему. Вторая – как бы противопоставлена стратегии самопрезентации и имеет целью подорвать авторитет дискредитируемого объекта, унижить его, опорочить, очернить в глазах избирателей [там же].

Однако стратегия самопрезентации характерна не только для политического дискурса, но и для других типов институционального дискурса, например юридического и педагогического. В рамках политического дискурса она оказывается особенно важной, потому что одной из главных задач политического лидера является задача «понравиться народу», «это необходимо для успеха речевого воздействия политика в рамках политической борьбы за власть» [там же, с. 8]. В юридическом дискурсе «стратегия самопрезентации играет ключевую роль в убеждении судьи и присяжных в истинности представляемой “картины дела”» [9, с. 99]. В учебно-педагогическом дискурсе, реализуя стратегию самопрезентации, «авторы дискурса стремятся, во-первых, включить адресата в “свой круг”, во-вторых, понравиться адресату,

выдвигая как положительно ценности интересы “общества” и интересы адресата» [14, с. 20].

Однако коммуникативная цель данных типов дискурса по-разному преломляет манифестацию данной стратегии и для ее реализации используются как одинаковые, так и различные тактики.

В политическом дискурсе самопрезентация представляет собой эмоциональную «самоподачу» оратора, косвенную демонстрацию психических качеств его личности для формирования определенного впечатления о нем самóм и о его целях. Здесь данная стратегия реализуется с помощью следующих тактик: *отождествления с кем-либо или с чем-либо; солидаризации с адресатом; создания **своего круга**; дистанцирования; нейтрализации негативного представления о себе; гипертрофирования **я-темы**; акцентирования положительной информации, а также тактик эпатирования; насмешки* и др. [12].

В юридическом дискурсе в рамках стратегии самопрезентации в качестве основной называется *тактика построения имиджа*. Она активно реализуется во всех видах выступлений и объединяет такие имиджевые тактики, как *имидж объективного и высококвалифицированного профессионала-юриста, имидж честного профессионала-юриста, имидж непримиримого борца с преступностью, имидж подсудимого как невиновного и напрасно обвиняемого человека, имидж **невинной овечки**, имидж подсудимого как «случайно оступившегося», имидж требующего справедливости, имидж жертвы преступников*. При этом *тактики подстройки*, также реализующие стратегию самопрезентации, предполагают отождествление себя как участника судебного процесса с обществом, по принципу «я такой же, как и вы» [9, с. 100–101].

Вычленение специфических тактик самопрезентации в таком жанре письменного учебного дискурса, как «школьные учебники» осложнено тем, что над авторами учебных текстов довлеют языковые нормы научного (научно-учебного) стиля изложения, предполагающие редуцирование до минимума индивидуальности автора. Поэтому при изложении теоретического материала авторы, за небольшим исключением, выбирают роль «беспристрастного информатора», кроме введения и заключения, где они напрямую от своего имени обращаются к адресату [14].

Авторы учебных текстов стремятся включить адресата в «свой круг», понравиться адресату, выдвигая как положительно

ценности интересы «общества» и интересы адресата. Общий тон прямых обращений авторов учебных текстов к адресату дружеский, с разной степенью назидательности. Таким образом, авторы учебных текстов моделируют ситуацию свободной беседы или учебной лекции с жесткой «вертикалью коммуникативной власти» [14, с. 20].

Таким образом, очевидно, что в юридическом, политическом и педагогическом типах дискурса стратегия самопрезентации направлена на создание положительного впечатления об адресанте, чтобы вызвать к нему доверие и сблизить его с адресатом. Тактики, актуализирующие данную стратегию, представляют собой, с одной стороны, создание определенного образа в глазах адресата, а с другой – непосредственно отождествление с ним.

Вместе с тем, самопрезентация может рассматриваться не только как стратегия, но и как одна из коммуникативно-речевых тактик. Так, в одном из жанров учебно-педагогического дискурса – школьном уроке – данная тактика отмечается как реализующая его *экспрессивно-апеллятивную стратегию* [10].

При этом отмечается, что она имеет целью формирование определенного имиджа, проявляясь в поведении человека, в его манере говорить, в стиле одежды, т. е. во всем его образе. Эта тактика использует коммуникативные акты-экспрессивы, а также (при определенных обстоятельствах) декларативы. Тактика самопрезентации может быть представлена такими тактическими ходами, как речевое моделирование с интенцией акцентировать в речи специфические особенности собственной личности или своей роли, моделирование структуры имиджа с интенцией квалифицировать себя как исполнителя доминирующей роли и факультативных ролей, создание «своего круга» с интенцией обозначить «своих» и «чужих» и персонификация с интенцией связать какое-либо событие, явление с именем. Таким образом, «тактика самопрезентации в коммуникативном аспекте ориентирована на отношение» [там же].

Стратегия дискредитации, равно как и *стратегия самопрезентации*, также выделяется в различных типах институционального дискурса. Если в политическом дискурсе дискредитация представляет собой стратегию, которая актуализируется в тактиках оскорбления и обвинения, то в юридическом дискурсе дискредитация рассматривается как тактика, реализующая *стратегию деконструкции* [12]. Дискредитации могут подвергаться достоверность показаний подсудимых, свидетелей потерпевших, их репутация; действия следователей,

адвокатов, судей, экспертов; уровень их квалификации, их незаинтересованность и объективность [9]. В учебно-педагогическом дискурсе коммуникативно-речевая *тактика дискредитации* («игра на понижение») также имеет целью подорвать доверие, вызвать сомнение в положительных качествах кого-либо. Здесь тактика дискредитации направлена на то, чтобы указать на сомнительность некоторых качеств человека, ее реализация на уроке затрагивает личностную сферу ученика, принижает его чувство собственного достоинства, подрывает мнение о нем других школьников и поэтому, в принципе, является недопустимой для «применения» в процессе обучения. Эта тактика использует экспрессивно окрашенные коммуникативные акты-инвективы и реализуется в четырех основных тактических ходах: оскорбление, насмешка, осуждение и обвинение. М. Ю. Олешков приводит следующие примеры: «Тебе, Петров, надо учиться в школе для дураков»; «Алена смотрит в книгу и видит фигу. Саша видит две фигуры. Ксюша – три»; учитель (*иронично*): «Мне приятно видеть, как ученики пытаются думать» [10, с. 19].

Таким образом, выявление одних и тех же феноменов одновременно как стратегии в одних и как тактики в других типах дискурса (например, дискредитации как стратегии в политическом и как тактики в юридическом и педагогическом дискурсах) свидетельствует о субъективности таких исследований. Подобный неоднозначный подход можно наблюдать также в отношении *манипулятивной стратегии* и *стратегии дискредитации*. В некоторых случаях отмечается невозможность их четкого разграничения, так как, по мнению исследователей, цели воздействия у них зачастую совпадают: при этом реализация *стратегии дискредитации* и *стратегии нападения* в речи политиков – это одно из проявлений речевой агрессии, которое представляет собой особый тип речевого воздействия [12].

В ряде случаев у некоторых стратегий выделяются их разновидности. Так, стратегия дискредитации, предполагающая публичность речевых действий и рассчитанная прежде всего на реакцию наблюдателей (т. е. избирателей), может иметь в качестве своей разновидности стратегию нападения. Помимо уже названной задачи – опорочить политического оппонента – стратегия нападения может преследовать цель вывести его из равновесия оскорблениями, ложью, клеветой, задеть его чувства, заставить защищаться и тем самым лишить возможности высказать свою позицию [там же, с. 12].

Вместе с тем, некоторые стратегии могут иметь не только похожие, но и противоположные цели. Например, в противовес стратегии дискредитации и нападения, О. Н. Паршина приводит некую *оборонительную стратегию*, или *стратегию самозащиты*. Последняя может, с одной стороны, выступать в качестве самостоятельной стратегии речевого поведения политика, а с другой – сочетаться с «антонимичными» средствами воздействия, т. е. переходить в «наступление». В качестве специализированной тактики стратегии самозащиты является тактика оправдания, часто выступающая вместе с общими тактиками оспаривания и критики. Тактики стратегии самозащиты реализуются, в основном, на синтаксическом и текстовом уровнях [12].

Различные группы стратегий при исследовании юридического (судебного) дискурса выделяются в зависимости от наличия перво-степенных и второстепенных целей общения. «В большинстве случаев к основным стратегиям относятся те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата, с его моделью мира, системой ценностей, с его поведением (как физическим, так и интеллектуальным)» [6, с. 106]. Именно этот тип стратегий является наиболее значимым в профессиональном общении и соотносится со способами речевого воздействия.

В качестве первостепенной, основной, стратегии того или иного типа институционального дискурса часто рассматривается *стратегия воздействия*. В судебной сфере она тесно связана с эффективностью речевой коммуникации [13]. Здесь первостепенными называются *семантические (когнитивные) стратегии*, соотносящиеся с первостепенными целями коммуникации, т. е. с непосредственными целями воздействия. Именно семантические стратегии играют решающую роль в построении «картины дела» каждой из сторон судебного процесса, именно с их помощью судебные ораторы оказывают влияние на убеждение судьи и присяжных заседателей [9]. К ним относятся *стратегию убеждения* (безусловно, доминирующую в судебных прениях), *стратегию деконструкции* (направленную на то, чтобы разрушать и порождать сомнения в доброкачественности смысловой структуры «дела» своего процессуального оппонента), *стратегию интерпретации действительности* с соответствующим набором тактик, сводящимся к двум тактикам: интенсификации (предполагает игру на «повышение», преувеличение) и преуменьшения (заключается в сокрытии или затушевывании информации) [там же].

Остальные стратегии юридического (судебного) дискурса, по мнению исследователей, соотносятся с разными мотивами человеческой деятельности – прагматические (коммуникативно-ситуационные), риторические и диалоговые (конверсационные). Они, как правило, рассматриваются в качестве вспомогательных и способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата [9].

Прагматические стратегии имеют особую значимость в судебных прениях по уголовным делам. Опираясь на компоненты коммуникативной ситуации, они ориентированы на глобальную цель: убедить судью (присяжных) в истинности представляемой «картины дела». *Диалоговые (конверсационные) стратегии* используются для мониторинга темы, инициативы, степени понимания в процессе общения. В рамках *риторических стратегий* используются различные приемы ораторского искусства и риторические техники эффективного воздействия на адресата. Они реализуются в определенном наборе тактик, где особое внимание уделяется тактикам привлечения внимания, драматизации, имитации, аналогии, противопоставления [там же].

Проведенный анализ показывает, что один и тот же набор стратегий может быть выделен в нескольких типах институционального дискурса. Так, *основные* (когнитивные, или семантические) и *вспомогательные* (прагматические, диалоговые и риторические) *стратегии* отмечаются не только в юридическом (судебном) дискурсе [там же], но также и в учебно-педагогическом, например в такой его письменной форме, как школьные учебники [14].

Однако их реализация в учебном письменном дискурсе имеет ярко выраженную специфику. Так, по мнению исследователей, для учебного дискурса *когнитивные стратегии* могут рассматриваться как *основные*. Во-первых, учебный текст обращен, прежде всего, к ментальным механизмам мышления читателя и, во-вторых, когнитивные стратегии во многом «привязаны» к таким специфическим элементам учебных текстов, как заголовки, система рубрикации, система вопросов и заданий и т. п. [там же].

К *прагматическим стратегиям* в учебно-педагогическом дискурсе относят создание положительного эмоционального настроения; актуализацию новой информации; управление вниманием адресата, а также стратегию самопрезентации. *Диалоговые стратегии* позволяют осуществлять мониторинг сохранения темы, удержание или

перехват инициативы, выяснение и корректировку степени понимания в процессе общения и т. п. [7]. Самой распространенной тактикой, реализующей эту стратегическую цель, является тактика попутных вопросов, «вкрапленных» в изложение теоретического материала. Кроме того, используется тактика попутных замечаний, тактика открытого спрашивания о достижении понимания, тактика предвосхищения реакции адресата, тактика иронических вопросов и т. д. [14].

Из всего многообразия *риторических коммуникативных стратегий* в учебном дискурсе наиболее широко представлена стратегия организации обратной связи в паре «автор-адресат». Контроль за успешностью такой связи, реализуемой через тактику актуализации изучаемого материала, отсылки к тому, где искать путь решения той или иной задачи, косвенной подсказки и авторского резюмирования, представляющего собой некий образец идеального восприятия изложенного теоретического материала [там же].

Убедившись в том, что в разных типах институционального дискурса могут быть выделены одни и те же стратегии, имеющие однако разное наполнение, отметим, что в рамках одного типа институционального дискурса в зависимости от жанра могут быть также выделены разные стратегии. Покажем это на примере таких жанров педагогического дискурса, как «университетский педагогический дискурс», с одной стороны, и «школьный урок» – с другой. Так, в рамках университетского педагогического дискурса называют две *макростратегии*, выделяемые с учетом двух основных направлений ответственности преподавателя: ответственность за организацию педагогического процесса как такового и ответственность за межличностный контакт со студентами – *макростратегия управления интеллектуальной деятельностью* студентов при организации интеллектуально-медиативного дискурса и *макростратегия управления социальной и межличностной дистанцией* для организации институционально-персонального взаимодействия.

В рамках макростратегии управления интеллектуальной деятельностью объединяются такие дискурсивные стратегии, как *стратегия моделирования знаний; стратегия верификации знаний; стратегия выражения отношения к окружающей ситуации; стратегия управления темой; стратегия управления инициативой; стратегия упорядочивания ментальной и физической деятельности студентов.*

Макростратегия управления социальной и межличностной дистанцией содержит в себе преимущественно психологический аспект

и включает стратегии, служащие для организации педагогической, как институциональной, так и межличностной, интеракции: *стратегия установления и поддержания контакта; стратегия кооперации (и/или не-кооперации); стратегия ободрения; стратегия выражения социального превосходства; стратегия дискредитации; стратегия реабилитации; стратегия валоризации личности студента; стратегия создания психологической и эмоциональной атмосферы; стратегия самопрезентации; стратегия самореабилитации* [4].

В то же время в другой устной форме учебно-педагогического дискурса – школьном уроке – исследователи выделяют иные стратегии и, в первую очередь, *экспрессивно-апеллятивную стратегию*, с помощью которой говорящий решает задачи, связанные с организацией «рабочей» атмосферы урока, толерантной «образовательной среды», а также с эмоциональной оценкой развития коммуникативной ситуации. Макроинтенция учителя в этом случае – социальная консолидация и стремление добиться взаимного удовольствия от общения [10].

В данном жанре *экспрессивно-апеллятивная стратегия* реализуется в пяти коммуникативно-речевых тактиках: *формирование эмоционального настроя, самопрезентация, дискредитация (игра на понижение), контактоустанавливающая и блокировка контакта*. В рамках школьного урока особое значение приобретает коммуникативно-речевая *тактика формирования эмоционального настроя*, интенционально обусловленная намерением адресанта «существовать» в комфортной образовательной («рабочей») среде, при необходимости выразить свое эмоциональное отношение к происходящему и имеющая целью создание необходимого коммуникативного контекста. В процессе общения на уроке очень важен эмоциональный фон коммуникации, адекватный уровень взаимоотношений, обмен эмоциями и т. п. *Тактика формирования эмоционального настроя* использует коммуникативные акты-экспрессивы, а также (при определенных обстоятельствах) инвективы и реализуется в консолидирующем, аксиологическом и эпидейктическом дискурсах в трех основных тактических ходах: 1) пожелание; 2) комплимент; 3) «снятие напряжения» [там же].

Таким образом, под стратегией мы, вслед за О. С. Иссерс, понимаем когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера; как определенную направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах

достижения цели коммуникации уровнях [6; 12]. Стратегия – это путь, посредством которого адресант воздействует на адресата, схема речевых действий, которые приводят говорящего к достижению цели [1].

Стратегии определенного типа институционального дискурса представляют собой некую систему. Стратегии неоднородны по своей природе: одни носят глобальный характер (*стратегия манипуляции*), другие – локальный (например, *стратегия вуалирования, мистификации, анонимности*), одни выступают как основные, другие – как второстепенные. В качестве основной стратегии того или иного типа дискурса может рассматриваться не одна, а две стратегии (например, *стратегия манипуляции* и *стратегия дискредитации* для политического дискурса). Некоторые стратегии могут иметь разновидности (*стратегия нападения* как разновидность *стратегии дискредитации*). Кроме того, некоторые стратегии одного и того же жанра могут иметь антонимичные, противоположные по смыслу стратегии (*стратегия нападения* и *оборонительная стратегия, стратегия самозащиты; стратегия дискредитации* и *стратегия самопрезентации*). В различных типах институционального дискурса могут выделяться одинаковые стратегии (хотя, как правило, они находят свою реализацию в различных тактиках). В то же время в жанрах одного и того же типа дискурса стратегии могут быть различны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова Ю.А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе (отклики на террористический акт): автореф. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 23 с.
2. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс в системе типов общения. – Волгоград : Волгоград. гос. пед. ун-т., 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/006/section_3_6/3_4_6.htm
3. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореф. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2007. – 45 с.
4. Димова Г.В. Основные стратегии французского университетского педагогического дискурса: автореф. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2004. – 20 с.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М. : Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovar.cc/rus/efremova-tolk/269530.html>

6. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.
7. *Иссерс О. С.* Речевое воздействие: учеб. пособие. – М.: Флинта, Наука, 2009. – 224 с.
8. *Карасик В.И.* О типах дискурса. – 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/>
9. *Мальцева В.А.* Речевые тактики судебного спора // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. – 2012. – № 149. – С. 95–103.
10. *Олешков М. Ю.* Экспрессивно-апеллятивная стратегия в институциональном дискурсе (на материале устных дидактических текстов) // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова. – Владикавказ: Изд-во СОГУ. – 2008. – № 3. – С. 17–21.
11. *Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса: Монография. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
12. *Паршина О.Н.* Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: автореф. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2005. – 48 с.
13. *Тарасов Е. Ф.* Речевое воздействие: методология и теория // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 5–18.
14. *Токарева П.В.* Коммуникативные стратегии и тактики в современном учебном дискурсе (на материале школьных учебников): автореф. ... канд. филол. наук. – Омск, 2005. – 24 с.
15. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000. – 386 с.
16. *Vion R.* La communication verbale: analyse des interactions. – Paris: Hachette Livre, 2000. – 302 p.

УДК 81'276.6

О. А. Быкова

аспирант кафедры фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка МГЛУ; e-mail : bykoolya@yandex.ru

**КООПЕРАТИВНЫЕ И НЕКООПЕРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
УЧАСТНИКОВ ИНТЕРНЕТ-ПОЛИЛОГА
(на материале французского языка)**

В данной статье на материале франкоязычного интернет-дискурса рассматриваются примеры возможных кооперативных и некооперативных реакций на иницирующую реплику-ассертив в многосторонней (полилогической) коммуникации.

Ключевые слова: полилог; кооперация; конфликтное общение; интернет-дискурс.

Bykova O. A.

Postgraduate Student, Department of the French Language Phonetics and Grammar, the French Language Faculty, MSLU; e-mail : bykoolya@yandex.ru

**COOPERATIVE AND NON-COOPERATIVE STRATEGIES
OF THE INTERNET-DISDISCOURSE PARTICIPANTS
(by the example of French-speaking networks)**

The article deals with the instances of possible cooperative and non-cooperative responses to initiating assertive utterances in the multilateral (polylogical) communication.

Key words: polylogue; cooperation; conflict interaction; Internet-discourse.

В последней четверти XX в. в дискурсологии получил широкое распространение стратегический подход к исследованию различных форм коммуникации.

Несмотря на значительное количество определений термина «коммуникативная стратегия» в современном языкознании, лингвисты сходятся в том, что интегрирующим звеном во всех трактовках является положение о детеминирующем влиянии на стратегичность речевого поведения индивида таких коммуниктивных действий, как «целесолагание», «смыслообразование», «контроль за ходом воплощения речевого замысла», «планирование»/«прогнозирование» [8, с. 135]. Причем некоторые лингвисты особое внимание обращают именно на целевую составляющую, которая обуславливает стереотипы построения процесса коммуникативного воздействия [6]. Таким образом, «импульсом» для формирования коммуникативной стратегии

является коммуникативная цель, т. е. конечный когнитивный образ результата, который создается у участника речевого взаимодействия до начала самого коммуникативного процесса.

Данное рассуждение не ставит под сомнение тот факт, что, вступая в коммуникацию, каждый ее участник преследует определенную цель, выраженную более или менее эксплицитно. Однако О. С. Иссерс задает достаточно интересный, на наш взгляд, вопрос: «Возможно ли речевое общение нестратегического характера?» [2, с. 133]. Отвечая на него, ряд исследователей приходит к узкому определению стратегии: о ней можно говорить лишь в том случае, когда возникает некоторая коммуникативная проблема, требующая решения. О. С. Иссерс утверждает, что речевое воздействие в целом и речевая стратегия, в частности основываются на интерпретации, так как именно она задействована в операциях над эмоциями, знаниями, волей и ценностями адресата [3]. Следовательно, наличие или отсутствие интерпретативной установки может быть критерием для различения нестратегического и стратегического общения.

В работе мы придерживаемся более широкого определения термина «коммуникативная стратегия» и согласны с исследователями, полагающими, что коммуникация – это стратегический процесс по умолчанию. На наш взгляд, интеракция не может порождаться лишь единими пространственно-временными рамками. Для ее начала нужен стимул, т. е. определенное волевое усилие со стороны одного из присутствующих. Если этого волевого усилия нет, то коммуникантам незачем общаться, поскольку у них отсутствует цель, а соответственно и стратегия.

Вместе с тем, помимо целевого компонента, понятие стратегии опирается на возможность выбора оптимальных языковых ресурсов, имеющихся в распоряжении собеседников на каждом этапе общения. В процессе коммуникации принимаются самые разнообразные решения: передать / не передать сообщение, определить его семантический «ракурс», выбрать лексическое наполнение, поверхностную синтаксическую структуру, последовательность фраз и коммуникативных шагов и др. [там же].

Материалом для данного исследования послужили полилоги из франкоязычных социальных сетей. Как считает Ю. Е. Прохоров, интернет-дискурс – это совершенно особый вид дискурса в силу субституции реального образа вымышленным [6]. Дистантность

и опосредованность общения составляют основную специфику коммуникации в интернет-пространстве, что приводит к особому функционированию всех ее компонентов: единым пространством считается интернет-пространство, а временные характеристики служат критерием для разграничения синхронных и асинхронных интеракций. В силу того, что собеседники не общаются «лицом к лицу», мы не можем точно указать количество участников интеракции. Запись, сделанная в Интернете, доступна для огромного числа потенциальных «молчащих наблюдателей». Но если в реальной коммуникации «молчащий наблюдатель» заставляет собеседников определенным образом адаптировать содержание и ход коммуникации, то в виртуальном общении выполнение этого условия не обязательно.

Кроме того, в силу вышеперечисленных особенностей, в интернет-коммуникации на первый план выходит стратегия самопрезентации. Интернет-пользователь создает определенный виртуальный образ, с которым и будут коммуницировать другие пользователи. Важно также обратить внимание на то, что интерактанты не всегда обладают информацией друг о друге, что позволяет выделить в качестве признака интернет-дискурса анонимность коммуникации. Данное условие зачастую приводит к стиранию социально-статусных различий между коммуникантами, в результате чего общение приобретает еще и такие свойства, как виртуальность (возможность общаться с условно незнакомым собеседником) и глобальность (возможность установить контакт с любым пользователем в сети) [5, с. 90]. При этом даже те коммуниканты, с которыми пользователь знаком лично, будут определенным образом корректировать свое представление о нем в соответствии с новой информацией, полученной с помощью виртуального образа.

Вышеперечисленные признаки, безусловно, влияют, с одной стороны, на целевой компонент стратегии, а с другой – на выбор речевых средств. В самом деле, выбор средств и целей всегда связан с определенными социальными рамками и нормами общения в том или ином социуме. Эти правила включают каноны конвенциональности, одновременно являясь продуктами механизма схематизации опыта общения [9]. В разработку правил, которым должен соответствовать коммуникативный обмен, внесли свой вклад многие известные ученые. В зарубежной лингвистике: *принцип кооперации* Г.П. Грайса [12]; *постулаты вежливости* Дж. Лича [14]; *дискурсивные законы* О. Дюкро [10]; *правила коммуникации* И. Гофмана [11]. В отечественной

лингвистике: *риторические правила для говорящего и слушающего* Ю.В.Рожественского [7] и др. Однако общение в Интернете часто сводит к нулю ограничения в выражении собеседниками мыслей и чувств. Более того, развитие интернет-технологий позволяет максимально диверсифицировать передачу эмоций. Таким образом, ощущение «вседозволенности» и свободы, которое дают опосредованность и анонимность, приводит к корректировке целевого компонента, следовательно, и к изменению стратегической составляющей. Кроме того, анализируя полилоги, необходимо учитывать специфику полилогической формы общения. Многосторонняя коммуникация, как более гибкая и открытая форма общения, подразумевает и значительно большее разнообразие стратегий [13].

В статье предпринимается попытка разграничения кооперативных и некооперативных интеракций. Данная типология, рассматриваемая большинством исследователей как одна из основополагающих, связана с разнонаправленностью целей и мотиваций собеседников. Она опирается на различные коммуникативные законы и нормы общения, о которых упоминалось выше. Вместе с тем, многие исследователи вносят в них некоторые корректировки и уточнения. Так, П. Т. Кларк и Т. Б. Карлсон ввели в лингвистический обиход так называемый принцип ответственности, который заключается в том, что в любой момент каждый коммуникант обязан быть в курсе того, что говорится, и обеспечивать такую возможность всем остальным общающимся [4]. Это очень важное уточнение для полилога, поскольку в много-сторонней коммуникации нередко случаи образования «коалиций», в том числе основанных на фоновых знаниях собеседников.

Аналогичный принцип «неисключения» собеседников из процесса коммуникации формулирует В. Траверсо, которая подчеркивает, что в любой момент коммуникации ее непосредственные участники должны прилагать максимальные усилия для того, чтобы третьи лица не оставались в стороне [13]. Добавим от себя, что для обеспечения кооперативного характера многостороннего общения ни один из его участников не должен игнорироваться собеседниками помимо его воли.

К. Кербрат-Орекиони отмечает, что трилог (а соответственно и полилог) носит, по сравнению с диалогом, потенциально более конфликтный характер. Кроме того, он менее регламентирован, так как один из участников общения может временно дистанцироваться от

коммуникации, и это обстоятельство не будет угрожать дальнейшему развитию интеракции [13]. В целом у каждого отдельно взятого участника трилога кооперативное намерение будет слабее, чем в случаях диалогического обмена.

Безусловно, любая коммуникация представляет собой определенное равновесие между кооперативными и конфликтными стратегиями. В этом плане мы согласны с Г. Э. Айрапетовым, который отмечает: «Необходимо признать, что даже во взаимодействиях, построенных на самых дружеских взаимоотношениях, у какой-либо из сторон всегда есть определенная цель: желание играть более красивую роль и занимать “высокую позицию”. Иначе говоря, даже в случаях максимального сотрудничества всегда имеется место для конкурентности и поиска успеха. И наоборот, даже во взаимодействиях, построенных на конфронтации, таких как “обсуждение” или “спор”, мы находим формы кооперации» [1, с. 34].

Таким образом, характер коммуникации может анализироваться в терминах «кооперации» / «конflikта», и в данной статье мы попытаемся проследить возможные кооперативные и конфликтные реакции в полилогической коммуникации с иницирующей репликой-ассертивом и доминирующей стратегией информирования.

Иницирующие реплики-ассертивы в интернет-коммуникации, несомненно, преобладают по сравнению с другими (вопросительными и побудительными) высказываниями. На наш взгляд, именно ассертивы наиболее успешно реализуют стратегию самопрезентации, при которой инициатор общения отбирает лишь ту информацию, которая, по его мнению, выставит его в привлекательном свете в глазах других пользователей. Очевидно, что передавая определенное содержание, обличенное в конкретную форму, пользователь строит предположения о возможном эффекте, который оно произведет на собеседников, и следовательно, проецирует ожидаемую реакцию с их стороны.

В ходе исследования корпуса примеров нами выделено множество видов иницирующих реплик. Сразу уточним, что все отобранные для анализа реплики нацелены на то, чтобы каким-либо образом привлечь внимание потенциального собеседника именно к данному сообщению. В связи с этим авторы прибегают к различного рода «уловкам», используя разнообразные лексические и экспрессивные средства. Приведем примеры возможных кооперативных и некооперативных (конфликтных) реакций на некоторые виды иницирующих реплик-утверждений.

Так, реплики информирующего типа, относящиеся к повседневной жизни пользователя, нередко сопровождаются комментарием и оценкой происходящего:

(1) Ma mère s'est acheté un iPhone pour, je cite, «faire comme toutes les copines hihhi». Attendez. Peut-on reparler du problème de la génération Z avec la consommation grégaire ? (<https://www.facebook.com/hadesMES>)

Несмотря на то, что в иницирующей реплике встречаются и побудительное (*Attendez*) и вопросительное (*Peut-on reparler du problème de la génération Z avec la consommation grégaire?*) высказывания, доминирующей стратегией в данной реплике является информирование. Другие формы высказываний выполняют экспрессивную функцию (побудительное – функцию имитации рассуждения; риторический вопрос – функцию вовлечения потенциального посетителя страницы в размышления над затронутой проблемой).

Кооперативной реакцией на подобные типы реплик будет, несомненно, выражение интереса к сообщаемой информации. Например, кооперативное намерение может выражаться посредством уточняющих вопросов, свидетельствующих о проявленном интересе, или формулировки собеседником своей позиции, близкой к точке зрения автора высказывания, как в следующем примере:

- (2) L1 : Je n'ai jamais vu autant de monde devant le bureau 120 de la scolarité de la Fac de droit de Nantes... O_O'
L2 : C'est quoi le bureau 120 ?
L1 : C'est le bureau de la scolarité pour les licences et master 1.
L3 : Cette année apparemment c'est la ruée vers les facs !
L4 : Décidément, la fac c'est vraiment du total fuck >> (<https://www.facebook.com/neil.jors?fref=ufi>)

Конфликтными стратегиями будут считаться выражение несогласия с автором, сомнение в правдоподобности сообщаемой информации или нанесение прямого оскорбления автору иницирующего высказывания. Ирония также будет считаться некооперативной стратегией, хотя она может и не содержать в себе элементов угрозы статусу собеседника:

- (3) L1 : Et bien c'est officiel: je suis licencié en droit et sciences politiques.
L2 : Déjà licencié sans même bosser ? Y'en a qui commence bien !! (oui, chui déjà dehors après une telle blague... : P)
L3 : Rien de très surprenant en somme... Mais raison valable pour une bière (<https://www.facebook.com/neil.jors?fref=ufi>)

Так, в примере (3) реплики собеседников L2 и L3 едва ли являются кооперативными. Реплика L2 содержит в себе иронию, основанную на игре слов (собеседник делает вид, что неверно понял содержание иницилирующей реплики L1). В свою очередь L3 отмечает, что информация, сообщенная в реплике L1, его не удивляет, поэтому цель данной реплики не достигнута.

(4) L1 : Quel moment fantastique pour que mon FAI decide de couper internet pendant plusieurs jours pour rehausser le débit.

L2 : Batard !

<...>

L3: les sales fils de putes (<https://www.facebook.com/antoine.daniel.121?fref=ts>)

Высказывания собеседников L2 и L3 могут рассматриваться как максимально некооперативные. Они никак содержательно не соотносятся с посылом иницилирующей реплики и содержат в себе прямое оскорбление (в случае L2 – адресованное L1, в случае L3 – всем пользователям, прокомментировавшим запись инициатора общения). Отметим, что приведенный пример представляет собой комментарии к записи публичного лица, оставленные лично незнакомыми с ним людьми, что увеличивает степень анонимности коммуникации.

В некоторых случаях автор высказывания ищет поддержки у широкой аудитории интернет-пользователей, и максимально-кооперативным намерением будет считаться выражение этой поддержки:

(5) L1 : Le malaise de se pointer tôt au bureau un dimanche et être toute seule lel.

L2 : Bon courage Lisa !

L1 : Merci Audrey :) A toi aussi si tu bosses !

L2 : La nuit pro' seulement ;)

L1 : Ok ;)

L3 : Tiens bon ! (<https://www.facebook.com/hadesMES>)

Исходное высказывание содержит в себе лексический элемент с негативной коннотацией *malaise* и служит для выражения автором отрицательной оценки происходящего. Междометие *lel*, как модифицированный вариант *lol* с позитивным смыслом, также несет в себе элемент негативной оценки. Собеседники выражают поддержку L1, поэтому их намерения максимально кооперативны.

В функции иницилирующих ассертивных реплик могут также использоваться цитаты. Они публикуются интернет-пользователями,

как правило, для более точного выражения своих мыслей или эмоций. Отметим, что применительно к стратегии самопрезентации цитирование может нести в себе определенный элемент манипулирования (в частности, посредством ссылки на авторитетное мнение), а также демонстрировать уровень общей культуры пользователя или создавать иллюзию наличия этой культуры.

Кооперативной реакцией в подобных случаях будет выражение согласия с содержанием цитаты.

(6) L1 : «Un amour qui n'a pas le sentiment d'être éternel n'a jamais commencé. »

André Frossard

L2 : Très joli 😊

L3 : Si vrai ! (<https://www.facebook.com/nicolas.forlini?fref=ts>)

Некооперативной реакцией будет считаться несогласие с содержанием иницилирующей реплики:

(7) L1 : Ne pardonne pas au diable d'être ce qu'il est, accepte de le combattre toute ta vie durant.

L2 : Le diable n'est pas forcément un ennemi. Il est là, pour nous souvenir que nous sommes dans la matière, et nous élever spirituellement par le défi qu'il nous donne. Nous avons toujours le choix..

L3 : Bien vu Alicia ... Faut-il encore que nous soyons clairvoyants et réfléchis pour reconnaître et accepter le défi ! (<https://www.facebook.com/nicolas.forlini?fref=ts>)

В приведенном примере реакции собеседников L1 и L2 следует рассматривать как некооперативные, так как они ставят под сомнение корректность иницилирующей реплики. В реплике говорящего L2 несогласие выражено с помощью наречия *pas forcément*. Коммуникант L2 аргументирует свое мнение, приводя краткие размышления по затронутой проблеме. Многоточие, которое завершает его реплику, с одной стороны, служит для смягчения некооперативного намерения; с другой – акцентирует незаконченность мысли и приглашает других пользователей включиться в размышления. Реплика L3 связана с иницилирующей репликой лишь тематически, в остальном же она обращается к реплике L2. В ней содержится выражение одобрения (*bien vu*), обращение к L2 (*Alicia*), а также риторическое восклицание – экспрессивное средство, служащее для выражения активной поддержки позиции L2, противоречащей содержанию реплики L1.

Наконец, реплики-ассертивы, содержащие информацию о происходящих в мире событиях, могут сопровождаться комментарием автора. Проанализируем в этой связи несколько примеров, представляющих собой реакцию на произошедшие в Париже 13 ноября 2015 г. теракты:

- (8) L1 : On va tous se réveiller avec une gueule de bois ignoble. Et ce sera encore pire quand on se rendra compte des conséquences de ces actes. Bien plus tard.
- L2 : Une gueule de bois aussi dure soit elle ne serait que douce caresse par rapport au réveil qui nous attend.
- L3 : J'ai peur de demain, peur des amalgames, peur des on dit, peur que la peur rende les gens cons (<https://www.facebook.com/hadesMES?fref=ts>)

Как видим, собеседники L2 и L3, разделяющие точку зрения L1, дополняют содержание инициирующей реплики комментарием. Их реакция кооперативна. Причем реакция собеседника L2 тем более кооперативна, что она повторяет метафору, сформулированную автором инициирующей реплики (*gueule de bois*).

Аналогичный случай можно наблюдать и в примере (9), где собеседник L3 повторяет использованную в инициирующей реплике формулировку *tu gagnes.... des points*:

- (9) L1 : Autant à l'époque j'étais pas Charlie because of reasons, autant la... C'est chaud. Niquez vous bien bande de connards, ça vous rapporte quoi de buter des gens pépère dans un concert ? Tu gagnes des points karma ?
- L2 : Pareil :(
- L3 : Tu gagnes surtout des points conneries. Difficile de garder son sang froid (<https://www.facebook.com/ZenNecro>)

Подводя итог проведенного исследования, мы можем сделать следующие выводы.

1. Поскольку ведущим мотивом коммуникации является тенденция к сотрудничеству, кооперативное поведение следует признать доминирующей стратегией. Однако в интернет-коммуникации с усилением степени анонимности и дистанцированности общение становится менее кооперативным.

2. Открытая и гибкая организация полилогического общения накладывает отпечаток на развертывание процесса коммуникации.

В этой связи некоторые реакции, которые по отношению к инициирующей реплике будут считаться конфликтными, по отношению к высказываниям других участников общения могут быть охарактеризованы как кооперативные.

3. Оппозиция кооперация / некооперация (конфликт) не может считаться дихотомией в чистом виде. При отборе материала нами было выявлено множество реакций, не относящихся ни к одному, ни к другому типу, которые можно охарактеризовать как «неопределенные».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айрапетов Г. Э.* Интеракциональные особенности полилогического дискурса (на материале французского языка): дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2001. – 150 с.
2. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: дис. ... д-ра филол. наук. – Омск, 1999. – 385 с.
3. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.
4. *Кларк П. Т., Карлсон Т. Б.* Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. – Вып. 17. – 1986. – С. 270–321.
5. *Лепшеева Н. А.* Жанровые особенности компьютерного дискурса // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2009. – № 43 (181). – С. 88–94.
6. *Прохоров Ю. Е., Стернин И. А.* Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 328 с.
7. *Рождественский Ю. В.* Введение в общую филологию. – М.: Высшая школа, 1979. – 224 с.
8. *Рыжков М. С.* Речевые стратегии участников синхронного интернет-дискурса на материале русско- и англоязычных чатов: дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 2010. – 273 с.
9. *Шляхов В. И.* Речевая деятельность: Феномен сценарности в общении. – М.: Красанд. – 2013. – 200 с.
10. *Ducrot O.* Le dire et le dit. – Paris: Minuit. – 1980. – 240 p.
11. *Goffman E.* La mise en scène de la vie quotidienne // Présentation de soi. – Paris: Les Editions de Minuit, 1973. – 256 p.
12. *Grice H. P.* Logique et conversation // Communications. – 1979. – № 30. – P. 57–72.
13. *Kerbrat-Orecchioni C., Plantin C.* Le trilogue. – Lyon: PUL, 1995. – 333 p.
14. *Leech G. N.* Principles of Pragmatics. – London and N. Y.: Logman, 1983. – 208 p.

УДК 81'276.6

З. Б. Долгих

ст. преподаватель кафедры португальского языка переводческого факультета МГЛУ; e-mail: zoyazoyazoya@gmail.com

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАДУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

В статье предпринимается попытка осветить актуальные подходы исследования градуальных значений, рассматриваем градуальность как комплексный и всеобъемлющий феномен.

Современные ученые уделяют значительное внимание коммуникативной, или прагматической, функции исследуемых категорий, включая воздействующую и регулятивную. В рамках когнитивной лингвистики весьма плодотворными представляются исследования как универсальных, так и специфических категорий и механизмов, существенных для конструирования национально-культурной реальности и осуществления межкультурной коммуникации. Градуальность как универсальная языковая категория давно находится в центре внимания как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Предпосылками ее изучения в лингвистике можно считать исследование компаративности, базирующейся на механизмах сравнения.

Ключевые слова: градуирование; градация; градуальная операция; лексико-грамматический класс; градуальность; показатель градуальности; семема; интенсивность признака; мера; степень; градуаторы.

Dolguikh Z. B.

Senior Lecturer, Portuguese Language Department, MSLU;
e-mail: zoyazoyazoya@gmail.com

CURRENT APPROACHES TO THE STUDY OF GRADUAL MEANINGS

In this article we describe and analyse some actual approaches to the graduality studies, since this category happens to be a comprehensive and a complex phenomenon.

Modern scientists have paid much attention to the communicative or pragmatic function of the studied categories, including impact and regulatory functions. Within the framework of cognitive linguistics the studies of both, universal and specific categories and mechanisms, are happen to be very fruitful and essential for the construction of national and cultural reality of the cross-cultural communication. The category of graduality as a universal language category has been the focus of both domestic and foreign linguists for a long time. A study of comparison, based on the mechanisms of comparison can be seen as one of the preconditions for the graduality study.

Key words: graduality; gradation; graduality/gradual operation; lexico-grammatical class; index of graduality; sememe; intensity of sign; measure; degree; gradulators.

При описании факта языка и речи исследователи неизбежно апеллируют к его лингвистической природе. Только самым четким образом очерченный языковой статус явления позволяет нам судить как о его структуре, так и соотношении с другими языковыми фактами, а также его функциях. В случае с градуальностью можно говорить о том, что процесс определения данного явления во многом осложняется тем, что оно представляет собой комплексный феномен, имеющий в основе когнитивный базис и отражающий фундаментальные свойства человеческого мышления. Существование постоянно меняющегося материального мира, объекты которого находятся в непрерывном движении, создает предпосылки языкового градуирования. В основе данного явления лежит способность человеческого мышления вычленять из объективной действительности какие-либо относительно равные и пропорциональные части и анализировать как количественные, так и качественные изменения, происходящие с объектом [10].

Интерес к градуированию как к лингвистическому явлению связан в основном с тем, что оно дает возможность языку отражать реальность в постоянном изменении и развитии, а также в динамике. Это явление совершенно справедливо считается воплощением таких философских категорий, как количество, качество, мера, степень.

Хотя первенство в исследовании данной проблемы принадлежит американскому лингвисту Э.Сэпиру [21], рассмотревшему вопрос градуирования и определившему группы слов, которые относятся к тому или иному типу градуирования, – предпосылки этого явления зародились в Античности.

В труде Аристотеля «Категории», помимо категории количества, было выделено так называемое соотнесенное – категория, позволяющая сравнивать объекты друг с другом [1, VII]. Таким образом, Аристотель не только затронул вопрос о механизме градуирования, но также вычленил категории слов, которые могут быть подвергнуты градуированию, т. е. определил собственно объект градуирования. В первую очередь к подобным категориям была причислена категория качества. Аристотель утверждал, что качества допускают большую или меньшую степень, а также обнаружил, что такие категории, как действие и претерпевание (состояние) также «способны допускать себе противоположность и употребляться в большей или меньшей степени» [там же, VIII].

Предпосылками к изучению категории градуальности в лингвистике можно считать исследование категории компаративности,

включающей механизмы сравнения и степени сравнения как отражение процесса сравнения. На материале русского языка подобные исследования проводились такими учеными, как Н. И. Греч, А. Х. Востоков, Г. П. Павский, К. С. Аксаков, А. М. Пешковский и другими. В XIX в. были достигнуты существенные успехи не только в описании степеней сравнения, критериев их выделения в рамках различных частей речи, но и в установлении так называемого эталона сравнения, т. е. понятия нормы. К XX в. категория компаративности была достаточно хорошо изучена, были сформулированы параметры степеней сравнения у различных частей речи, а также подробно рассмотрено понятие нормы сравнения. Можно сказать, что был сделан важный шаг, приближающий науку к постижению феномена градуальности.

Понятие «градуальность» впервые было введено Н. С. Трубецким при установлении оппозиционных отношений в фонологии. При этом акцент делался на разную степень проявления одного и того же признака.

Важным шагом в сфере рассмотрения феномена градуальности стало появление в 1944 г. знаменитого труда Э. Сэпира «Градуирование. Семантическое исследование», в котором была предпринята попытка не только рассмотреть градуальные отношения с различных сторон, но и выделить такие ключевые понятия, как точка отсчета (или норма) при градуировании, градуальная шкала, полюса градуальной шкалы. Прежде всего, и с этим нельзя не согласиться, Сепир утверждал, что «...градуирование как психологический процесс предшествует измерению и счету...» [21]. Следовательно, если какое-то свойство, качество, мера, степень имеет количественную характеристику, оно может быть градуируемо. Э. Сэпир выделил логический, психологический и лингвистический типы градуирования, в пределах каждого из которых различал несколько подтипов. Безусловной заслугой ученого можно считать и привлечение к изучению градации эмоционального компонента. «...Даже простые градуаторы “больше чем” и “меньше чем” связаны обычно в конкретном контексте с выражением определенных эмоций...» [там же, с. 60]. Исследователь справедливо заметил, что языковые явления находятся в очень тесной связи с эмоциями: «...реальные языковые формы никогда не выражают просто статичные, эмоционально нейтральные понятия и суждения, а выражают классы понятий и суждений, в которых ядерные элементы, допускающие логическое

определение, окрашены непризнанными динамическими и эмоциональными определениями...» [21, с. 71].

Вслед за публикацией труда Э. Сэпира стали появляться работы, посвященные исследованию градуальных характеристик прилагательных, существительных, глаголов, «градуальных» и «неградуальных» слов, а также других частных вопросов, непосредственно связанных с процессом градуирования.

Изучением градуальности как семантической категории занимались такие ученые, как Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, Ю. Л. Воротников, Е. А. Поцелуевский, А. А. Ховалкина и другие. При этом категорию градуальности трактовали и как логико-семантическую, и как лексико-семантическую, и как лексико-синтаксическую, а также включали ее в состав коммуникативно-прагматической категории усиления. Кроме того, в русистике и германистике к градуальности обращались в связи с изучением сочинительных союзов [2; 4; 8; 16; 20; 22; 23].

В ряде работ (например таких лингвистов, как М. В. Бондаренко, С. М. Колесникова, Н. В. Халина и др.), посвященных категории градуальности, исследовался достаточно большой пласт лексики, закрепленной за различными частями речи. Необходимо отметить, что частные вопросы, касающиеся градуирования, так или иначе рассматривались лингвистами, в то время как попытки изучения данного явления в комплексе делались лишь немногими.

Достаточно подробно структура ситуации градуирования была разработана Н. Д. Федяевой. Согласно точке зрения автора, в ситуации градуирования должны быть выделены субъект градуирования, объект градуирования, градуальный признак, шкала градации [24]. Приписывая градуальности статус лексико-семантической категории, Н. Д. Федяева считает, что данная категория характеризуется структурой «поля», ядром которого выступают степени сравнения и наречия меры и степени [там же, с. 18].

В этой связи исследователем А. Б. Ивановой было замечено, что категория градуальности имеет несколько полей, одно из которых (макрополе градуирования) представляет собой систему разноуровневых языковых средств, использующихся для выражения высокой или же низкой степени проявления признака предмета [9].

Весьма детальные исследования категории градуальности на материале русского языка проводились в работах С. М. Колесниковой.

В них была предпринята попытка выявления классов слов, допускающих градуирование, установления закономерностей построения градуальной шкалы в композиционном плане (положение нормы и полюсов). Градация рассматривалась автором как включенное в объем синонимии и антонимии явление с определенной структурой, где ядро представлено нормой, а на периферию выходят количественные модификации признака; чем больше модификации отклонены от нормы, тем дальше от ядра они располагаются. Каждая из частей речи представляет, по мнению С. М. Колесниковой, микрополе в пределах поля категории градуальности. Несмотря на то, что категория градуальности не рассматривалась С. М. Колесниковой как особый тип парадигматических отношений в лексике, в ее работах были установлены средства и способы выражения данной категории у различных частей речи, что, несомненно, является определенным достижением в изучении данного феномена [11; 15].

Работой, заслуживающей особого внимания, можно назвать диссертационное исследование М. В. Мезениной «Градуальность в парадигматике лексики немецкого языка» [17]. В этом труде были рассмотрены механизмы градуирования, вычленены компоненты семного состава, позволяющие градуировать лексические единицы (качественная и количественная семы), были установлены типы градуальных шкал в зависимости от влияния на них субъекта и объекта градуирования. Исследователи градуальности единодушны в том, что большинство слов языка могут выражать значение градуирования, которое «заключается в передаче меры степени, меры действия, меры качества в сопоставлении с нормой (точкой отсчета)» [10; 25].

В рамках изучения градуальности весьма примечательным является исследование Е. И. Шейгал [26]. Автор считает, что «прилагательное как сугубо признаковая часть речи имеет специально предназначенную для обозначения степеней признака грамматическую категорию степеней сравнения, у него легче выявить градуальность. Считается, что градуальными являются качественные прилагательные, а относительные – нет. Однако в силу подвижности грани между качественными и относительными прилагательными относительные также обладают оттенком качественности» [26]. Градуальность глагола, по мнению Е. И. Шейгал, обусловлена тем, что «в его семантике наличествует качественный, квалификативный компонент, который в дефиниции глагола может быть представлен качественным

прилагательным; именем качества, т. е. существительным, коррелирующим с качественным прилагательным или причастием; наречием образа действия [26]. Важным моментом в этих рассуждениях является мысль о том, что одним из формирующих смысл «градуальность» является семантический фактор.

Аналогичной точки зрения придерживается М. В. Бондаренко. Автор, анализируя материал французского языка, говорит о том, что градуированию могут быть подвержены «лексические единицы, обозначающие объекты, признаки, состояния, которым изначально присуща изменяемость» [5]. Таким образом, в лексическом значении единицы присутствует некоторый качественный компонент, который создает предпосылки для градуирования. Актуализация градуального смысла осуществляется в том числе за счет связывания различных лексических единиц с теми или иными градуаторами, показателями градуальности, которые модифицируют лексическое значение опорного компонента.

Интересным исследованием явилась работа А. В. Щербакова, который подробно осветил логическую основу градуирования и использовал термин «градуальность» для обозначения семантико-грамматических и логико-грамматических явлений, а термин «градация» – для описания стилистической или риторической реалии [27]. Несмотря на то, что в своем исследовании автор представил градацию прежде всего в качестве стилистического приема, который строится на отклонении от речевой нормы и взаимодействует с другими стилистическими средствами, – в его работе была также сделана попытка комплексного описания категории градуальности с точки зрения его структурных разновидностей и стилистических функций. Кроме того, ценным результатом исследования А. В. Щербакова явились рассмотренные вопросы соотношения градации с явлениями синонимии и антонимии, а также взаимодействия градации с другими категориями, такими как экспрессивность, интенсивность, оценочность, образность и эмоциональность [там же].

В последние годы центр лингвистических исследований смещается от изучения отдельных единиц к изучению дискурса – интегрального образования, мыслекоммуникативной деятельности, выступающей как совокупность процесса и результата и влияющей на выбор языковых средств в результате порождения высказывания [18]. Ученые отходят от общих принципов устройства абстрактного

языка, уделяя пристальное внимание тому, как и для чего оперирует языком его конкретный носитель в процессе порождения и восприятия текста, какие коммуникативные стратегии реализуются за счет использования тех или иных операциональных средств. В связи с этим многие исследователи все чаще стали признавать, что за градуированием стоит сложная структура знания, которая выявляется посредством анализа его когнитивных основ.

Когнитивная обработка информации, поступающей к человеку, происходит как в процессе понимания, так и во время дискурса порождения высказывания. По сути, операция градуирования является одним из механизмов переработки информации, заложенной в высказывании. В этом ключе необходимо отметить работы И. В. Назаровой, которая выявила модусный (оценочный или интерпретирующий) характер категории градуальности и ее многоаспектность в содержательном плане, по-новому переосмыслив категорию градуальности и вплотную подойдя к освещению градуирования именно как к когнитивной операции. «Градуальные отношения не могут возникать произвольно. Они являются результатом оценочно-интерпретирующей деятельности человека. При этом семантика различных частей речи создает предпосылки для процессов градуирования и модификации лексического значения единиц» [19]. Градуирование при таком рассмотрении обеспечивает «возможности различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого отдельных смыслов» [3, с. 313].

Когнитивный контекст градуальности создается за счет взаимодействия различных концептуальных областей. Концепт «градуальность» лежит в основе анализируемого нами явления. Обращение к категории градуальности под таким углом зрения нам кажется весьма перспективным и продуктивным, так как позволяет представить и рассмотреть процесс градуирования как когнитивную операцию, структурирующую знания и базирующуюся на определенных когнитивных принципах и механизмах. В качестве когнитивных механизмов, обеспечивающих градуирование проявляемых объектом свойств, служат профилирование и шкалирование. Под профилированием понимается выделение определенной характеристики оцениваемого явления или предмета, которая впоследствии отмечается как доминирующая на фоне других [28]. Шкалирование предполагает выявление

информации о выраженности у объекта тех или иных качеств и соотнесение любого изменения в объекте с определенной точкой на шкале [6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Категории [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/kategorii.txt>.
2. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. *Болдырев Н. Н.* О диалектном концепте в когнитивной системе языка / Н. Н. Болдырев, В. Г. Куликов // Известия РАН. – Т. 65. – 2006. – № 3. (Литература и язык). – С. 3–13.
4. *Болинджер Д.* Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Наука, 1977. – С. 23–43.
5. *Бондаренко М. В.* Градуальность как свойство лексики и основание для построения лексической парадигмы (на материале французского языка): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2001. – 138 с.
6. Большая Советская Энциклопедия [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>
7. *Горшкова Н. Н.* Градуальная семантика фразеологических единиц со значением страха. Текст // Русское слово: диахронический и синхронический аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Орехово-Зуево. – 2003. – С. 146–148.
8. *Земский А. М.* Русский язык: в 2 ч. – Ч. 2: Синтаксис / А. М. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев ; под ред. В. В. Виноградова. – 13-е изд., стереотип. – М. : Академия, 2000. – 224 с.
9. *Иванова А. Б.* Функционально-семантическое макрополе градуирования качества в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2002. – 196 с.
10. *Кириян А. Д.* Градация как способ организации лексико-семантической группы (качественные прилагательные со значением характеристики человека в современном русском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981. – 22 с.
11. *Колесникова С. М.* Способы выражения категории градуальности в современном русском языке. – Саранск : Мордовский гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсентьева, 1994. – 90 с.
12. *Колесникова С. М.* Роль частицы в выражении категории градуальности // Русский язык: история и современность: межвуз. сб. науч. тр. – М. : МПУ, 1995. – С. 112–117.

13. Колесникова С. М. Категория градуальности в современном русском языке. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1996. – 140 с.
14. Колесникова С. М. Понятие градуирования в языкознании. – Саранск: Морд. гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсентьева, 1994. – 40 с.
15. Колесникова С. М. Градуальная оппозиция в области антонимии и синонимии // Русский язык: синхрония и диахрония. – М., 1993. – С. 93–101.
16. Ляпон М. В. Грамматика самооценки // Русский язык: проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке: Виноградовские чтения, XIX XX ; отв. ред. М. В. Ляпон. – М. : Наука, 1992. – С. 75–89.
17. Мезенина М. В. Градуальность в парадигматике лексики немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1991. – 260 с.
18. Минка А. Н. Прилагательные со значением степени и дискурсивное варьирование их градуальных признаков (на материале текстов русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2005. – 149 с.
19. Назарова И. В. Наречия как средства репрезентации категории градуальности в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2009. – 182 с.
20. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 544 с.
21. Сэпир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 43–78.
22. Сущинский И. И. Система средств выражения высокой степени признака (на материале современного немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1977. – 237 с.
23. Федорова И. Р. Модальность возможности в современном русском языке: учеб. пособие. – Калининград: Калинингр. ун-т., 2000. – 85 с.
24. Федяева Н. Д. Языковой образ среднего человека в аспекте когнитивный категорий градуальности, дуальности, оценки, нормы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – 2003. – 24 с.
25. Халина Н. В. Категория градуальности в словоформе, слове, тексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 1997. – 58 с.
26. Шейгал Е. И. Градация в лексической семантике. – Куйбышев : КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1990. – 95 с.
27. Щербаков А. В. Градация как стилистическое явление современного русского литературного языка : дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2004. – 229 с.
28. Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. – Vol. 1 [Text]. – Stanford, Calif. : Stanford University Press, 1987. – 516 p.

УДК 81'342.9

Е.А. Когалова

кандидат филологических наук; ст. преподаватель кафедры фонетики и грамматики французского языка ФФЯ МГЛУ; e-mail: koelena05@mail.ru

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ УДАРЕНИЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Настоящая статья посвящена исследованию одного из интонационных средств выделения наиболее важных слов, а именно – изучению дополнительного ударения. Анализируется наличие дополнительного ударения в наиболее удачном и наименее удачном образцах речи современного французского языка. Приводятся статистические данные, полученные в результате аудиторского и электронно-акустического анализа речи носителей нормативного французского языка: степень выделенности по параметру ЧОТ (частота основного тона) слогов в синтагме, имеющих дополнительное ударение, относительно среднего значения ЧОТ этой синтагмы, а также степень выделенности слогов, имеющих дополнительное ударение, по отношению к средней интенсивности синтагмы.

Ключевые слова: произносительная культура речи; дополнительное ударение; степень выделенности; частота основного тона; интонограмма; аудиторский анализ; электронно-акустическое исследование.

Kogalova E. A.

Ph. D., Senior Lecturer, Department of French Phonetics and Grammar, Faculty of French Language, MSLU; e-mail: koelena05@mail.ru

THE SUPPLEMENTARY (ADDITIONAL) ACCENT AS AN INDICATOR OF THE SPEECH ARTICULATORY CULTURE

The article is dedicated to the research of one of the intonational tools for the most important words picking out process, namely – the supplementary accent. The additional acute accent availability is analyzed in the most and least successful patterns of the modern French language. The statistics data is presented that has been aggregated through the auditor and electro-acoustic speech analysis of the normative French language of native speakers: the extent of prominence by the BTF indicator (Basic Tone Frequency) of the syllables in syntagma which have the supplementary accent with respect to an average BTF rate of that syntagma, as well as the prominence extent of syllables which have the additional acute accent with respect to the syntagma average intensity.

Key words: speech articulatory culture; supplementary (additional acute) accent; extent of prominence; basic tone frequency; intonogram; auditor analysis; electro-acoustic research.

В настоящее время широко распространено звучащее слово, поэтому актуальным остается изучение вопросов, связанных с произносительной культурой речи. Исследователи обращают внимание на необходимость употребления языковых средств, адекватных ситуации общения, цели коммуникации, т. е. подчеркивается, что умение следовать стилистическому многообразию является одним из основных условий формирования культуры речи [1; 2; 6]. Фонетический аспект приобретает существенное значение в процессе общения. Фонетическое оформление речи, а именно ее звуковой и просодический уровни, значительно влияют на восприятие и оценку речи в целом [4]. Говорящий стремится к оптимальности своего коммуникативно-речевого поведения, что определяет выбор тех или иных языковых средств [8]. Вербальное общение сопровождается также оценочным отношением к речи собеседника: говорящий и слушающий в процессе коммуникации, обращая внимание на саму речь, могут оценивать ее как правильную/неправильную, уместную/неуместную, удачную/неудачную [2], чему способствует и интонационное оформление речи. Одним из интонационных средств выделения наиболее важных слов во французском языке является дополнительное ударение, называемое выделительным [7].

Дополнительное ударение – явление психологического плана: его употребление определяется субъективными особенностями говорящего, его темпераментом, настроением в момент высказывания, зависит от намерения говорящего, от эмоциональной окраски высказывания [5].

Выделительное ударение во французском языке не изменяет основного содержания высказывания, а лишь уточняет его, подчеркивает, усиливает некоторые элементы высказывания, таким образом возникает смысловой контраст, способствующий выразительности речи.

Одной из задач проводимого нами экспериментально-фонетического исследования было изучение дополнительного ударения в наиболее удачном и в наименее удачном образцах речи современного французского языка. Экспериментальным материалом исследования послужили образцы текстов телепередач жанра «круглый стол» в исполнении носителей французского языка (9 передач, 18 участников). Помимо того, что дискуссионное общение – одна из основных форм профессионального взаимодействия и один из наиболее частотных

видов коммуникации в СМИ [3], его супraseгментные характеристики представляют несомненный интерес, так как дискуссия достаточно эмоциональна и экспрессивна. К эксперименту были привлечены информанты (№ 18) и аудиторы (№ 12) – носители французского языка, а также была использована комплексная методика анализа звучащей речи (экспериментально-фонетическое исследование включало три этапа аудиторского анализа и электронно-акустический анализ).

Носителям языка было предложено определить два образца звучащей речи – наиболее и наименее удачные произносительные варианты – и указать в этих вариантах наличие дополнительного ударения.

Аудиторами было отмечено, что положительно воспринимается экспрессивная речь, имеющая выделительные ударения, что подтвердилось в ходе третьего этапа, когда аудиторы охарактеризовали наиболее удачную речь как речь, сопровождаемую бóльшим количеством дополнительных (выделительных) ударений по сравнению с наименее удачной речью, имеющей небольшое количество таких ударений. В более удачном произносительном варианте любые части речи подвергались дополнительному ударению. Так, выделительное ударение было зафиксировано (в порядке убывания) в:

– наречиях

'très 'très émouvante, qui s'inquiète 'beaucoup, je suis 'totalement ruiné, 'profondément choqué, qui est 'invraisemblablement difficile, 'tellement triomphante, 'absolument pas, lorsqu'on en a 'beaucoup, 'tout expliquer, 'immédiatement;

– существительных

il est d'une 'diversité extraordinaire, c'est donc le 'but de l'opération, vous serez plutôt 'dépensière, cette 'quête d'amour paternel, pour aller faire son 'marché, d'imposer au'x hommes, à 'l'alcoolisme, à un 'moment donné, 'l'indifférence complète;

– прилагательных

on est dans un état ext'raordinaire, qui est très 'important, une 'immense star de la chanson, qui est un 'formidable instrument, une quête d'amour 'incroyable, avoir un débat 'publique "orale "contradictoire, vous n'avez fait "aucune bêtise, et des "mauvais livres;

– глаголах

on 'fixe le 'point le plus haut, il ne 'comprend pas à la fin de sa vie, pour aller 'piquer ces dossiers, 'imaginez-vous, je ne 'suis pas sûr, de le 'connaître de le 'découvrir, pour 'cacher le problème;

– местоимениях

c'est 'ça le modèle, 'il est vrai qu'il faut bouger, on a 'tous beaucoup ri, 'qui boit le plus;

– числительных

et la 'troisième, pour '45 %, ce jeudi '13 décembre, ''deuxième exemple;

– предлогах

'de toute façon, 'avec l'apparition du foulard, 'dès l'âge de 11 ans, 'pour notre plaisir, 'malgré les circonstances adverses, 'avant le divorce);

– артиклях

'un an, au lieu d'avoir 'un système, 'un horizon, 'les enfants, 'des Corses et pas 'les Corses.

В наименее удачной речи количество выделительных ударений было намного меньше. В порядке убывания такое ударение было отмечено в основном на:

– наречиях

'absolument, 'beaucoup plus précoce, qui agace 'profondément, vous avez 'parfaitement raison, c'est 'totalement insupportable;

– прилагательных

avec un monde 'considérable, il y avait un 'immense escalier, c'était une maison 'petite 'minuscule, le fait 'patent, popularité ext'raordinaire, il est 'magnifique;

– существительных

les 'familles doivent faire ça, 'l'intérêt que ça peut avoir, ils le connaissaient par 'cœur, on se heurte à la 'passivité;

– глаголах

on 'constate, c'est pour 'gérer l'administration, qui se 'multiplie, qui 'vient de me revenir après, il faut se 'défendre, il 'suffit si vous voulez.

Процент слов, имеющих дополнительное ударение в обоих произносительных вариантах, показан в таблице 1. В среднем в наиболее удачной речи количество слов, подверженных выделительному ударению, превосходило в 1,8 раза по сравнению с наименее удачной речью (3,8 : 2,1), что подтверждает, несомненно, важность наличия дополнительного ударения, создающего экспрессивность речи. Процентное соотношение частей речи, имеющих выделительное ударение, отражено в таблице 2; для каждой конкретной телепередачи количество выделительных ударений в процентном соотношении по частям речи отмечено в таблице 3.

Таблица 1

Передача	Информант	Количество слов, имеющих дополнительное ударение (в %)	
		Речь	
		«+»	«-»
1	1	6,4	
	2		1,7
2	3	3,9	
	4		0,4
3	5	5,3	
	6		4,2
4	7	2,5	
	8		2,5
5	9	2,9	
	10		1,8
6	11	3,9	
	12		3,2
7	13	3	
	14		2,6
8	15	3,6	
	16		1,4
9	17	2,6	
	18		1,2

Таблица 2

Речь	Части речи								
	наречие	имя существительное	имя прилагательное	глагол	местоимение	предлог	числительное	артикль	союз
«+»	24	20,5	19,2	18	5,7	4,2	2,8	2,6	2,6
«-»	27,8	20,3	22	14,5	7,9	1	1,2	3,5	1,6

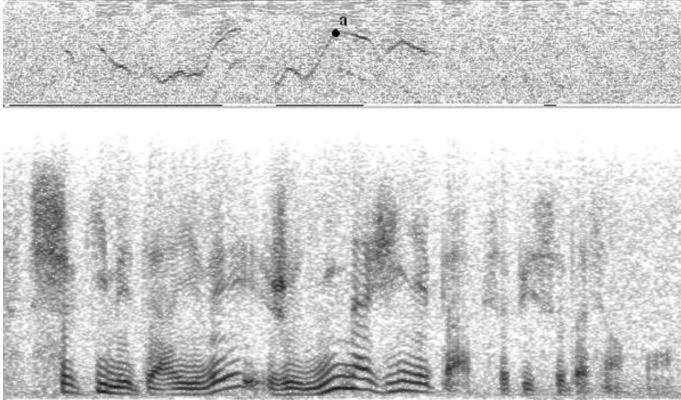
Таблица 3

Передача	Информант	Речь	Части речи								
			имя существительное	имя прилагательное	глагол	наречие	местоимение	артикль	предлог	союз	числительное
1	1	«+»	29,6	20,4	22,2	15,7	7,4	1,9	2,7	-	-
	2	«-»	66,7	-	8,3	25	-	-	-	-	-
2	3	«+»	19	21,3	25,5	21,3	-	-	4,3	4,3	4,3
	4	«-»	-	20	-	20	40	20	-	-	-
3	5	«+»	20,9	9,5	15,2	30,5	11,4	2,9	0,9	2,9	5,7
	6	«-»	16,7	15,4	21,8	25,6	8,9	5,1	2,6	-	3,8
4	7	«+»	20,7	28	9,8	20,7	7,2	-	2,4	3,7	7,2
	8	«-»	11,5	24,4	19,2	35,9	5,1	1,3	1,3	-	1,3
5	9	«+»	22,4	15,5	25,9	20,7	3,4	1,7	5,2	5,2	-
	10	«-»	15	35	15	20	10	5	-	-	-
6	11	«+»	12,3	13,7	20,6	36,6	6,9	0,8	5,3	-	3,8
	12	«-»	23,5	13,7	13,7	41,2	-	-	1,9	-	5,9
7	13	«+»	17,5	15	22,5	15	10	11,3	7,5	1,3	-
	14	«-»	19,2	23	30,8	23	-	-	3,8	-	-
8	15	«+»	18,2	27,7	9,5	27,7	3,6	2,9	5,1	3,6	1,5
	16	«-»	7,1	35,7	14,3	28,6	7,1	-	-	7,1	-
9	17	«+»	24,4	22	11,6	27,9	1,2	2,3	4,6	2,3	3,5
	18	«-»	23	30,8	7,7	30,8	-	-	-	7,7	-

Электронно-акустический анализ позволил определить степень выделенности по параметру ЧОТ (частота основного тона) слогов в синтагме, имеющих дополнительное ударение, относительно среднего значения ЧОТ этой синтагмы (этот параметр рассматривается в качестве одного из акустических коррелятов эмфазы в речи). Таким образом, подтверждался тот факт, что экспрессивность речи связана в большей степени с наличием или отсутствием дополнительного (выделительного) ударения в высказываниях. В ходе исследования замерялись максимальные и минимальные значения ЧОТ каждого такого слога, и степень выделенности этих слогов соотносилась со средним значением ЧОТ синтагмы.

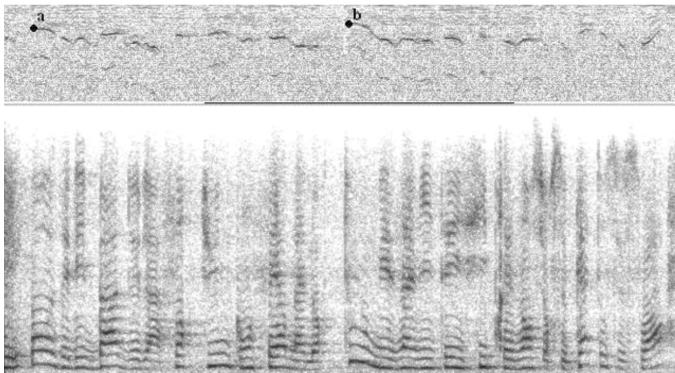
Например:

– на интонограмме № 1 выделительное ударение имеет слово 'n'imaginais, ЧОТ слога [ni] – 232 Гц (точка а) при среднем значении ЧОТ синтагмы 114 Гц (степень выделенности 118 Гц)

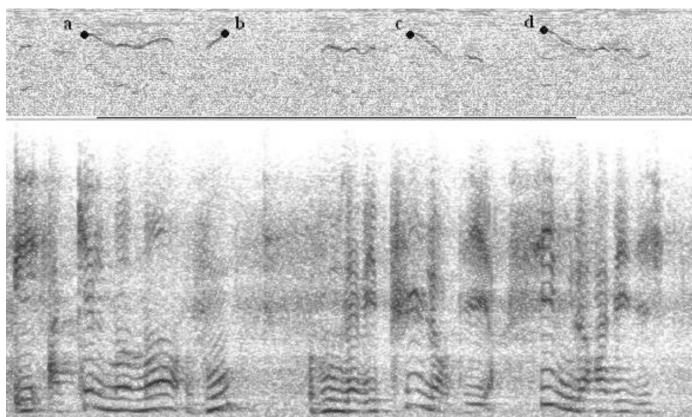
Интонограмма 1. Ce qui m'est arrivé, je 'n'imaginais pas que ça puisse se passer en France (информант 3м)

– на интонограмме № 2 выделительное ударение имеют слова 'hauts, 'tous соответственно ЧОТ слога [o] – 288 Гц (точка а) при среднем значении ЧОТ синтагмы 211 Гц (степень выделенности 77 Гц), ЧОТ слога [tu] – 351 Гц (точка b) при среднем значении ЧОТ синтагмы 206 Гц (степень выделенности 145 Гц);

Интонограмма 2. Les 'hauts et les bas de la fortune concernent alors 'tous mes invités ici présents sur ce plateau ce soir. (информант 7ж)

– на интонограмме № 3 выделительное ударение имеют слова 'quel, 'vous, 'pu, 'si соответственно ЧОТ слога [kɛl] – 296 Гц (точка a) при среднем значении ЧОТ синтагмы 195 Гц (степень выделенности 101 Гц), ЧОТ слога [vu] – 301 Гц (точка b) при среднем значении ЧОТ синтагмы 195 Гц (степень выделенности 106 Гц), ЧОТ слога [py] – 301 Гц (точка c) при среднем значении ЧОТ синтагмы 195 Гц (степень выделенности 106 Гц), ЧОТ слога [si] – 326 Гц (точка d) при среднем значении ЧОТ синтагмы 214 Гц (степень выделенности 112 Гц)

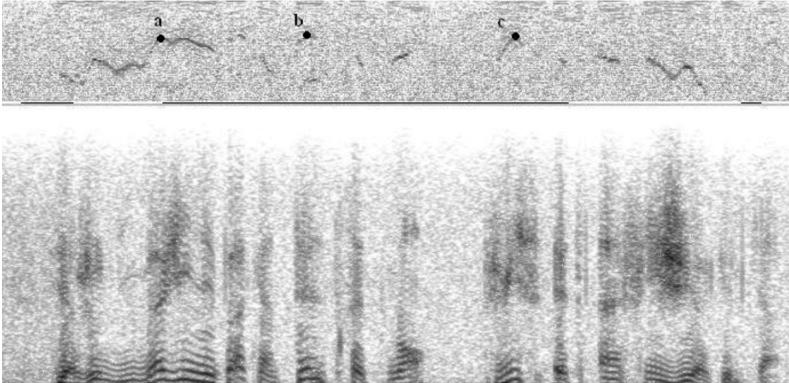

Интонограмма 3. Et à "quel moment "vous, vous avez "pu leur dire, "si vous leur avez dit? (информант 15ж)

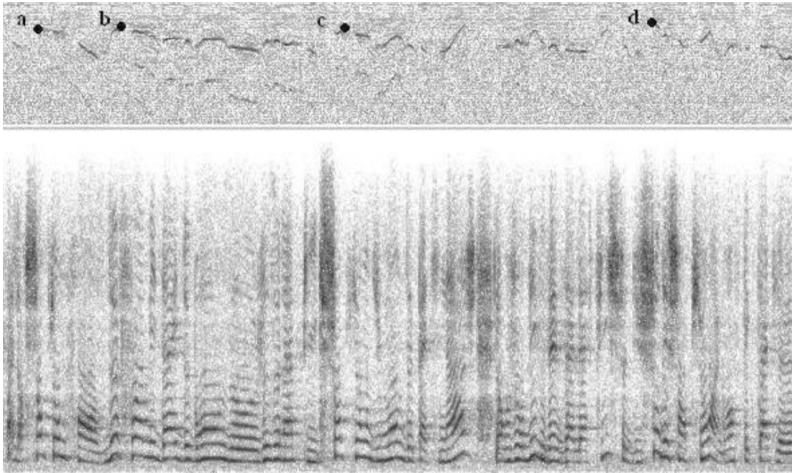
– на интонограмме № 4 выделительное ударение имеют слова 'n'imaginai, 'tel, 'puisse соответственно ЧОТ слога [ni] – 193 Гц (точка a) при среднем значении ЧОТ синтагмы 132 Гц (степень выделенности 61 Гц), ЧОТ слога [tɛl] – 203 Гц (точка b) при среднем значении ЧОТ синтагмы 132 Гц (степень выделенности 71 Гц), ЧОТ слога [pɥis] – 188 Гц (точка c) при среднем значении ЧОТ синтагмы 123 Гц (степень выделенности 65 Гц);

– на интонограмме № 5 выделительное ударение имеют слова 'champion (de France), 'deux, 'champion, 'show соответственно ЧОТ слога [ʃɑ̃] – 314 Гц (точка a) при среднем значении ЧОТ синтагмы 218 Гц (степень выделенности 96 Гц), ЧОТ слога [dø] – 310 Гц (точка b) при среднем значении ЧОТ синтагмы 218 Гц (степень выделенности 92 Гц), ЧОТ слога [ʃɑ̃] – 286 Гц (точка c) при среднем значении ЧОТ

синтагмы 218 Гц (степень выделенности 68 Гц), ЧОТ слога [lou] – 355 Гц (точка d) при среднем значении ЧОТ синтагмы 206 Гц (степень выделенности 149 Гц).

Интонограмма 4. Hier je 'n'imaginai pas qu'un 'tel traitement 'puisse être infligé à quelqu'un (информант 3м)

Интонограмма 5. Alors, "champion de France, "deux fois médaille de bronze aux Jeux Olympiques, "champion du monde de patinage, alors aujourd'hui vous êtes à l'affiche du "show des champions à grands spectacles (информант 7ж)

В результате электронно-акустического анализа была выявлена тенденция, согласно которой в наиболее удачной речи ЧОТ слогов с выделительным ударением в среднем превышала ЧОТ в наименее

удачной речи у мужчин в 1,6 раза, у женщин в 3,8 раза. В менее удачном произносительном варианте существенным оказался факт наличия слишком сильной выделенности по параметру ЧОТ слогов с дополнительным ударением (например, информант 10(-) – средний показатель 154 Гц), что отмечалось еще в ходе аудиторского анализа как негативный фактор, а повышенная громкость соответствовала на уровне восприятия слишком агрессивному тону. Результаты измерений степени выделенности по параметру ЧОТ слогов, имеющих выделительное ударение по отношению к средней ЧОТ синтагмы, а также максимальные и минимальные отклонения от средних показателей отображены в таблице 4.

Таблица 4

Передача	Информант	Степень выделенности по параметру ЧОТ слогов, имеющих выделительное ударение по отношению к средней ЧОТ синтагмы (в Гц)	Максимальные отклонения от средних показателей (в Гц)	Минимальные отклонения от средних показателей (в Гц)
1	1(+) _м	76	108	31
	2(-) _м	27	59	4
2	3(+) _м	83	154	15
	4(-) _м	35	81	12
3	5(+) _м	113	169	21
	6(-) _м	54	95	25
4	7(+) _ж	93	193	17
	8(-) _м	41	119	2
5	9(+) _м	37	113	12
	10(-) _м	154	226	93
6	11(+) _ж	63	105	15
	12(-) _м	81	121	53
7	13(+) _м	73	131	47
	14(-) _м	47	97	13
8	15(+) _ж	64	112	10
	16(-) _ж	19	35	2
9	17(+) _м	105	163	46
	18(-) _м	65	112	10

Показательной характеристикой при электронно-акустическом анализе двух произносительных вариантов стала степень выделенности слогов, имеющих выделительное ударение, по отношению

к средней интенсивности синтагмы. Данная характеристика при сравнении дает возможность определить степень экспрессивности речи и отображает, насколько значительны отклонения от средних показателей и, таким образом, насколько громче (возможно, эмоциональнее) произносятся такие слоги. В наиболее удачной речи показатели максимальных отклонений были выше в среднем на 3дб по сравнению с менее удачным произносительным вариантом, такая разница четко воспринимается на слух, и интенсивность в таких высказываниях оказалась выше (соотношение степени выделенности слогов, имеющих дополнительное ударение, к средней интенсивности синтагмы 9,04 дб : 8,17 дб). Результаты подсчетов по минимальному и максимальному отклонению от средней интенсивности слогов, имеющих выделительное ударение, а также степень отклонения от средних показателей систематизированы в таблице 5.

Таблица 5

Передача	Информант	Степень выделенности слогов, имеющих выделительное ударение, по отношению к средней интенсивности синтагмы (в дб)	Максимальное отклонение от средней интенсивности слогов, имеющих выделительное ударение (в дб)	Минимальное отклонение от средней интенсивности слогов, имеющих выделительное ударение (в дб)
1	1(+)	6,8	11	3
	2(-)	7,3	10	5
2	3(+)	8,3	12	6
	4(-)	8,8	11	7
3	5(+)	7,4	13	5
	6(-)	7,9	10	4
4	7(+)	9,6	14	5
	8(-)	8,4	12	5
5	9(+)	9,0	15	4
	10(-)	7,6	10	4
6	11(+)	11,0	15	5
	12(-)	8,5	11	4
7	13(+)	9,8	14	6
	14(-)	8,6	11	4
8	15(+)	9,6	13	6
	16(-)	7,8	12	6
9	17(+)	9,9	18	6
	18(-)	8,7	11	6

Итак, важной составляющей культуры речи является культура произношения, а лучший способ внушить свою мысль собеседнику – это аффективная речь, одной из особенностей которой является использование, в том числе увеличение количества дополнительных ударений. Во французском языке выделительное ударение широко употребляется в устной речи, являясь мощным средством воздействия на слушателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев А. Н.* Основы культуры речи. – М. : Русский язык, 1990. – 247 с.
2. *Введенская Л. А., Павлова Л. Г.* Культура и искусство речи. Современная риторика. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. – 576 с.
3. *Зарва М. В.* Слово в эфире: о языке и стиле радиопередач. Произношение в радио- и телевизионной речи. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 374 с.
4. *Иванова-Лукьянова Г. Н.* Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 200 с.
5. *Мурина С. М.* Семантический аспект выделительного ударения во французском языке // Культура вербальной коммуникации. – М., 1995. – С. 101–110 (Тр. / МГЛУ; вып. 422).
6. *Петрова А. Н.* Искусство речи. – М. : Аспект Пресс, 2008. – 124 с.
7. *Faure G.* Accent, rythme et intonation // *Le français dans le monde.* – 1968. – # 57. – P. 15–22.
8. *Léon P.* Précis de phonostylistique. – Paris : Nathan, 1997. – 336 p.

УДК 81'374

Н. Ю. Кораблева

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка переводческого факультета МГЛУ; e-mail: korabl-nat@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИДИОЛЕКТА ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ – ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Автор данной статьи выявляет и анализирует возрастные особенности идиолекта, встречающиеся в речи литературных персонажей-представителей старшей возрастной группы в художественных произведениях французских и британских писателей. В статье теоретически обосновываются приведенные положения и подтверждаются многочисленными примерами.

Ключевые слова: идиолект; литературный персонаж; возрастные особенности; отклонения от литературной нормы.

Korableva N. U.

Ph. D., Associate Professor, Department of the English Language, Faculty of Translation and Interpreting, MSLU; e-mail: korabl-nat@mail.ru

SPECIFIC FEATURES OF IDIOLECT OF ELDERLY GROUP LITERARY CHARACTERS

The aim of the article is to analyze the speech of elderly characters from the point of view of their behavioral peculiarities. The author substantiates theoretically the basic concepts of the article and supports them with numerous examples from French and British novels.

Key words: idiolect; literary character; behavioral peculiarities; deviation from the literary norm.

Проблема идиолекта и идиостиля в художественном тексте достаточно широко рассматривается в отечественной лингвистике, особенно в последнее время. Особенности идиолекта играют важную роль в описании характеров героев, в отражении их внутреннего мира. Социальные, возрастные и гендерные особенности речи персонажа позволяют авторам художественных произведений более полно и достоверно раскрыть образ героя, сделать его речь максимально приближенной к действительности.

Как правило, социальные и возрастные особенности идиолекта персонажа проявляются на нескольких уровнях: фонетическом, грамматическом и лексическом. Речь же литературных персонажей,

принадлежащих к старшему поколению, имеет свою специфику. В отличие от остальных возрастных категорий, к характерным чертам данной группы можно отнести, скорее, поведенческие особенности, специфические черты характера, приобретаемые людьми к концу жизни и выражающиеся в речи.

В данной статье мы проанализируем речь литературных персонажей – представителей старшего поколения не с точки зрения фонетических, лексических и грамматических отклонений от литературной нормы, а с точки зрения особенностей поведения, характеризующих представителей именно этого поколения.

Проведенный нами анализ речевых особенностей персонажей – представителей старшего поколения выявил следующие характерные черты.

1. Склонность представителей старшего поколения к *причитаниям*, к чтению *нотаций, наставлений*, что выражается в стилистике высказываний:

Oh! gniau... gniau... gniau... a me trifouille dans l'fond... Oh! misère!... [2, с. 264].

Et alors, tu ne sais donc rien! On ne te l'a pas dit ou tu l'as oublié? Voilà ce que c'est que ton école de bons frères [1, с. 78].

Damme, sir, it is your duty to get married. You can't be always living for pleasure. Every man of position is married nowadays [5, с. 235].

Cecily, Cecily! Surely such an utilitarian occupation as the watering of flowers is rather Moulton's duty than yours? Especially at a moment when intellectual pleasures await you [6, с. 305].

2. Использование при обращении к собеседнику *слов*, часто *с уменьшительно-ласкательными суффиксами*, указывающих на его сравнительно юный возраст:

Tu sais ce qu'elle avait dit, la Commune, Pierrounnet? [1, с. 78].

Child, you know how anxious your guardian is that you should improve yourself in every way [6, с. 305].

3. Употребление *повторов* в речи персонажей старшего возраста:

Tenez, j'ai connu dans cette île, qui se dresse devant nous, comme pour répondre elle-même à ce que nous disions et me rappeler un singulier souvenir, j'ai connu un exemple admirable d'un amour constant, d'un amour invraisemblablement heureux [3, с. 237].

Ah, the English young lady is the dragon of good taste, is she not? Quite the dragon of good taste [5, с. 183].

You are heartless, sir, very heartless [там же, с. 184].

Well, make it Tuesday, sir, make it Tuesday [там же, с. 235].

4. Частое использование в речи *переспросов, риторических вопросов*:

Si j'en suis sûr? Comme du Paradis, m'sieu le Curé, vu qu'a m'grignote l'fond d'l'oreille [2, с. 263].

Eh? Eh? Don't understand what you mean. Want to have a serious conversation with you, sir [5, с. 184].

5. Склонность представителей старших поколений к *упрекам, обвинениям*:

Et qu'est-ce qu'il aurait fait, dis, cu fainéant, dis, qu'est-ce qu'il aurait fait? Sais-tu, té? [2, с. 263].

Well, sir! What are you doing here? Wasting your life as usual! You should be in bed, sir. You keep too late hours! [5, с. 184].

If you listen attentively! ...Conceited young puppy! (Goes off grumbling into the smoking-room) [там же, с. 237].

6. Склонность представителей старших поколений к *самоперебивам*:

Oh! gniau... gniau... gniau... j'crairais ben qu'c'est eune frémi, eune grosse frémi, tant qu'a mord ... T'nez, m'sieu le Curé... a galope... a galope... Oh! gniau... gniau... gniau... qué misère! [2, с. 263].

7. Литературные персонажи-представители старших поколений более склонны к *подробным описаниям* событий, явлений окружающей их действительности, нежели остальные возрастные категории:

Je n'en ai pas pour pu de cinq à six ans pour sûr. Me v'là sur mes soixante-treize, et pas vaillante avec ça. L'aut'e soir, je crûmes que j'allais passer. Il me semblait qu'on me vidait l'corps, qu'il a fallu me porter à mon lit [4, с. 249].

На основе анализа произведений французских и британских авторов можно сделать следующие выводы:

1) идиолект литературных персонажей-представителей старшего поколения имеют ряд характерных черт, обусловленных особенностями их поведения;

2) речь литературных персонажей-представителей старшего поколения имеет ряд выраженных особенностей, обусловленных структурой личности пожилого человека;

3) литературные персонажи старшей возрастной группы склонны к чтению нотаций, наставлений, поучениям, что обуславливает специфику синтаксиса и стилистики их высказываний;

4) в речи литературных персонажей старшей возрастной категории часто встречаются повторы, риторические вопросы, самоперебивы;

5) представители старших поколений более склонны к подробным описаниям явлений повседневной жизни, чем представители других возрастных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Gamarra P.* Rosalie Brousse. – Scandéditions, 1993. – 159 p.
2. *Maupassant G. de.* La Bête à Mait' Belhomme // Contes et nouvelles choisis. – М.: Прогресс, 1976. – С. 260–268.
3. *Maupassant G. de.* Le Bonheur // Contes et nouvelles choisis. – М.: Прогресс, 1976. – С. 236–242.
4. *Maupassant G. de.* Le Petit Fût // Contes et nouvelles choisis. – М.: Прогресс, 1976. – С. 247–253.
5. *Wilde O.* Plays: An ideal husband. – М.: Прогресс, 1970. – С. 169–277.
6. *Wilde O.* Plays: The importance of being Earnest. – М.: Прогресс, 1970. – С. 90–168.

УДК 81'276.6

В. А. Корнеева

аспирант кафедры фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка МГЛУ; e-mail: korneeva_va@mail.ru

ТИПЫ ПОЛИФОНИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ

В статье на материале французской прессы рассматриваются типы полифонии, встречающиеся в медиадискурсе (цитаты, ссылки на документы и исторические факты, косвенная и несобственно-прямая речь, аллюзии, метатексты), и выявляются закономерности их варьирования по степени выраженности в тексте и степени субъективности при их интерпретации.

Ключевые слова: полифония; интертекстуальность; метатекстуальность, цитата, косвенная речь, несобственно-прямая речь, аллюзия.

Korneeva V. A.

Post-graduate Student, Department of the French Phonetics and Grammar, French Language Faculty, MSLU;
e-mail: korneeva_va@mail.ru

TYPES OF POLYPHONY IN THE FRENCH PRESS

In this article on the basis of the French press different types of polyphony are under consideration. These are the types of polyphony that you can come across in media discourse (quotations, references to the documents, historical facts, indirect speech, free indirect speech, allusions, metatexts). Moreover, the article reviews consistent patterns of the variation in accordance with the expression in the text and in the extent of subjectivity in their interpretation.

Key words: polyphony; quotations; indirect speech; free indirect speech; allusions.

Феномен полифонии рассматривается представителями многих течений в современном языкознании, присутствуя в лингвистических работах под разными названиями: «транстекстуальность» (Ж. Женетт [10]), «диалогизм» (М. М. Бахтин [1]), «интертекстуальность» (Н. А. Кузьмина, В. П. Москвин, Н. А. Фатеева [3; 4; 5]), «интердискурсивность» (В. Е. Чернявская [6]), «гетерогенность» (Ж. Отье-Ревю [8]) и непосредственно под термином «полифония» (О. Дюкро, Л. Перрен [9; 12]).

В наших исследованиях под полифонией понимается наличие в тексте / дискурсе нескольких голосов (точек зрения), исходящих из разных источников и способствующих созданию неоднородности данного речевого произведения как в плане его структуры, так и его

интерпретации. В такой трактовке полифония выступает гиперонимом по отношению к перечисленным выше понятиям.

В данной статье мы подробно рассмотрим типы полифонии, встречающиеся во франкоязычном медиадискурсе. При анализе корреляций между «прототекстом» (исходным текстом) и «метатекстом» (текстом, включающим в себя элементы первого) мы будем опираться на теорию транстекстуальности Ж. Женетта [4; 10]. Основная идея данной теории заключается в том, что при исследовании дискурса следует принимать во внимание максимально широкий контекст, включающий в себя не только имплицитное и эксплицитное присутствие других текстов в анализируемом тексте, но и его окружение (заголовки, подзаголовки, иллюстрации, графики и т. п.), комментарии и жанровую принадлежность. Иначе говоря, необходимо рассматривать как сам текст, так и целый комплекс других текстов, связанных с анализируемым разнообразными межтекстуальными отношениями, что позволяет говорить об их гетерогенности.

Ж. Женетт определяет транстекстуальность как «все, что устанавливает связь, явную или скрытую, между текстами» и рассматривает текст как «место встречи различных высказываний, заимствованных из других текстов» [10, с. 384]. Французский лингвист различает пять типов транстекстуальных отношений, из которых мы выбрали в качестве предмета исследования два (интертекстуальность и метатекстуальность), поскольку в них связи между текстами наиболее явно выражены и позволяют их наглядно продемонстрировать в формате научной статьи. Так, интертекстуальность, представляющая собой отношение сосуществования двух и более текстов в одном, может выражаться эксплицитно (цитаты, ссылки), имплицитно (аллюзии) и в смешанной форме (плагиат, несобственно-прямая речь). В свою очередь метатекстуальность понимается как отношение между анализируемым текстом и критическими комментариями к нему.

Рассмотрим различные типы полифонии на примерах отрывков из франкоязычных политических текстов, обратившись, прежде всего, к анализу цитат как эксплицитной формы интертекстуальности.

Цитация – это графически оформленное присутствие одного текста в другом. В письменной речи цитата представляет собой вводимую специальными знаками препинания прямую речь с обязательным указанием авторства. В устной речи на французском языке цитата также легко локализуема благодаря таким признакам, как отсутствие

согласования времен, сохранение личных местоимений и употребление обстоятельств места и времени в неизменной форме. Все эти свойства мы можем наблюдать в следующем примере:

(1) Le chef du gouvernement s'est montré prudent sur l'avancée de l'enquête sur les attentats et notamment sur la présence supposée de Salah Abdelslam, un des auteurs présumés des attaques, en Syrie. «*Je ne peux pas commenter, ni confirmer, ni infirmer cette hypothèse*», a-t-il déclaré. <...> Il a souhaité adresser un message aux Français. «*La vie doit être plus forte <...> Consommez, c'est le moment des fêtes, dépensez, vivez, reprenez le chemin des spectacles, du cinéma et du théâtre*» (Le Figaro, 01.12.2015).

В примере (1) цитаты, выделенные курсивом, отсылают читателя к высказываниям премьер-министра Манюэля Валльса по поводу терактов в Париже в ноябре 2015 г. Как мы видим, характер прямой речи эксплицитен благодаря ее пунктуационному выделению: кавычкам и запятым. Следует также отметить, что в первой цитате речь ведется от первого лица, о чем свидетельствует личное местоимение *je*. Употребление настоящего времени индикатива (*je ne peux pas, la vie doit être, c'est*) и повелительного наклонения во второй части цитаты (*consommez, dépensez, vivez, reprenez*) также характерны для прямой речи. Таким образом, используя терминологию Н. А. Кузьминой, можно сказать, что цитаты обладают «автонимным статусом» [3, с. 101], т. е. предполагают референцию не к миру, а к тексту, представленному в устной или письменной форме.

Интерпретация цитат, по мнению Н. А. Кузьминой, зависит от прагматических условий ее восприятия субъектом и относится к ряду шифтеров – явлений, зависящих от «режима интерпретации». «Восприятие и понимание / интерпретация цитаты требуют от читателя огромной имплицитной энергии, которая связана с его культурно-исторической апперцепцией – вписанностью в интертекст-культуру» [там же, с. 102].

Отсылку к историческому факту или тексту документа также можно рассматривать как эксплицитную форму интертекстуальности. Мы предлагаем квалифицировать данный тип присутствия исходного текста в производном как эксплицитный, потому что его локализация не представляет трудности для адресата и всегда сопровождается конкретным указанием на исходный текст (даты, номера приказов, названия документов и т. п.).

В отличие от прямой речи, косвенная не имеет явно выраженных пунктуационных особенностей, поэтому мы относим этот тип полифонического взаимодействия между текстами к полуимплицитным формам интертекстуальности. Косвенная речь распознается по лексическим, морфологическим и синтаксическим признакам.

(2) Cinq jours après sa rencontre avec François Hollande à l'Élysée, Marine le Pen a confié son scepticisme au Figaro en disant qu'elle avait trouvé qu'il [François Hollande] restait dans un aveuglement idéologique très dangereux, face à un certain nombre de domaines comme la nécessité des frontières pérennes et les énormes flux de migrants au sein desquels s'étaient infiltrés des terroristes (*Le Figaro*, 22.11.2015).

(3) Bernard Squarcini, ancien patron du renseignement intérieur (DCRI), a affirmé que Manuel Valls, deux ans avant, s'était opposé à l'obtention de la liste des djihadistes français opérant en Syrie au nom du refus de travailler avec les renseignements syriens (*Le Figaro*, 22.11.2015).

Как мы видим, лексически косвенная речь характеризуется заменой обстоятельств времени (*il y a deux ans* → *deux ans avant*) и личных местоимений (*je* → *elle*), синтаксически – наличием союза *que*, который вводит придаточное дополнительное, морфологически – согласованием времен (*a trouvé* → *avait trouvé*, *se sont infiltrés* → *s'étaient infiltrés*, *s'est opposé* → *s'était opposé*).

Полуимплицитно реализуется и другой тип косвенной речи, квалифицируемой как несобственно-прямая. Формально она имеет сходство с косвенной речью, заключающееся в отсутствии специальных пунктуационных знаков, указывающих на чужую речь, а также в наличии согласования времен, замены местоимений и обстоятельств. Отличие между этими двумя формами переданной речи выражается, однако, в том, что в несобственно-прямой речи сохраняется синтаксис исходного высказывания, что сближает ее с прямой речью. Вместе с тем, в косвенной и в несобственно-прямой речи при передаче чужих слов автор также выражает свое отношение к высказываемому, в то время как в прямой речи чужая точка зрения передается в неизменном виде. Несобственно-прямую речь трудно определить по формальным признакам, которые недостаточно четки. Опорой для ее интерпретации служит контекст, поскольку он позволяет реципиенту ознакомиться с точкой зрения говорящего и того, чью речь он передает, а также понять, когда начинается наложение их точек зрения или голосов:

(4) Marc Dutroux le gentil, le sauveur, le philanthrope, le scrupuleux, la victime, le repentant. Tel est le portrait ahurissant que l'accusé le plus honni de Belgique a dressé de lui-même durant son premier interrogatoire devant la Cour d'assises d'Arlon (*Le Temps*, 4.3.04).

На наш взгляд, первое предложение из примера (4) является иллюстрацией несобственно-прямой речи. Показателями последней, в частности, служат эпитеты, характеризующие преступника (*le gentil, le sauveur...*), которые никак не могут отражать точку зрения автора статьи, критично настроенного по отношению к Марку Дютру. Немаловажную роль в передаче несобственно-прямой речи играет определенный артикль (*le sauveur*), выражающий уверенность преступника в наличии у него названных качеств. Обратим также внимание на эллипсис и асиндетон, являющиеся показателями стремления автора придать характеристике М. Дютру больше экспрессивности. Таким образом, в приведенном отрывке происходит наложение двух голосов, или точек зрения: голоса автора и голоса М. Дютру. Заметим, что манера передачи речи М. Дютру и используемые при этом стилистические приемы могут быть интерпретированы как ирония со стороны автора статьи.

Аллюзия представляет собой имплицитную форму интертекстуальности. Ж. Женетт дает следующую дефиницию аллюзии: «... высказывание, полное осознание которого предполагает ссылку на другое высказывание с помощью намека» [10, с. 8]. Цель подобного высказывания может быть достигнута лишь в случае, если адресант и адресат имеют общий набор коммуникативных и культурных компетенций:

(5) «Nous soutenons les mesures d'exception décidées, a assuré le premier secrétaire du PS Jean-Christophe Cambadélis en ajoutant: elles en appellent d'autres.» Comme l'utilisation de l'article 16 de la Constitution par exemple? Les mots martiaux utilisés par le chef de l'État dans son allocution de samedi matin ont laissé planer le doute (*Le Figaro*, 15.11.2015).

Так, в примере (5) риторический вопрос, который отсылает читателя к статье 16 французской Конституции, отчетливо показывает сомнение автора статьи в словах первого секретаря социалистической партии и свидетельствует о субъективности взгляда, представленного в статье. Данный эффект усиливается благодаря присутствию в данном контексте стилистически маркированных слов (*mots martiaux*, *ont*

laissé planer le doute). Чтобы понять истоки конфронтации приведенных точек зрения, следует вспомнить, что газета «Фигаро» является изданием правого толка, тогда как цитируемый политический деятель представляет партию левого блока.

Далее автор формулирует свое видение того, как должна применяться статья 16 французской Конституции, и приводит пример обращения к ней Шарля де Голля во время путча в Алжире в 1961 г. Таким образом, представитель газеты «Фигаро» критикует нерешительность главы государства в принимаемых им мерах:

(6) <...> Or c'est justement pour faire face à une crise d'une gravité exceptionnelle, susceptible de mettre en danger les institutions de la République, que l'article 16 a été conçu. Il confère au chef de l'État les pleins pouvoirs. «Il est impossible de ne pas y penser», reconnaît un parlementaire qui se demande toutefois ce que l'article 16 permettrait de faire de plus que l'état d'urgence. <...> Il faut envisager des mesures du type de celles prises lors du putsch des généraux de 1961 à Alger», assure un ténor de la majorité. C'était justement l'article 16 (*Le Figaro*, 15.11.2015).

Отсылка к историческому факту и статье Конституции, которая также является полифоническим элементом в тексте, в изолированной позиции объективна, однако в контексте приобретает статус аргумента и призвана защитить субъективную точку зрения автора.

В качестве еще одного типа транстекстуальных отношений Ж. Жетт выделяет метатекстуальность, определяя ее следующим образом: «Метатекстуальные отношения являются по преимуществу критическими отношениями, объединяющими комментарий и комментируемый текст, который необязательно может быть упомянут» [10, с. 14].

Проанализируем примеры (5) и (6) с точки зрения интертекстуальных и метатекстуальных отношений. В данных отрывках мы наблюдаем присутствие нескольких прототекстов и одного метатекста. Так, прототекстами одновременно являются: а) речь первого секретаря французской социалистической партии Ж.-К. Камбадели; б) текст статьи 16 Конституции Франции; в) высказывание французского парламентария; г) отсылка к историческому факту – решениям, принятым по алжирскому вопросу в 1961 г., которая также предполагает наличие текстов. На первый взгляд, все первичные тексты связаны с производным эксплицитными связями (цитированием и отсылкой к тексту документа или историческому факту), но характер имплицитных связей между этими текстами различен. Так,

обращение к речи депутата и упоминание документов и дат (случаи б, в, г) помогают автору аргументировать свою точку зрения. Однако связь между первым прототекстом и метатекстом, которую мы выше определили как аллюзию, требует более тщательного анализа. С помощью отсылок-аргументов автор здесь отчетливо показывает, что его точка зрения отлична от позиции Ж.-К. Камбадели, скрыто критикуя последнюю. Следовательно, мы можем утверждать, что связь между исходным и производным текстами метатекстуальна. Таким образом, мы видим, что типы транстекстуальных связей не имеют четких границ, и одни и те же элементы текста способны выполнять различные функции.

Ниже мы приводим таблицу, в которой типы полифонических отношений между текстами располагаются по убывающей на осях «выраженность в тексте» и «объективность» / «субъективность».

Таблица

Типы полифонии во франкоязычном медиадискурсе

Объективность ↓ субъективность интерпретации	Выраженность в тексте →			
	Цитата			
		Отсылка к историческому факту или тексту документа		
		Косвенная речь		
			Несобственно-прямая речь	
				Аллюзия
				Присутствие одного текста в другом на основе метатекстуальных отношений

На основе данной таблицы можно сделать вывод, что эти два свойства связаны прямо-пропорциональной зависимостью. Заметим, однако, что в последнем случае мы используем термин «объективность» условно, поскольку даже самый эксплицитный и предполагающий наименьшее количество субъективных интерпретаций тип связи – цитата – может быть истолкован по-разному в зависимости от контекста, целей адресанта и адресата, а также их коммуникативных и культурных компетенций. В этом смысле мы полностью разделяем позицию Н. Б. Кудрявцевой, считающей, что «даже при дословном воспроизведении цитируемого высказывания В1 нельзя говорить о его идентичности с цитирующим высказыванием В2. Дело в том, что высказывание В1 вырвано из ситуации, в которой оно было

осуществлено впервые и помещено в другой контекст. При таком перемещении происходит неизбежное изменение смысла» [2, с. 142].

Подводя итог исследования феномена полифонии во франкоязычном медиадискурсе, можно утверждать, что полифонические отношения, выраженные эксплицитными и полуимплицитными способами, сравнительно легко локализуются и интерпретируются, равно как и точки зрения, представленные в частях гетерогенных составляющих дискурса. Для обнаружения и толкования имплицитных связей между разнородными дискурсами необходимы прагмалингвистические условия, обязательные для успешного коммуникативного акта между его участниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – 421 с.
2. *Кудрявцева Н. Б.* Чужая речь как форма интертекстуальности в современном французском языке // Проблемы современной романистики: текст, дискурс, концепты. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 137–197. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 10 (616). Сер. Языкознание).
3. *Кузьмина Н. А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – М. : КомКнига, 2007. – 272 с.
4. *Москвин В. П.* Интертекстуальность: понятийный аппарат, фигуры, жанры, стили. – М. : Либроком, 2013. – 164 с.
5. *Фатеева Н. А.* Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. – М. : Либроком, 2012. – 280 с.
6. *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. – М. : Либроком, 2009. – 248 с.
7. *Adam J.-M.* Linguistique textuelle. Des genres de discours aux textes. – P. : Nathan, 1999. – 208 p.
8. *Authier-Revuz J.* Hétérogénéité montrée et hétérogénéité constitutive: éléments pour une approche de l'autre dans le discours // DRLAV. – 1982. – № 26. – P. 91–151.
9. *Ducrot O.* Esquisse d'une théorie polyphonique de l'énonciation // Le dire et le dit. – P. : Minuit, 1984. – P. 171–233.
10. *Genette G.* Palimpsestes : La littérature au second degré. – P. : Éd. du Seuil, 1982. – 576 p.
11. *Maingueneau D.* Les termes clés de l'analyse du discours. – P. : Éd. du Seuil, 2009. – 143 p.
12. *Perrin L.* Polyphonie et autres formes d'hétérogénéité énonciatives : Bakhtine, Bally? Ducrot, etc. // Pratiques. – 2004. – № 123–124. – P. 7–26.

УДК 81'38:42

Н. Б. Кудрявцева

доктор филологических наук, заведующая кафедрой фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка МГЛУ;

e-mail: nkoudriavtseva@mail.ru

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ПОЛИФОНИЯ КАК ОСНОВА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (на материале французского языка)

В статье на материале французского языка исследуется людический потенциал прагмалингвистических категорий интертекстуальности и полифонии и устанавливаются разновидности языковой игры, имеющие интертекстуальную и полифоническую основу.

Ключевые слова: интертекстуальность; полифония; языковая игра; людическая функция.

Kudryavtseva N. B.

Doctor of Philology, Head of the Department the French Phonetics and Grammar, Faculty of the French Language, MSLU;

e-mail: nkoudriavtseva@mail.ru

INTERTEXTUALITY AND POLYPHONY AS THE BASIS OF LINGUISTIC GAME IN THE FRENCH LANGUAGE

The article investigates the ludic potential of pragmalinguistic categories of intertextuality and polyphony and establishes the types of linguistic game having intertextual and polyphonic nature in the French language.

Key words: intertextuality; polyphony; linguistic game; ludic function.

В последнее время в рамках дискурсивно-прагматического направления в лингвистике появилось немало публикаций по вопросам интертекстуальности и полифонии. Повышенный интерес исследователей к данной проблематике объясняется тем, что с ускорением ритма жизни современного общества и с диверсификацией сфер человеческой деятельности множатся контакты между представителями разных областей знания, что, естественно, определяет потребность в умении эффективно использовать и адекватно интерпретировать языковые средства. Между тем понятия «интертекстуальность» и «полифония» бытуют в языкознании уже более четырех десятилетий.

Термин «интертекстуальность» впервые употребляется в одной из работ теоретика постструктурализма Ю.Кристевой, где автор,

в частности, пишет: Поскольку в процессе создания литературного текста элементы предшествующих текстов “рассеиваются” по новому тексту, о последнем можно говорить как об интертексте [12]¹. Ей вторит Р. Барт, утверждающий, что «любой текст – это интертекст, в котором присутствуют элементы других текстов на различных уровнях и в более или менее узнаваемых формах»². Французский филолог Ж. Женетт развивает данные положения и формулирует знаменитую теорию транстекстуальности, понимаемую им как формы взаимодействия разных текстов в анализируемом тексте, которые могут быть объединены в рамках пятичленной классификации:

1) *интертекстуальность*, т. е. реальное присутствие в данном тексте других текстов (например, цитирование, плагиат);

2) *паратекстуальность*, т. е. присутствие в данном тексте заголовков, подзаголовков, эпиграфов других текстов;

3) *метатекстуальность*, т. е. общность комментария, связывающего данный текст с другими, на которые при этом не обязательно делается прямая ссылка;

4) *архитекстуальность*, т. е. общность показателей жанровой отнесенности, позволяющих квалифицировать данный текст, наряду с другими, например, романом, повестью, новеллой и т. п.;

5) *гипертекстуальность*, т. е. любое отношение (кроме перечисленных выше), объединяющее текст В (гипертекст) с текстом А (гипотекстом). Таково, например, соотношение романов «Унесенные ветром» М. Митчелл и «Синий велосипед» Р. Дефорж. Известно, что в своем произведении Р. Дефорж переносит действие «Унесенных ветром» во Францию периода Второй мировой войны. То же самое можно сказать о различного рода имитациях, подражаниях и пародиях [11].

Следует, однако, подчеркнуть, что в основе всех этих воззрений лежит концепция диалогизма, разработанная М. М. Бахтиным применительно к филологии и литературоведению. Напомним, что, по мнению данного исследователя, диалогизм в литературном произведении может проявляться благодаря: 1) разнообразным идиолектам (региональным говорам, профессиональным жаргонам, различного рода арго); 2) интертекстуальности, т. е. способности текста

¹ Здесь и далее перевод наш. – *Прим. автора.*

² Цит. по: [13, с. 328].

ассоциироваться с другими текстами по данной теме; 3) возможности неоднородной интерпретации текста различными адресатами (читателями); 4) многообразию форм передачи в тексте чужой речи [18].

Теория полифонии О. Дюкро, на которую мы опираемся в данной статье, представляет собой распространение литературоведческих идей М. М. Бахтина на лингвистику. Отрицая мысль Э. Бенвениста о том, что любой акт коммуникации описывается формулой «одно высказывание – один говорящий», О. Дюкро выдвигает тезис о наложении друг на друга различных голосов в высказывании и предлагает различать: 1) говорящего (*locuteur* L) – т. е. субъект речи, на который указывают дейктики первого лица (например, местоимение *je*) и который берет на себя ответственность за общий смысл высказывания; 2) выразителя определенной точки зрения (*énonciateur* E), – т. е. виртуальный субъект, передающий в высказывании ту или иную позицию, не обязательно оформленную вербальными средствами и не всегда совпадающую с точкой зрения говорящего. Как отмечает исследователь, говорящий L так же относится к выразителю определенной точки зрения E, как автор театральной пьесы к персонажу, которого он выводит на сцену [8, с. 205].

Так, в полифоническом ракурсе можно исследовать большинство иронических высказываний:

- (1) Dans un restaurant de luxe, un client est attablé avec, pour seule compagnie, son chien, un petit teckel. Le patron vient faire la conversation et vante la qualité du restaurant: «Vous savez, monsieur, notre chef est l'ancien cuisinier du roi Farouk». « Ah bon?», dit seulement le client. Le patron, sans se décourager: «Et notre sommelier, c'est l'ancien sommelier de la cour d'Angleterre... Quant à notre pâtissier, nous avons recueilli celui de l'empereur Bao-Daï». Devant le mutisme du client, le patron change de sujet: «Vous avez là, monsieur, un bien joli teckel». A quoi le client répond: «Mon teckel, c'est un ancien Saint-Bernard.» [17, с. 56].

В приведенном анекдоте, представляющем собой разговор между владельцем ресторана и посетителем, иронической и полифонической является заключительная реплика клиента, иллюстрирующая наложение друг на друга двух голосов – E1 и E2. E1 выражает точку зрения *Le teckel est un ancien Saint-Bernard*, эксплицитно представленную в высказывании, но от которой дистанцируется говорящий L. E2 передает прямо противоположную – эксплицитно не выраженную – позицию *Le teckel n'est pas un ancien Saint-Bernard*, с которой солидаризируется L.

Иными словами, мы имеем дело со своего рода иносказанием, когда буквальный смысл высказывания отрицается в контексте речи. Причем, если тональность анализируемого примера является по своему характеру добродушно-насмешливой, то в других ситуациях она может получать сатирическую окраску, вплоть до саркастического разоблачения. В целом можно сказать, что подобные иронические высказывания противоречат принципу кооперации Г. П. Грайса, поскольку нарушают разговорную максиму способа, требующую от говорящего, чтобы тот изъяснялся ясно и недвусмысленно.

В данной работе под интертекстом мы понимаем фрагмент другого текста в структуре исследуемого текста. Указанный фрагмент может быть как микроструктурным (отдельная лексема или словосочетание), так и макроструктурным (развернутое высказывание). При этом текст-донор мы квалифицируем как гипотекст, а текст-реципиент как гипертекст. Интертекстуальность отличается от интертекста тем, что она представляет собой способ, которым один текст актуализирует в своем внутреннем пространстве другой. Интертекстуальные связи могут получать реализацию в виде цитаты, аллюзии, перифразы, пародии, стилизации и т. д.

Интересно отметить, что в отечественном языкознании исследователи предпочитают говорить не об интердискурсивности, а о прецедентности. Так, Г. Г. Слышкин определяет прецедентные тексты следующим образом: «Это сохраняющиеся в сознании языкового коллектива тексты, взятые в тесной связи с условиями их производства» [6, с. 27]. Ю. Н. Караулов, который ввел термин «прецедентный текст» в обиход отечественных лингвистов, выделяет такие характеристики подобных образований, как: а) значимость (точнее, символичность) прецедентных текстов для языкового коллектива; б) широкая известность среди предшественников и современников; в) постоянное обращение к данным текстам в связи с различными ситуациями [3, с. 105]. Ю. Е. Прохоров предлагает заменить понятие «прецедентный текст» более широким понятием «прецедентный феномен». Исследователь объясняет свою позицию тем, что отсылка в процессе коммуникации и производства дискурса может происходить не только к объемным образованиям наподобие текста, но и к кратким высказываниям (например, цитатам, афоризмам, крылатым выражениям), отдельным персонажам (например, Обломову, Тарасу Бульбе) или эталонным ситуациям (например, тридцати сребреникам). Прецедентные

феномены, по мнению Ю. Е. Прохорова, являются скрепами дискурса, обеспечивающими его обращенность в прошлое и устремленность в будущее [5].

Важно подчеркнуть, что адекватность интерпретации дискурса зависит от «интертекстуальной» или «прецедентной» компетенции адресата – ее объема и качества. Их различия объясняют множественность толкований одного и того же речевого продукта и неоднородность рефлексий слушающих. Как отмечает В. И. Шаховский: «Поскольку полного интердискурсивного знания ни у одного из коммуникантов быть не может, говорить о полном взаимопонимании *homo loquens* вряд ли возможно. Мы общаемся на уровне приближительных номинаций» [7, с. 120–121].

Цель данной статьи – показать, что языковая игра, к которой прибегает говорящий для осуществления определенного воздействия на реципиента, часто опирается на интертекстуальность (прецедентность) и полифонию.

В нашем понимании, языковая игра – это обычно языковая неправильность, неточность, намеренно допущенная говорящим и именно так понимаемая слушающим¹. Языковая игра всегда предполагает апелляцию адресанта к эстетическому восприятию, воображению и чувству юмора собеседника. Она является свидетельством лингвокреативных способностей говорящего, а также его хорошего расположения духа, желания пошутить, вызвать улыбку, создать ироничную атмосферу, играя с формой речи:

- (2) *Son costar, comme nos ouvriers, n'arrive plus à joindre les deux bouts* [15, с. 348].

¹ Следует подчеркнуть, что традиционному термину «игра слов» мы предпочитаем сравнительно недавно появившийся в лингвистике термин «языковая игра». Наш терминологический выбор объясняется тем, что понятие «языковая игра» значительно шире, чем понятие «игра слов», поскольку говорящим могут обыгрываться не только слова, но и другие языковые единицы, как большие (словосочетание, предложение), так и меньшие (звук, морфема), чем слово, а также различного рода грамматические категории (порядок слов, степени сравнения и интенсивности прилагательных и т. п.). Игра слов, по нашему мнению, это лишь частный случай языковой игры, в которой комический эффект достигается неканоническим, отклоняющимся от языковой нормы использованием слов и фразеологизмов, опирающимся на омонимию, полисемию, паронوماзию и т. п.

Так, в приведенном примере, стремясь создать ироническую атмосферу, говорящий обыгрывает сразу два значения выражения *joindre les deux bouts* – прямое (застегиваться, сходиться) и переносное (бедствовать) – и образует тем самым забавный каламбур: костюм, как и рабочие, не может свести концы с концами. Ненормативный характер данного высказывания проявляется в том, что в одном тексте одновременно создаются как бы два контекста, каждый из которых реализует свое значение.

Согласно полифонической теории О. Дюкро, в примере (2) реальный адресант (*locuteur L*) выводит на сцену двух виртуальных говорящих (*énonciateurs E1* и *E2*). Первый берет на себя ответственность за прямое высказывание, а второй – за переносное. Однако ни одна из этих точек зрения не совпадает с позицией реального говорящего *L*, цель которого состоит в том, чтобы путем столкновения данных высказываний в одном контексте образно и с юмором показать, насколько костюм описываемого персонажа не подходит ему по размеру.

Аналогичным образом можно прокомментировать и знаменитый пример с наездником, на который ссылается во «Французской стилистике» Ш. Балли. Швейцарский ученый приводит в своей книге рисунок из юмористического журнала, изображающий всадника, перелетающего через голову лошади. Под рисунком написано: *Quand le cheval a plein le dos de son cavalier, il n'est pas rare qu'il en ait par-dessus la tête. Avoir plein le dos de qch* и «*en avoir par-dessus la tête* – фразеологизмы-синонимы, обозначающие, что лицо или предмет, выраженные дополнением, сильно надоели субъекту. «Взятые в отдельности, – пишет Ш. Балли, – они не создают комического эффекта. Однако их сочетание в одной фразе воскрешает давно стершийся образ» [1, с. 232]. Заметим, что здесь снова реальный адресант *L* выводит на сцену виртуальных говорящих *E1* и *E2*, отвечающих соответственно за свободную (прямую) и фразеологизированную (переносную) интерпретации высказывания. Игровой эффект в анализируемом примере возникает благодаря столкновению в одном контексте указанных интерпретаций с целью вызвать улыбку у реципиента.

К анализу приведенных примеров можно подойти и с другой стороны. Дело в том, что они оба имеют в своем составе фразеологические единицы (ФЕ). Фразеологизмы, как было сказано выше, представляют собой прецедентные феномены. Окказиональная трансформация ФЕ (в том числе употребление в контексте, одновременно

актуализирующем прямое и переносное значения данных устойчивых выражений), приводящая к комическому эффекту, может быть квалифицирована как языковая игра с широким кругом участников: коллективным автором исходного фразеологизма E1, автором трансформированного фразеологизма E2 и реципиентом. Следовательно, мы опять имеем дело с явлением «многоголосия», т. е. наложения друг на друга различных высказываний в более или менее узнаваемых формах.

Важно подчеркнуть, что чем неожиданнее окажется трактовка окказионально преобразованной ФЕ, тем сильнее будет речевое воздействие на реципиента высказывания, содержащего такой фразеологизм. В этой связи уместно напомнить, что в лингвистике существуют так называемые законы языкового ожидания, согласно которым схемы построения высказываний понятны носителям того или иного языка уже на интуитивном уровне [2, с. 239]. Таким образом, остроумное нарушение этих правил и схем путем использования приема обманутого ожидания является весьма эффективным и креативным средством усиления выразительности высказывания или текста.

В качестве приемов нарушения «законов языкового ожидания» в людических целях применительно к ФЕ, как прецедентным феноменам, можно назвать следующие.

1. Окказиональные изменения, касающиеся семантики данных единиц:

- (3) *Je le plombe à la volée. Sa culbute est interrompue net. Le rêve de ses chers vieux parents s'est réalisé: il a du plomb dans la cervelle* [16, с. 185].

Так, в приведенном примере обыгрывается выражение *avoir du plomb dans la tête (la cervelle)*, которое в своем традиционном, фразеологизированном значении переводится как «не быть пустым, ничтожным человеком», букв. ‘получить свинец (пулю) в голову’. Преобразование семантики устойчивого словосочетания осуществляется в контексте, который не только помогает реципиенту восстановить образ собственно фразеологизма, но и усиливает стершуюся метафоричность и экспрессивность. Один ряд текстовых компонентов (*le rêve de ses chers vieux parents s'est réalisé*) позволяет воспринять фразеологизированное, а другой (*je le plombe à la volée, sa culbute est interrompue net*) – буквальное значение фразеологизма.

2. Структурные модификации ФЕ, обычно предполагающие расширение их формального состава и являющиеся более разнообразными по своим приемам, чем собственно семантические, включая:

– замену компонентов фразеологизма синонимами, антонимами, омонимами, паронимами и т. д. с сохранением общего значения или с его переосмыслением:

(4) Il roupille à mains ouvertes. J'en ai ma claque de l'éternel «poings fermés». Tu fais le poing pour roupiller, toi ? [16, с. 146]

(5) Nos affaires sont prospères. Mais il n'est pas l'heure d'amidonner le linge propre de la famille devant les tiers [14, с. 16].

Так, если в примере (4), несмотря на замещение элементов, сохраняется традиционное значение фразеологизма *dormir à poings fermés* (спать крепким сном), то в (5) видоизмененное устойчивое выражение *laver son linge sale en famille* (не выносить сор из избы) приобретает прямо противоположное значение (*amidonner le linge propre de la famille devant les tiers* – выставлять свои достижения напоказ);

– введение в состав фразеологической единицы дополнений, определений, обстоятельств, относящихся либо к одному из компонентов, либо ко всему фразеологизму в целом:

(6) Cet argent risque fort de lui passer devant le nez en lui envoyant des baisers [14, с. 45] ;

– расщепление фразеологизма на составляющие элементы:

(7) C'est juste sur ce point de suspension que l'explosion se produit. Et elle me prend au sais-tu quoi ? Dépourvu [16, с. 75] ;

– изменение порядка слов, инверсию компонентов фразеологической единицы:

(8) L'officier de police Le Guennec tourne en ours comme un rond en cage, ou en cage comme un ours en rond, ou encore autrement si t'es doué pour les interversions [16, с. 42];

– объединение нескольких фразеологизмов в один:

(9) Blessé, Le Guennec se met à hurler comme: un beau diable, un putois, à la lune, avec les loups, à la mort, le vent, des freins mal réglés [16, с. 167].

Подобные трансформации возможны и по отношению к другим прецедентным феноменам:

– пословицам:

(10) Qui veut voyager loin ménage ses chaussures [9, с. 20] ;

– художественным произведениям: «Certains l'aiment chauve», «Vol au-dessus d'un lit de coca» (названия иронических детективов Ф. Дара, пишущего под псевдонимом Сан-Антонио);

– ситуациям:

(11) Un Etat des USA a remplacé la chaise électrique par un lit électrique pour permettre au condamné de mourir dans son lit [9, с. 119].

Наконец, в качестве разновидности языковой игры, имеющей людическую основу, можно рассматривать случаи иронии, обозначаемой термином «антифразис», если она имеет целью балагурство, острословие, шутку:

(12) Le patron a l'air cordial du monsieur dont vous avez étranglé la femme, violé la fille, cabossé la voiture, dérobé la fortune et à qui vous avez laissé sa belle-mère [14, с.84].

В самом деле, смысл приведенного отрывка антонимичен тому, который вытекает из формального сочетания компонентов высказывания. Насмешливая тональность примера достигается благодаря столкновению двух взаимоисключающих интерпретаций слов автора (реального адресанта L), за которые, по мысли О. Дюкро, ответственны виртуальные говорящие E1 и E2. Причем точка зрения E2 здесь совпадает с позицией L – оба являются выразителями подлинного смысла анализируемого высказывания (см. также пример (1)).

Итак, в языковой игре как лингвокреативной деятельности с установкой на комизм адресант может использовать механизмы интертекстуальности (прецедентности) и полифонии, благодаря которым ему удастся реализовать самые разнообразные коммуникативные интенции: развлечь себя и собеседника; самоутвердиться с точки зрения языковых компетенций; выразить субъективное отношение к высказываемому и к реципиенту; придать иронический или гротескный характер коммуникации и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балли Ш.* Французская стилистика. – М. : Иностранная литература, 1961. – 416 с.
2. *Ильясова С. В., Амири Л. П.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 296 с.

3. *Караулов В. Н.* Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. – М. : Русский язык, 1986. – С. 105–126.
4. *Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева.* – М. : Флинта : Наука, 2003. – 840 с.
5. *Прохоров Ю. Е.* Действительность. Текст. Дискурс. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 224 с.
6. *Слышкин Г. Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М. : Academia, 2000. – 128 с.
7. *Шаховский В. И.* Интертекстуальный минимум как средство успешной коммуникации // *Языковая личность: система, нормы, стиль.* – Волгоград : Перемена, 1998. – С. 120–121.
8. *Ducrot O.* Le dire et le dit. – Paris : Minuit, 1984. – 237 p.
9. *Fournier J.-L.* Grammaire française et impertinente. – Paris : Payot, 2000. – 192 p.
10. *Garric N., Calas F.* Introduction à la pragmatique. – Paris : Hachette, 2007. – 208 p.
11. *Genette G.* Palimpsestes. La littérature au second degré. – Paris : Seuil, 1982. – 467 p.
12. *Kristeva J.* Recherches pour une sémanalyse. – Paris : Seuil, 1969. – 379 p.
13. *Maingueneau D., Charaudeau P.* Dictionnaire d'analyse du discours. – Paris : Seuil, 2002. – 672 p.
14. *San-Antonio.* Le loup habillé en grand-mère. – Paris : Fleuve Noir, 1980. – 224 p.
15. *San-Antonio.* L'histoire de France vue par San-Antonio. – Paris : Fleuve Noir, 1965. – 384 p.
16. *San-Antonio.* Si ma tante en avait: chronique bretonne. – Paris : Fleuve Noir, 1978. – 224 p.
17. *Sarfati G.-E.* Eléments d'analyse du discours. – Paris : Armand Colin, 2005. – 128 p.
18. *Todorov T.* Michaïl Bakhtine, le principe dialogique suivi de «Ecrits du cercle de Bakhtine» – Paris : Seuil, 1981. – 316 p.

УДК 81'362

А. О. Манухина

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии
МГЛУ, e-mail: amanuhina@mail.ru

**«ОБРАЗ ВРАГА» КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛИЙ
ВОЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ XII–XIII ВЕКОВ
(на материале «Historia rerum» Гильома Тирского
и анонимной «Estoire de Eracles»)**

Статья посвящена изучению языковых средств представления «образа врага» в контексте военной и политической культуры XII–XIII вв. на материале латинской хроники Гильома Тирского «Historia rerum» и анонимного старофранцузского сочинения «Estoire de Eracles». Представления о враге как о «чужом» (носителе иной культуры и иной религии) исследуются как феномен рыцарской культуры через призму средневековой картины мира. На лексико-семантическом уровне «образ врага» вербализован конструкциями, содержащими эмоциональную и этическую оценку.

Ключевые слова: аксиологическое понятие «враг»; нравственные стереотипы рыцарства; латинская и старофранцузская хроники; письменные памятники эпохи Крестовых походов, оценочные конструкции.

Manuhina A. O.

Ph. D., Associate Professor, Department of Classic Philology, MSLU;
e-mail: amanuhina@mail.ru

**THE 'ENEMY IMAGE' AS THE REFLECTION OF THE REALITIES
OF THE MILITARY AND POLITICAL CULTURE OF THE XII–XIII
CENTURIES (on the material of “Historia rerum” of William of Tyre
and the anonymous “Estoire de Eracles”)**

The article is devoted to analyzing the means of realization of “the enemy image” in the context of the military and political culture of the XII–XIII centuries on the material of “Historia rerum” of William of Tyre and the anonymous “Estoire de Eracles”. The notions about the enemy as “the alien” (the represent of the different culture and the different religion) are examined in the light of the Medieval picture of the world. On the lexical-semantic level “the enemy image” is verbalized with the constructions inclusive the emotional and ethic evaluation.

Key words: axiological notion “enemy”; moral stereotypes of chivalry; Latin and Old French chronicle; written monuments of the epoch of Crusades; evaluative constructions.

Культурные стереотипы, присущие определенному обществу на разных этапах его развития, представляют собой исторически и социально изменчивое явление. «Образ врага», запечатленный в латинских

и старофранцузских письменных памятниках, является частью западноевропейской культуры эпохи Средневековья. С этой точки зрения ценным материалом для изучения служат повествующие об истории дипломатии и войн хроники Крестовых походов, многие из которых до сих пор не привлекались к лингвистическому исследованию. В нашей работе описаны языковые средства реализации «образа врага» в двух прозаических произведениях, созданных на рубеже XII–XIII вв.: это латинская «*Historia rerum in partibus transmarinis gestarum*» («История деяний в заморских землях»), созданная в 1170–1184 гг. архидиаконом, дипломатом и ученым-историком Гильомом Тирским, и анонимное старофранцузское сочинение, получившее название «*Estoire de Eracles l'empereur et la conquete de la terre d'outremer*» («История императора Эракла и завоевания Заморской земли»)¹. Эта хроника – вольный перевод латинского памятника и его продолжение, созданное спустя столетие, в XIII в. Как отмечают исследователи [2, с. 40], благодаря многочисленным примечаниям неизвестного автора, «*Estoire de Eracles*» является самостоятельным историческим документом и содержит много информации, отсутствующей у Гильома Тирского. Поскольку расхождения по содержанию в двух произведениях существенны, «*Estoire de Eracles*» можно считать версией «*Historia rerum*» [9, с. 29]. Старофранцузская хроника охватывает период 1184–1275 гг., что представляет собой практически полное изложение истории Крестовых походов. Никакой информации об авторе не сохранилось; существуют предположения [18, с. 27], что это был образованный рыцарь или клирик, живший в Иерусалиме или другом регионе «Заморской земли». Не вызывает удивления тот факт, что «История» Гильома

¹ Впервые текст под полным названием «*L'estoire de Eracles empereur et la conquete de la terre d'outremer (C'est la translation de l'estoire de Guillaume archevesque de Sur)*» был опубликован в сборнике источников западноевропейских историков Крестовых походов *Gesta dei per Francos*, изданных Жаком Бонгаром (J. Bongars) в 1611 г. История данного названия хроники излагается во введении к этой первой публикации: *Sub hoc titulo «Livre d'Eracles» nostrum quoque prodit opus; nomen enim retinet quod plerique ferunt codices, media sane jam aetate nomen inditum, quia prima statim Willelmi Tyrensis narratio Heraclii imperatoris mentionem facit* [18, с. 27]. Под этим названием «Книга Эракла», фигурирующем в большинстве списков, произведение и дошло до нас; это название было дано еще в Средние века, так как в сочинении Гильома Тирского первая книга начинается с упоминания (византийского) императора Эракла. (Зд. и далее перевод наш. – А. М.)

Тирского была переведена и именно на старофранцузский язык: Святая Земля вела активную интеллектуальную жизнь, и особенно распространённой там была литература на «народном» старофранцузском языке. Бароны, обосновавшиеся в Святой Земле, поддерживали тесные контакты со знатью Франции и были прекрасно осведомлены о развитии литературного творчества на Западе.

В некоторых работах, посвященных анализу категории «чужой» во французской лингвокультуре, выявлено, что в старофранцузский период (IX–XIII вв.) [10; 16; 17] образ «чужого» репрезентирован в литературных текстах как «открытый враг на религиозной почве» [1, с. 235], что объяснялось «теоцентричной моделью мира, свойственной Средневековью» [4, с. 14].

Рассмотрим, насколько это утверждение применимо к текстам жанра хроники и различается ли восприятие «врага» у двух авторов, писавших соответственно на латинском и старофранцузском языках.

Объектами описания и оценки «враги» в обоих сочинениях выступают реальные исторические персонажи: *сарацины* как враги-иноверцы (непосредственные противники рыцарей, обосновавшихся в Святой земле с 1096 г.) и *византийцы-предатели* (несостоявшиеся союзники в Крестовом походе). Как в латинском, так и в старофранцузском тексте обобщенный объект оценки сарацины обозначен существительным *populus* (лат.) / *peoples* (старофр.) – народ. Враги-сарацины представлены как неделимая масса, в которой не выделены главари или выдающиеся личности, и это было типично для средневековой литературы, в частности для жанра *Chanson de geste* [12, с. 18]. Лексема *populus / peoples* сопровождается эпитетами с негативной коннотацией.

В следующем примере негативное отношения автора к сарацинам вербализовано оценочными прилагательными *vilis* («дешевый, ничтожный, малоценный») [5, с. 823] и *abjectus* («низкого происхождения, простой») [там же, с. 13], что обусловлено социально и исторически.

Sicque populus vilis et abjectus ad tantum subito culmen evolavit, quod universum occupavit Orientem [18, I, 7]¹.

Итак, народ ничтожный и низкого происхождения внезапно взлетел к такой вершине, что завоевал весь Восток.

¹ Зд. и далее в скобках римские цифры обозначают соответственно нумерацию книг в хрониках, арабские цифры – номера глав.

Эпитеты, реализуя авторскую утилитарную и этическую оценку, указывают на низкое происхождение человека, что воспринималось как принижение его социального статуса и оскорбление. В сознании «латинянина» Гильома Тирского сарацины не были достойными противниками рыцарей: во времена Крестовых походов считалось, что рыцарской честью обладает лишь тот, кто знатен, богат и возвышается в социальном отношении.

Тот же эпизод в старофранцузской версии хроники звучит иначе:

Et einsint advent que cil peuples qui avant estoit si *vix* et si *rudes* et vivoit aussint *desatirieement* comme bestes orent conquis en meins de XL ans si grans seignorie com vos oez, et monterent en si grant orgueill [18, I, 7].

И случилось так, что этот народ, который до этого был таким презренным и таким грубым и жил так же бедственно, как зверь, завоевал менее чем за 40 лет такое большое господство как вы слышали и поднялся к такой большой гордости.

В вольном переводе акценты смещены: оценка неизвестного хрониста более эмоциональна. Помимо прилагательных *vix* («подлый, низкий, презренный, гнусный») [11, с. 272; 15, с. 535], *rude* («грубый», «дикий») [11, с. 231; 15, с. 439], реализующих эмоциональную отрицательную оценку, в этом тексте присутствует сравнительный оборот *vivoit aussint desatirieement comme bestes* («жил так же бедственно как зверь») и оценочное существительное *orgueill* «гордость, высокомерие, самонадеянность» [11, с. 182; 15, с. 390], употребленное с прилагательным-интенсификатором *grant*, что усиливает отрицательную эмоциональную и этическую оценку.

Эпитеты, имеющие в структуре своего значения сему «дикий» (латинское оценочное прилагательное *ferox* и старофранцузское *rude*), неоднократно повторяются в разных ситуациях в обеих хрониках:

...Dicens quod hostes circum se haberet *ferocissimos*: Bulgaros, Commanos et Pincenates, qui fines imperii sine intermissione circuibant [18, II, 21].

...Говоря, что вокруг себя имеет самых диких врагов: Булгар, Куманов и Пинценатов (т. е. печенегов), которые постоянно (*букв*: без остановки) окружают пределы империи.

Li Turc furent gent *moult rude* et sanz atirement ne n'avoient nul pais ne nul certain siege [18, I, 7].

Турки были людьми очень грубыми и без пристанища, и они не имели никакого покоя и никакого места.

Здесь также присутствуют выражения, приобретающие отрицательную оценку только в данном контексте: например *finis imperii sine intermissione circuibant* (лат. «окружают пределы империи») объективирует сему «военная угроза», а выражения *sanz atirement* (старофр. «без пристанища») и *n'avoient nul siege* (старофр. «не имели никакого места») отражают представления средневекового европейца, в глазах которого «люди не имеющие дома», т. е. кочевники, с древних времен воспринимались как потенциальная опасность [7, с. 117]. В этих фрагментах контекстная семантика существительных *atirement* и *siege* богаче их словарной семантики.

В рамках военной и политической культуры XII–XIII вв. все рассмотренные оценочные единицы передают идею «грубости», «первобытности», «варварства» и имплицитно создают антитезу понятий «дикий» враг-сарацин / «цивилизованные» западноевропейцы-крестоносцы.

Через призму рыцарской морали оцениваются и поступки врагов-иноверцев:

Mes entor lui et entor son empire avoit ce disoit mout *cruel* gent et mout *desloial*, les Bourges, les Comeins, les Pinceneus qui mout volenteirs feroient mal à ses gent et conquerroient de son empire ce que il en porroient prendre [18, II, 21].

Но вокруг него и его империи было, говорил он, много жестоких и очень вероломных людей: Булгары, Куманы, Печенеги, которые очень охотно причинят зло его людям и завоюют у его империи все, что они смогут взять.

Анализируемый старофранцузский текст – вольный перевод рассмотренного выше отрывка [18, II, 21]. Но если в латинском сочинении автор на первый план выставляет идею «дикости» племен, то в переведенном отрывке речь идет об их нравственном облике. Эпитеты *cruel* («жестокий») [11, с. 63; 15, с. 98], *desloial* («вероломный, коварный, бесчестный») [11, с. 79; 15, с. 106], оценочные выражения *volenteirs feroient mal* («охотно причинят зло») и *conquerroient ce que il porroient prendre* («завоюют, что они смогут взять») реализуют эмоциональную и этическую оценку и создают образ аморального врага, подтверждающий стереотипы своей эпохи – миф о сарацинах-чудовищах.

При сравнении отрывков из латинского и старофранцузского документов явствует, что спустя столетие после смерти Гильома Тирского непримиримость к врагам-иноверцам со стороны рыцарства возрастает, и враждебное отношение к врагу демонстрируется более категорично.

Среди объектов оценки «византийцы-предатели» можно выделить индивидуальные и обобщенные. Изначально, при подготовке и проведении первых трех Крестовых походов византийцы как единоверцы-христиане были союзниками французских рыцарей. Но в ходе событий XII–XIII вв. (конкуренция Западной Европы и Византии, участие византийских правителей в политических интригах) они постепенно превращаются в вероломных предателей и врагов, что и отразилось на картине мира обоих хронистов.

В качестве индивидуального объекта оценки важную роль в обоих произведениях играет император Алексей Комнин:

Praeerat autem per id tempus Graecorum imperio vir nequam et subdolos Alexius nomine et agnomine dictus Comnino [18, II, 5].

Возглавлял в те времена империю греков муж негодный и коварный по имени Алексей и прозванный Комнин.

Гильом Тирский оценивает византийского правителя, используя лексему *nequam* («негодный, дрянной» [11, с. 668]), которая неоднократно повторяется в тексте:

Factum est manifestum, qua intentione praedictus nequam imperator castra transferri praesegerat [18, II, 8].

Стало очевидно, с каким намерением вышеупомянутый негодный император приказал перенести лагерь.

Вне контекста прилагательное *nequam* выражает общую эмоциональную и этическую оценку, так как не содержит собственно дескриптивно-ориентированного содержания. Поэтому автор уточняет, в чем именно состоит «негодность» Алексея: оценочное прилагательное *subdolos* («хитрый, коварный, плутоватый, обманчивый» [11, с. 962]) подразумевает такие специфические оценочные характеристики, как «лицемерный обман, хитрость, вынашивание коварных планов» [8, с. 13].

В старофранцузской версии описание правителя Алексея более развернуто, авторское отношение более жестко и пристрастно:

En ce tens estoit empereres en Constantinoble uns Grioux moult faux et moult trichierres et mout desloiax, Alexès avoit non, en seurnon Comnine [18, II, 5].

В то время в Константинополе был императором грек очень лживый и большой обманщик и очень вероломный, Алексей было его имя, и прозвище Комнин.

Ici fu il aperte chose que li impereres avoit par tricherie et par desloiauté fet as barons passer le pont [18, II, 8].

И открылась такая вещь, что император обманом и коварством заставил баронов зайти на мост.

Отрицательная оценка в приведенных примерах выражена лексически, при этом повторяются сходные по значению эмоционально-оценочные лексемы *trichierres* («обманщик» [15, с. 502]) и *tricherie* («обман» [там же]), *desloiax* («вероломный», «бесчестный», «коварный» [там же]) и *desloiauté* («вероломство», «бесчестность», «коварство» [там же]), *faux* («неправдивый, лживый, фальшивый» [там же, с. 192]). Для усиления оценки автор трижды в одном предложении повторяет наречие-интенсификатор *moult*.

Следует отметить, что портретные характеристики персонажей не менее значимы в создании образа «врага-предателя», чем оценка нравственных качеств:

Adjunxerat se etiam nostrorum castris Graecus quidam, Tatinus nomine, vir nequam et perfidus, nares habens mutilas in signum mentis perversae [18, II, 23].

Присоединился же к нашему лагерю некий грек, по имени Татин, человек негодный и вероломный, имеющий вырванные ноздри в знак развращенного ума.

Tatin etoit uns Grioux de l'empereur la plus desloial riens et la plus fausse que onques fust et bien le sembloit quar il avoit unes narilles remulées [18, II, 23].

Татин был греком от императора, самым вероломным человеком и самым лживым, каким тот только может быть, и это казалось верным, так как ноздри у него были вырваны.

Авторы обеих хроник акцентируют внимание читателя на изъяне внешности. Примечательно, что вырванные ноздри – *mutilae nares* (лат.) / *narilles remulées* (старофр.) – расцениваются авторами как справедливое наказание за грехи. В латинской хронике авторская

оценка объективируется имплицитно посредством выражения *nares habens mutilas in signum mentis perversae* («имеющий вырванные ноздри в знак развращенного ума» – в этом можно увидеть отражение представлений средневекового человека о физическом уродстве как о дьявольской метке). В старофранцузской хронике оценка эксплицитна, однако сама позиция автора «замаскирована» безличным выражением *bien le sembloit* («это казалось верным») и представлена как обобщенная. Если красота в старофранцузских произведениях воспринимается в первую очередь как красота духовная [1, с. 230], то физическое уродство, наоборот, считается свидетельством низости человеческой души. С наступлением христианства безобразное представляется как нечто противное Богу, например уродливыми, иногда до крайности, в морализаторских и культовых целях изображали гонителей Христа. В средневековой картине мира «подобно тому как зло и грех противопоставляются добру, будучи его теневой стороной, его адом, так и безобразное является “адом прекрасного”» [13, с. 50]. Обладание персонажем определенным внешним видом можно считать опосредованной оценкой, усиливающей оценку эксплицитную, вербализованную эпитетами *nequam, perfidus, desloial*, суперлативной конструкции *eè la plus fausse que onques fust* и оценочным выражением *mentis perversae*. Такая опосредованная оценка (указание на изуродованное лицо) позволяет авторам через портретные характеристики найти тот критерий, опираясь на который можно было бы отделить «своих» (верных рыцарей) от «чужих» (врагов-предателей).

При характеристике моральных качеств «византийцев-предателей» как обобщенного объекта оценки у обоих авторов также преобладают оценочные средства с негативной коннотацией:

Adfuit imperatoris nuntius, monens verbis pacificis, et tamen *in dolo* [18, II, 6].

Прибыл вестник императора, убеждающий мирными словами, однако со злым умыслом (= исполненными коварства).

Tandis vindrent li message l'empereor qui parlerent as barons *mouit bel...* tot ce disoient il en *tricherie* [18, II, 6].

Прибыли вестники императора, которые говорили с баронами очень красиво, но всё, что они говорили, было обманом.

Оценка вербализована как на лексическом (существительными *dolus lat.* и *tricherie старофр.*), так и на синтаксическом уровне – антитезой *verbis pacificis / in dolo* и *parlerent mouit bel / disoient il en*

tricherie. Этическая оценка отсылает, прежде всего, к нравственным установкам рыцарства, в данном случае верности долгу и данному слову.

Как в латинском, так и в старофранцузском сочинении оценочные лексемы, рисующие образ «византийцев-предателей» объективирует одинаковый набор сем: «вероломство», «бесчестность», «бесчестный поступок», «отсутствие верности», «вероломный акт» [11, с. 151; 14, с. 1039]. Исходя из нашей выборки, данные лексические единицы можно рассматривать как семантически тождественные, учитывая, что перечисленные оттенки значения поддаются выявлению лишь в контексте.

Таким образом, «образ врага» объективирован в текстах изучаемых хроник в основном на лексическом уровне, что подтверждает тезис о том, что «дух языка в истории народа можно обнаружить и проследить прежде всего в лексике, являющейся верным зеркалом материальной и духовной культуры» [3, с. 188]. Выбор авторами определенных оценочных средств для создания «образа врага» детерминирован конкретными культурными и историческими условиями: в эпоху Крестовых походов интересы общества сосредоточиваются вокруг военных действий. Оценочное значение изученных лексем представлено в сопоставительной таблице ниже.

Все выявленные нами средства реализации отрицательной оценки, при всем внешнем разнообразии форм обладают неизменным содержанием. Это своего рода эпическая формула, значение которой воспринималось не буквально, а как некий символ. Использование привычных формул и мотивов в любом средневековом тексте создавало у адресата определенный настрой и должно было подготовить к восприятию дальнейшего текста, поэтому и описание персонажей-антигероев соответствует формальной канонической схеме. Однако при всей стереотипности формул и повторов ни Гильом Тирский, ни анонимный хронист не объективны при изложении событий Крестового похода, их профранкские настроения несомненны: позиция авторов и позиция франков в отношении врагов совпадают. «Образ врага» как иноверца-варвара или византийца-предателя формировался в сознании западноевропейцев в течение нескольких столетий: противостояние рыцарей-христиан и представителей иной культуры существовало еще при первых Каролингах [6, с. 217], а на эпоху Крестовых походов приходится его новый небывалый всплеск.

Оценочное значение изученных лексем

Лексическое выражение		Семы и оценочное значение						
		«варварство, дикость» (этическая+ эмоциональная оценка)	«низкое проихождение» (нормативная + этическая оценка)	«высокомерие» (этическая + эмоциональная оценка)	«нарушение верности» (долгу, клятве, слову, обя- зательству) (нормативная + этическая оценка)	«низость, подлость» (эмоциональная + этическая оценка)	«хитрость» / «тайный злой умысел» (этическая + эмоциональная оценка)	«ложь»/ «коварство» (этическая оценка)
Латинский текст	vilis	+	+	-	-	-	-	-
	abjectus	+	+	-	-	-	-	-
	ferox	+	+	-	-	-	-	-
	nequam	-	-	-	+	+	+	+
	subdolos	-	-	-	+	+	+	+
	perfidus	-	-	-	+	+	+	+
	dolos	-	-	-	+	+	+	+
Старофранцузский текст	vix	+	+	-	-	-	-	-
	rude	+	+	-	-	-	-	-
	desatirreee- ment	+	+	-	-	-	-	-
	orgueil	-	-	+	-	-	-	-
	cruel	+	-	-	+	-	-	-
	desloial / desloiauté	-	-	-	+	+	+	+
	trichieres / tricherie	-	-	-	+	+	+	+
faux	-	-	-	+	+	+	+	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова З. Н. Эпос Франции (история и язык эпических сказаний). – М. : Наука, 1984. – 320 с.
2. Евдокимова Л. В. У истоков французской прозы. Прозаическая и стихотворная форма в литературе XIII века. – М. : Наследие, 1997. – 398 с.

3. *Йордан Й.* Романское языкознание. – М. : Наука, 1980. – 200 с.
4. *Кулагина О. А.* Языковое портретирование «чужого» как способ передачи этнокультурного диссонанса во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 24 с.
5. Латинско-русский словарь / отв. ред. И. Х. Дворецкий. – М. : Русский язык, 1976. – 1096 с.
6. *Михайлов А. Д.* Французский героический эпос. Вопросы поэтики и стилистики. – М. : Наследие, 1995. – 360 с.
7. *Ришар Ж.* Латино-Иерусалимское королевство / пер. с фр. А. Ю. Карачинского; Вступительная статья С. В. Близнюк. – СПб. : Евразия, 2002. – 448 с.
8. *Савельева У. А.* Архетипический лингвокультурный концепт «предательство»: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 230 с.
9. *Скредина Л. М., Становая Л. А.* История французского языка. – М. : Высшая школа, 2001. – 463 с.
10. *Шшимарёв В. Ф.* Книга для чтения по истории французского языка. IX–XV вв. – М.–Л. : Изд-во академии наук СССР, 1955. – 557 с.
11. *Шшимарёв В. Ф.* Словарь старофранцузского языка. IX–XV вв. – М.–Л. : Изд. академии наук СССР, 1955. – 275 с.
12. *Щербаков А. Б.* Французские «Chanson de geste» и рыцарский тезаурус Средневековья // Тезаурусный анализ мировой культуры. – Вып. 4. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. – С. 14–26.
13. *Эко У.* История уродства. – М. : Слово, 2007. – 456 с.
14. *Littré Paul-Emile.* Dictionnaire de la langue française: En 4 vol. – P. : Typographie Lahure, 1863. – 2630 p.
15. *Petit dictionnaire de l'ancien français* par Hilaire van Daele, doyen honoraire de la faculté des lettres de l'Université de Besançon. – P. : Librairie Garnier frères, 1939. – 536 p.
16. *Picoche J.* Dictionnaire étymologique du français. – P. : Dictionnaires Le Robert, 1993. – 615 p.
17. *Picoche J., Marchello-Nizia Ch.* Histoire de la langue française. – P. : Nathan, 1998. – 399 p.
18. *Recueil des historiens des croisades*, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. *Historiens occidentaux. Tome premier.* – P. : Imprimerie royale, MDCCCXLIV. – 1256 p.

УДК 81'37

Т. В. Мотызлевская

аспирант кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка МГЛУ; e-mail: mtv.home@mail.ru

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СИНЕСТЕЗИИ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

В статье рассматривается понятие синестезии в качестве лингвистической категории. Дается обзор основных направлений исследования синестезии в лингвистике. Проводится анализ лексико-стилистических особенностей синестезии в поэтических текстах французского поэта-символиста А. де Ренье. Выделяются основные направления синестетических переносов. Проводится разграничение между узуальными синестетическими словосочетаниями, которые рассматриваются в качестве языковых метафор, и окказиональным использованием синестезии.

Ключевые слова: синестезия; синестетический перенос; перцептивная модальность; метафора; стилистический контекст.

Motyzlevskaya T. V.

Post-Graduate Student, Department of French Lexicology and Stylistics, Faculty of the French Language, MSLU; e-mail: mtv.home@mail.ru

LEXICO-STYLISTIC ASPECTS OF SYNAESTHESIA IN THE POETIC TEXTS BY HENRI DE REGNIER

The article studies the concept of synesthesia as a linguistic category. The author reviews the approaches in the study of linguistics synesthesia. Lexical and stylistic aspects of synaesthesia in the poetic text by the French symbolist poet A. de Regnier are examined. The are found frequent types of synaesthetic transfers in the texts of the poet. The difference was identified between usual synesthetic word combinations, which are regarded as language metaphors, and occasional use of synesthesia.

Key words: synesthesia; synaesthetic transfer; perceptual modality; metaphor; stylistic context.

Синестезия, являясь психофизиологическим явлением, находит свое отражение в языке. За последние десятилетия в связи с развитием когнитивной лингвистики и психолингвистики исследовательский интерес к ней вырос не только среди психологов, но и лингвистов. Причем психологи, физиологи и лингвисты по-разному трактуют явление синестезии. В психологии под синестезией понимают «явление восприятия, когда при раздражении одного органа чувств наряду со

специфическими для него ощущениями возникают и ощущения, соответствующие другому органу чувств (например, “цветной слух”, при котором звук наряду со слуховым ощущением вызывает и цветовое)» [2, с. 1099].

Подходы к изучению синестезии в лингвистике различаются в дисциплинарном аспекте. Так, исследования языковой синестезии проводятся в русле семасиологии, ономасиологии, сравнительной типологии, когнитивной лингвистики, лингвостилистики. Под синестезией в лингвистике традиционно понимается «...использование слов, связанных с каким-нибудь органом чувств, для обозначения понятий, относящихся к сфере другого чувства» [3, с. 191]. Прослеживается явная связь между определениями синестезии в психофизиологии и лингвистике. Несмотря на это, вопрос о соотношении психологического явления синестезии и синестезии в языке остается дискуссионным. С одной стороны, именно особенности человеческого восприятия лежат в основе языковых синестезий, т. е. психологическая и лингвистическая синестезии связаны с процессом восприятия. С другой стороны, характер этой связи различен для психологического явления синестезии и для ее отражения в языке. Если психофизиологическая синестезия является результатом прямого воздействия определенных раздражителей на органы чувств, участвующих в образовании синестетических ощущений, то языковая синестезия следует за актом синестетического восприятия или замещает его, основываясь на ранее приобретенном опыте подобной интеграции ощущений.

У исследователей лингвистической синестезии нет единого мнения об объеме данного понятия. Синестезия в узком понимании (М. Бреаль, В. Г. Гак) рассматривается как перенос значения из одной сферы восприятия в другую. Синестезия в широком понимании имеет место, когда любому денотату приписываются признаки, относящиеся к определенной перцептивной модальности.

Предметом лингвистического интереса становятся также направления синестетического переноса, закономерности образования и использования синестезии. Исследуются уровни реализации синестезии (слово, словосочетание, предложение, текст), синтаксические функции компонентов синестетического сочетания (субъект, объект, предикат и т. д.), закономерности преобразования семантического значения слова при его синестетическом употреблении.

В функционально-стилистическом аспекте синестезия рассматривается как разновидность метафоры, которую традиционно определяют как «троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии» [1, с. 231].

Ш. Балли различает три ступени в эволюции метафоры. Первая ступень представляет собой индивидуальную, авторскую окказиональную или речевую метафору. На второй ступени в результате многократного повторения индивидуальная метафора превращается в традиционную метафору. Третья ступень представляет собой стершуюся метафору, которая фиксируется как одно из производных значений слова [9].

В соответствии с этим различают окказиональную, индивидуально-авторскую синестезию (*ombre odorante, rouge saveur*) и узуальную синестезию, при которой синестетически возникшее значение слова зафиксировано словарем (*chant clair, bruit doux*). Однако тот факт, что синестетическое употребление лексемы зафиксировано словарем в качестве прямого значения слова, ставит под сомнение возможность причислить подобные словосочетания к синестетическим, так как перенос значения фактически осуществляется в рамках одной перцептивной сферы. Вопрос в том, насколько синестетические значения сохраняют деривационные связи с исходными перцептивными областями в сознании говорящих.

В этом плане интересны результаты экспериментального исследования, проведенного А. А. Капановой, которая изучала синестетическое использование имен прилагательных во французском языке. Участники эксперимента (носители языка) должны были выделить основное значение прилагательных, для которых характерно узуальное синестетическое использование. В результате эксперимента для 27 % имен прилагательных в качестве прямого было отмечено значение, появившееся вследствие частого употребления прилагательного в синтетическом словосочетании. Например, прилагательное *aigu* (сфера осязания) было отнесено к сфере зрения, прилагательное *doux* (сфера вкуса) – к сфере осязания, прилагательное *perçant* (сфера осязания) – к сфере звука [5].

С. Ульман обратил внимание на закономерный характер развития синестетической метафоры и причислил ее к семантическим универсалиям. Методика изучения синестезии у С. Ульмана включает определение исходного и конечного пунктов переноса и количественный

подсчет перцептивных модальностей, наиболее часто участвующих в переносе. Он выделяет шесть модусов (включая температурный) и не рассматривает в качестве синестетической метафоры словосочетания, в которых обозначения ощущений переносятся на обозначения эмоций, других абстрактных или конкретных понятий. Основываясь на данных своих исследований, проведенных на материале разных языков, С. Ульман отметил три основные тенденции: чаще происходят переходы от менее тонких к более тонким органам чувств, самым распространенным исходным пунктом синестезии является сфера осязания, самым распространенным конечным пунктом – слуховое восприятие [8].

При исследовании синестезии в художественных текстах необходимо принимать во внимание стилистический контекст. Поскольку каждый элемент художественного произведения несет определенный коннотативный смысл, важно выявлять коннотативное значение элементов текста на разных его уровнях. Эти уровни объединены сложной иерархической структурой, отражающей неповторимость авторского видения мира. Метафора в данном контексте описывается как средство выражения индивидуального миропонимания [4, с. 131]. Соответственно стилистический контекст не ограничен рамками непосредственного окружения, а учитывает дистантные связи в тексте в целом.

Рассмотрим лексико-стилистический аспект синестезии на материале сборников стихов *Les jeux rustiques et divins* (1897) и *La cité des eaux* (1902) французского поэта-символиста А. де Ренье. Ассоциации звуковых, зрительных, вкусовых, обонятельных и осязательных ощущений играют важную роль в творчестве символистов. Именно французские поэты-символисты возвели синестетические переносы в ранг эстетической доктрины. Так, А. Рембо в своем знаменитом письме к Полю Демени (1871) заявлял о необходимости поиска поэтического языка, передающего запахи, цвета и звуки.

В данной статье под синестезией мы будем понимать перенос основного денотативного значения слова, относящегося к одной перцептивной модальности, на обозначение другой перцептивной модальности. Основной синтаксической конструкцией синестетического переноса на исследуемом материале является адъективное словосочетание. Ввиду функциональной значимости прилагательных перцепции в образовании синестетических конструкций считаем

целесообразным привести полный список отобранных нами прилагательных перцепции и рассмотреть, каким образом они распределяются по модусам перцепции. Прилагательные, относящиеся к сфере зрения, можно разделить на три группы.

Первая группа включает две подгруппы: 1) прилагательные, обозначающие цвет; 2) прилагательные, обозначающие степень насыщенности окраски. В первой подгруппе мы выделяем прилагательные *blanc, noir, rouge, vermeil, jaune, roux, rose, mauve, violet, bleu, bleuâtre, vert, glauque, gris*. Несмотря на то, что эта группа является самой многочисленной, только прилагательные *vert* и *rouge* были употреблены в окказиональных синестетических словосочетаниях (*fièvre verte, rouge saveur*). В этом смысле интересна интерпретация подобных словосочетаний Ж. Коэном. Исследуя особенности поэтического текста, он полагает, что синестетическое словосочетание *bleus angéhus* («голубые молитвы») нельзя считать метафорой. Поскольку мотивированность переноса в данном случае основана на субъективных ощущениях, он не может рассматриваться в качестве переноса значения [10, с. 129].

Вторую подгруппу составляют прилагательные *pâle* и *vif*. В эту лексико-семантическую группу, относящуюся к зрительному восприятию, вошли прилагательные, обозначающие признаки света, блеска, прозрачности: *clair, sombre, obscur, terne, transparent* (синестетическое употребление не зафиксировано только для прилагательного *transparent*). Прилагательные именно этой группы употреблялись в синестетических словосочетаниях наиболее часто.

Третью группу составили прилагательные формы и размера: *grand, petit, étroit, large, haut, bas, sinueux*. Синестетические употребления были отмечены для прилагательных *haut, bas*.

Сфера акустического восприятия представлена прилагательными *grave, sonore, criard, rauque, gémissant* (синестетические употребления зафиксированы для *grave, sonore, criard*). В сфере вкусовой перцепции мы выделяем прилагательные, характеризующие различные вкусовые ощущения, а именно – *aigre, amer, doux, gras*, для каждого зафиксировано синестетическое употребление.

Самой малочисленной оказалась группа прилагательных, характеризующих ощущения в сфере обоняния. Она представлена прилагательными *odorant* и *parfumé*; синестетические конструкции образованы только с прилагательным *odorant*.

К сфере осязания относятся прилагательные, характеризующие тактильные ощущения: *tendre, aigu, âpre*. Каждое встречалось в синестетических словосочетаниях. Сфера температурных ощущений включает прилагательные *tiède, chaud, frais, froid, humide, mouillé, sec*; синестетические употребления выявлены для *chaud, frais, froid*.

В исследуемом материале мы выявили следующие направления переноса: зрение → звук, зрение → вкус, зрение → осязание, вкус → зрение, вкус → звук, вкус → обоняние, звук → осязание, обоняние → зрение, осязание → зрение, осязание → звук, осязание → температурные ощущения, температурные ощущения → зрение. Самыми частыми исходными пунктами синестезии оказались сферы зрения, вкуса и осязания, самым частым конечным пунктом – сфера зрения. По-видимому, это связано с тем, что во французском языке именно лексико-семантические группы обозначений зрительных, тактильных и вкусовых ощущений, являются самыми обширными из всех сфер перцептивной модальности. В свою очередь это отражает особенно важное значение именно этих каналов восприятия для познания окружающего мира.

Все случаи узуальной синестезии представляют собой языковые синестетические метафоры:

Et je te chanterai en face de la Mer,
En mon âme, d'un chant à jamais grave et clair [13].

По свидетельству Л. Л. Степанян, подобные словосочетания «являются широкоупотребительными и нейтральными в стилистическом отношении» [7, с. 117]. Очевидно, что образность подобных метафор стерта. Однако они могут обладать определенным экспрессивным потенциалом и изобразительностью и создавать яркие художественные картины в соответствующем контексте во взаимодействии с другими тропами:

Mêler à ce qui est morose,
Le doux bruit de la pluie avec l'odeur des roses [13].

Прилагательное *doux* – *qui a un goût faible ou sucré (opposé à amer, acide, fort, piquant, etc.)* имеет очень широкое синтетическое употребление и может использоваться для характеристики тактильных, температурных, звуковых, зрительных и обонятельных ощущений. Независимо от сферы восприятия, прилагательное *doux* обозначает

приятную степень какого-либо признака за счет актуализации компонентов положительной оценки и низкой интенсивности. В сфере звуковой модальности это прилагательное используется для характеристики звука негромкого и приятного на слух – *peu sonore et agréable à l'ouïe*. В данном примере препозиция прилагательного сообщает ему дополнительную экспрессивную окраску, что способствует созданию более яркого образа. Синестетическая полисемия прилагательного *doux* становится смыслообразующим принципом, позволяя объединить все ощущения, которые могут быть охарактеризованы этим прилагательным (*ce qui fut doux*), в том числе аромат розы *le doux bruit de la pluie avec l'odeur des roses*.

Однако наиболее яркие метафорические сравнения созданы на основе окказиональных синестетических метафор, которые служат для реализации авторских стратегий создания яркого целостного образа персонажа, картин природы, раскрытия внутреннего психологического переживания автора, создания сложных символических образов.

Окказиональные синестетические конструкции отличаются от узуальных следующими характеристиками:

- 1) синестетическое использование прилагательных цвета;
- 2) более частое употребление сложных синтаксических конструкций;
- 3) перенос на основе не только метафорической, но и метонимической смежности;
- 4) использование наряду с другими тропами и фигурами переподчинения смысла;
- 5) создание сложных многоуровневых синестетических комплексов, для декодирования которых требуется контекстуальный анализ.

Все зафиксированные нами случаи окказионального синестетического переноса можно отнести к так называемым «псевдосинестезиям» (термин, предложенный С. Ульманом) [11, с. 234]. «Псевдосинестезия» возникает в результате ассоциации по смежности и представляет собой словосочетание, в котором определение связано не с тем словом, которому оно подчинено синтаксически. Например, окказиональный синестетический перенос по направлению обоняние → зрение является псевдосинестезией:

Respire l'ombre odorante
De ces roses d'aujourd'hui [12].

В данном примере *l'ombre odorante de ces roses* означает *l'ombre de ces roses odorantes*, т. е. синестетическое словосочетание *ombre odorante* образовано в результате метонимического переноса. М. В. Никитин называет подобное явление «поэтическим переподчинением смысла», которое представляет собой нарушение логических норм подчинения смысла в поэтическом тексте [6, с. 131]. Мы рассматриваем подобные случаи в качестве окказиональных метафорометонимических конструкций с переподчинением смысла.

Показательными в этом отношении следующие строки:

L'amère odeur du buis autour des calmes eaux;
Une fenêtre, sur l'odeur du buis amer,
Ouvverte, et sur des roses d'où le vent balance [12].

В обоих примерах говорится о горьком запахе самшита, во втором поясняется, что это запах горького самшита.

Наибольшими функциональными возможностями реализации авторских стратегий обладают такие синестетические переносы, сфера-источник или сфера-цель которых имеет в денотативном значении признак цвета. С одной стороны, это объясняется важной ролью цветоощущений в создании и восприятии зрительно-наглядных образов, с другой – богатством и сложностью символических коннотаций цветообозначений. Особенно ярко это проявляется в контекстах, объединяющих сразу несколько синестетических словосочетаний, которые образуют своеобразные синестетические комплексы:

Le rubis qui s'embrace à la topaze chaude
Ou, aigre dans sa fièvre verte, l'émeraude,
Le diamant et, grasse, l'opale qui tremble [13].

В данном примере присутствуют синестетические переносы, осуществляющиеся по трем направлениям: температурные ощущения → зрение (*le rubis qui s'embrace, topaze chaude*), зрение → температурные ощущения (*fièvre verte*), вкус → зрение (*aigre émeraude, grasse opale*). Обозначения температурных ощущений могут использоваться синестетически для характеристики цвета. Причем к «теплым» цветам традиционно относят красный, желтый, оранжевый (*rouge chaud, jaune chaud*); к «холодным» – синий, фиолетовый, зеленый (*bleu froid, vert froid*). Лексема *topaze* используется для обозначения драгоценного камня, цвет которого может варьироваться от белого до золотисто-желтого – *de teinte variant du blanc au jaune d'or*. Прилагательное

chaud обозначает температурные ощущения с повышенной степенью интенсивности как с положительной, так и с отрицательной оценкой – *qui est à une température plus élevée que celle du corps; dont la chaleur donne une sensation particulière (agréable, ou douloureuse)*. Следовательно, словосочетание *topaze chaude* можно рассматривать как случай узуальной синестезии. Подобным образом можно объяснить синестетическое словосочетание *le rubis qui s'embrase*, в котором также актуализируется коннотативное символическое значение красного цвета. Прототипическим референтом красного цвета является огонь, чем обусловлена его символическая ассоциация с огнем веры, с огнем Святого Духа, который явился с небес подобно языкам пламени.

В свою очередь словосочетание *fièvre verte* (зеленая лихорадка) является метафоро-метонимической окказиональной синестезией с переподчинением смысла: анализ микроконтекста помогает установить, что прилагательное *vert* семантически согласуется с существительным *émeraude*. Несмотря на то, что существительное *fièvre* употреблено в переносном значении, прямое значение его денотата актуализуется в контексте за счет денотатов других лексем сферы температурных ощущений на основании признака высокой интенсивности. Прилагательное *aigre* в прямом значении относится одновременно к сферам вкуса и запаха и содержит компонент отрицательной оценки – *qui est d'une acidité désagréable au goût ou à l'odorat*. Это прилагательное не употребляется в переносном значении для характеристики зрительных ощущений, поэтому словосочетание *aigre émeraude* представляет собой случай окказиональной синестезии. Можно наблюдать семантический параллелизм на основе обозначений вкусовых ощущений: *aigre émeraude* – *grasse opale*. Опал определяется как полудрагоценный камень непрозрачный или прозрачный, переливающийся цветами радуги – *opaque ou translucide à reflets irisés*. Окказиональная синестетическая метафора *grasse opale* основана на актуализации денотативного признака «непрозрачный». Признак переливающейся окраски актуализуется за счет предиката *trembler* (опал переливается, «дрожит»). Со своей стороны, глагол *trembler* продолжает тему лихорадки (*trembler de fièvre*). Показательно, что в данном контексте только бриллиант не получил синестетической характеристики. Это можно объяснить тем, что синестетические переносы осуществлялись на основе признака наличия цвета, тогда как бриллиант бесцветен.

Приведем другой пример синестетического комплекса, сочетающего в себе обозначения более двух разных сфер модальностей:

Une rouge saveur aux grappes de ma treille
Bourdonne sourdement son ivresse d'abeilles [12].

Адъективная конструкция *rouge saveur* (красный вкус) на основе переноса в сфере цвет → вкус является случаем окказиональной метонимической синестезии с переподчинением смысла. Фактически речь идет о вкусе красного вина. Второй уровень синестетического комплекса представлен переносом по направлению звук → вкус в рамках предикативной конструкции *une rouge saveur bourdonne* (жужжит). Эффект катахрезы усиливается семантической несогласованностью денотативного признака глагола *bourdonner* и коннотативного компонента прилагательного *rouge*. Глагол *bourdonner* обозначает звук глухой и монотонный, компонентом денотативного значения является признак низкой интенсивности. Тогда как красный цвет является одним из самых ярких и имеет сложную систему символических коннотаций. В словосочетании *rouge saveur* актуализуются такие символические ассоциации красного цвета, как «вкус к жизни, любовь, сладострастие». Это противоречие между субъектом и предикатом составляет семантическую основу синестетической метафоры и раскрывается при анализе макроконтекста: речь идет о воспоминаниях поэта о прошлом, о былой любви.

Таким образом, узуальные и окказиональные синестетические конструкции в поэтическом тексте выступают в качестве важного изобразительного средства. Являясь отражением сложного психофизиологического феномена в языке, синестетические комплексы способствуют созданию в тексте целостных чувственных образов и символических смыслов, декодирование которых должно осуществляться на разных уровнях текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия ; СПб.: Норинт, 2004. – 1456 с.
3. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков. – М. : Международные отношения, 1977. – 263 с.

4. Долинин К. Стилистика французского языка. – М. : Просвещение, 1987. – 303 с.
5. Капанова А. А. Синестетическое использование имен прилагательных в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 24 с.
6. Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. – Владимир : ВГПИ, 1974. – 221 с.
7. Степанян Л. Л. Синестезия и эмоциональность речи // Вестник Московского ун-та: Серия 9: Филология. – 2004. – № 4. – С. 115–120.
8. Ульман С. Семантические универсалии / пер. с англ. А. Д. Шмелева // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1970. – Вып. 5. Языковые универсалии. – С. 250–299.
9. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française. – P. : Leroux, 1932. – 410 p.
10. Cohen J. Structure du langage poétique. – P. : Flammarion, 1966. – 231 p.
11. Ullmann S. The Principles of Semantics. – Glasgow : Jackson, Son & CO, 1957. – 346 с.
12. Régnier H. de. La cité des eaux. Poesies.net. – URL : <http://www.poesies.net/henrideregnierlacitedeseaux.txt>
13. Régnier H. de. Les jeux rustiques et divins. Poésies.net. – URL : <http://www.poesies.net/henrideiregnierjeuxrustiques.txt>

УДК 81'1

Р. М. Мукашева

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: rahat_77@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье кратко рассматриваются этапы развития политической лингвистики, определяется понятие дискурса, дается характеристика политического дискурса, а также приводится классификация жанров политического дискурса. Рассматриваются гендерные установки и возможность использования женских стереотипных качеств в политической деятельности.

Ключевые слова: политическая лингвистика; дискурс; политический дискурс; гендерный фактор.

Mukasheva R. M.

Post-Graduate Student, Department of General and Comparative Linguistics,
MSLU; e-mail: rahat_77@mail.ru

THE IMPORTANCE OF GENDER FACTOR IN POLITICAL DISCOURSE

The article briefly describes the stages of development of political linguistics, defines the notion of discourse, offers the characteristics of political discourse, and also classifies the genres of political discourse. The author also examines the possibility of using female gender factor in political discourse.

Key words: political linguistics; discourse; political discourse; gender factor.

Политическая лингвистика является активно развивающимся направлением современного языкознания. Она носит междисциплинарный характер и формируется на стыке различных дисциплин, «в ней интегрируются достижения социолингвистики, лингвистики текста, когнитивной лингвистики, нарративного анализа, стилистики и риторики» [17, с. 14]. И это неудивительно, ведь многие современные «перспективные научные направления чаще всего возникают в зоне соприкосновения различных областей знания» [16, с. 5].

Предметом исследования политической лингвистики является политическая коммуникация, т. е. «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям для выработки общего согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [там же, с. 6].

По мнению А. П. Чудинова, основной целью политической лингвистики является «исследование многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества, что создает условия для выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности» [16, с. 7].

Временем зарождения политической лингвистики считается начало XX в., период Первой мировой войны. По мнению авторов учебного пособия по политической лингвистике, «после опыта беспрецедентного пропагандистского противостояния воюющих стран знание о механизмах манипуляции общественным мнением приобрело высокую научную и гуманитарную ценность» [3, с. 9]. После войны исследователи языка политики обратили внимание на эффективность политической агитации, военной пропаганды и на способы формирования общественного мнения.

У истоков зарождения политической лингвистики стояли американский журналист, политический обозреватель У. Липпманн, американский социолог П. Лазарсфельд, американский политолог Г. Лассвелл. Работы английского писателя Дж. Оруэлла и немецкого литературоведа В. Клемперера также оказали существенное влияние на формирование политической лингвистики. Говоря о заслугах этих людей в становлении и развитии политической лингвистики, необходимо отметить разработанную У. Липпманном методику применения контент-анализа при изучении общественных представлений о политике. П. Лазарсфельд занимался изучением пропаганды в Колумбийском университете и вместе с другими исследователями разработал модель двухуровневой коммуникации. Г. Лассвелл известен своими работами, в которых он демонстрирует тесную связь между политическим режимом и стилем политического языка.

Английский писатель Дж. Оруэлл в своем романе-антиутопии «1984» описал способы речевого манипулирования сознанием людей. В. Клемперер отобразил нацистский «новояз», который превзошел по изощренности теоретическую модель «newspeak» Дж. Оруэлла.

После Второй мировой войны в методологическом аспекте используется лингвопсихологический подход, связанный с идеями З. Фрейда, К. Юнга, А. Адлера. С помощью данного методологического инструментария американский лингвист Н. Лейтес исследовал дискурс советских политиков. В этот же период изучаются

«разнообразные аспекты риторического мастерства президентов. Причины убедительности президентских выступлений искали в фонетических и ритмических особенностях, остроумии, задушевности, открытости, простоте, образности и иных качествах речи» [13, с. 18]. Известным исследователем риторики был Кеннет Берк, стоявший у истоков риторического критицизма [там же].

Следующим этапом развития данного направления принято считать 1960–1980-е гг. Ученые-лингвисты того периода обратили внимание «на изучение коммуникативной практики в современных западных демократических государствах» [там же, с. 19]. Исследования в этом направлении показали, что в демократических государствах, «и в условиях “свободы” постоянно используется языковая манипуляция сознанием» [там же, с. 20].

В эпоху «холодной войны» изучался милитаристский дискурс, и в лингвистической среде возникает так называемый ядерный язык («ньюкспик») [там же], который использовался политиками той эпохи для оправдания применения ядерного оружия. В этот же период развития политической лингвистики исследуются политическая лексика, теоретические и практические вопросы политической аргументации, политический символизм [там же].

В 1980-х гг. за рубежом регулярно появляются учебники по политической коммуникации и монографии по данной тематике.

Российские исследователи А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба и другие ученые выделяют четыре автономных направления в политической лингвистике.

1. Критический анализ политического дискурса (М. В. Гаврилова, Дж. Блломаэрт, Т. ван Лейвен, Г. Уиддоусон, Н. Фэрклаф и другие).

2. Контент-анализ политического дискурса (Л. Бразеаль, А. Харткок, У. Бенуа, П. Пир и другие).

3. Риторический анализ политического дискурса (М. Осборн, Р. Айви, Р. Карпендер и другие).

4. Когнитивные исследования политического дискурса (Дж. Лакофф, Р. Лэнекер, Л. Талми, Ж. Фоконье, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, А. П. Чудинов и другие).

Следует отметить, что «между представленными направлениями нет непроницаемых границ», но «вместе с тем базовые различия в теоретических основаниях и ведущих методах исследования не

вызывают сомнения» [14, с. 23]. Всё многообразие методов и приемов дает большой материал для исследования политической лингвистики в целом.

Несмотря на то, что политическая лингвистика является относительно молодой областью исследований на постсоветском пространстве и, в частности, в России, в настоящее время уже сформировался список авторитетных исследователей этого научного направления (А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, А. Н. Баранов, Е. И. Шейгал, В. Н. Базылев, М. В. Гаврилова, Е. Г. Скребцова и другие), и образовались научные школы (Санкт-Петербургская, Екатеринбургская, Волгоградская, Воронежская, Краснодарская). В Екатеринбурге Уральским государственным педагогическим университетом выпускается научный журнал «Политическая лингвистика», главным редактором которого является доктор филологических наук, профессор А. П. Чудинов. Это издание является одним из авторитетных научных журналов в России по данному направлению.

Чрезмерное внимание общества к политическим изменениям в мире, к политическим деятелям, стремительное развитие политических технологий, информационная война – все это приводит к тщательному и глубокому исследованию теории и практики политической коммуникации. И в связи с этим повсеместно – и в России, и в дальнем и ближнем зарубежье – увеличивается количество публикаций, посвященных политической лингвистике, проводятся конференции и семинары.

Как отмечалось выше, предметом политической лингвистики является политическая коммуникация. «Политическая коммуникация» в ряде работ используется наравне с термином «политический дискурс», что нам представляется вполне оправданным [17, с. 27, 32].

Политический дискурс является одним из типов дискурса, наряду с поэтическим, научным, медицинским, юридическим, педагогическим, экономическим и другими, т. е. тип дискурса зависит от области, в которой он функционирует.

Термин «дискурс» – один из сложных и трудно поддающихся определению терминов современного языкознания, семиотики и философии. Значение слова *дискурс* – речь, выступление, рассуждение. В русском языке у этого слова нет точного эквивалента. Оно переводится как *речь, слово, текст*.

Дискурс является предметом теоретического изучения с начала 1970-х гг. и до сих пор остается одним из приоритетных направлений

исследования, о чем говорят многочисленные работы по данному вопросу. Исследования активно проводились и проводятся как за рубежом (Т. ван Дейк, П. Серио, Л. Филлипс, М. В. Йоргансен), так и в России (В. И. Карасик, Е. И. Шейгал, М. Л. Макаров, Ю. С. Степанов, В. А. Звегинцев, В. В. Богданов и многие другие).

Результаты работ доказывают, что термин «дискурс» – очень многоплановый и спорный. Существуют различные подходы к определению дискурса. Вышеназванными учеными этот термин рассматривается в отношении к родственным категориям, таким как текст, речь, монолог, диалог и т. д. Дискурс рассматривается и как два или несколько предложений, которые друг с другом находятся в смысловой связи [5, с. 170].

М. Л. Макаров в монографии «Основы теории дискурса» рассматривает дискурс как всякое «употребление языка». При этом функции дискурса изучаются через функции языка в широком социокультурном контексте [7, с. 86].

В. В. Богданов рассматривает дискурс как синтез речи и текста [2; 3], т. е. широко – «как всё, что говорится и пишется» [7, с. 90]. Таким образом, В. В. Богданов рассматривает речь и текст как два аспекта дискурса, являющихся видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину «дискурс» [3, с. 5–6].

Т. М. Николаева в своем «Словарике терминов лингвистики текста» дает следующее определение этому термину: «Дискурс – многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная»¹ [12].

В рамках данной статьи мы не будем перечислять все определения дискурса, так как существует большое количество вариантов, что подтверждает многогранность и широту данного понятия.

Безусловно дискурс связан с текстом (как отмечалось выше), но есть и существенные различия между ними.

Прежде всего дискурс связан с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, т. е. дискурс – это текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их

¹ Цит. по: [14, с. 37].

сознания, т. е. в когнитивных процессах. Поэтому термин «дискурс», «применяемый как речь, “погруженная в жизнь”, обычно не относится к древним текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [7, с. 88]. Дискурс изучается совместно с соответствующими «формами жизни» (репортаж, интервью, экзаменационный диалог, инструктаж, светская беседа и пр.).

Исходя из вышесказанного, дискурс представляет собой явление лингвосоциальное, которое определяется рядом экстралингвистических факторов. К ним относятся конкретная ситуация (реальное речевое событие), биологический (в том числе гендерный), социальный, прагматический, социокультурный, психологический и другие факторы.

Проанализировав разнообразные понятия дискурса, нам представляется возможным определить *дискурс как продукт речевой деятельности, разворачивающийся в коммуникативном аспекте и связанный с социокультурными, экстралингвистическими и другими факторами.*

Политический дискурс является ключевым понятием политической лингвистики. Именно зарождение политической лингвистики дало начало изучению политического дискурса. Политический дискурс появился с возникновением государств, политики, а значит, человеческое общество владеет им с древних времен. Знаковые события в политической и социальной жизни человека дали толчок для развития как политической лингвистики, так и политического дискурса.

В лингвистической литературе существует несколько интерпретаций политического дискурса. Под ним понимаются любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики. А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич дают следующее определение: «Совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом, образует политический дискурс» [1, с. 6].

В широком понимании политический дискурс – «это актуальное использование языка в социально-политической сфере общения и шире – в публичной сфере общения» [4, с. 220].

Голландский лингвист Т. ван Дейк считает, что у политического дискурса есть более узкое определение. По его мнению, «политический дискурс – это класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно – политикой»¹. Следовательно, высказывание должно

¹Цит. по: [4, с. 220].

быть произнесено говорящим в его профессиональной роли политика и в институциональной окружающей обстановке.

Основной целью политического дискурса является завоевание и удержание власти. Он выступает в «качестве инструмента политической власти (борьба за власть, овладение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение)» [17, с. 48].

Как известно, политический дискурс имеет свои жанры, и их подробную классификацию впервые предложила Е. И. Шейгал. По мнению ученого, жанры можно дифференцировать следующим образом:

1) по параметру институциональности / официальности (разговоры о политике в семье, законы, указы);

2) субъектно-адресатным отношениям (лозунг, призыв, декрет, плакат; петиции, обращения, листовки, наказания избирателей);

3) вариантам политических социолектов;

4) событийной локализации жанр – может быть циклическим (выборы, инаугурация, съезд партии, церемония патриотического праздника, ежегодное выступление президента с посланием Федеральному собранию), календарным (встреча депутата с избирателями, парламентские слушания, визит политического деятеля) или спонтанным (митинг, политический скандал, референдум);

5) степени центральности или маргинальности (парламентские дебаты, публичная речь политика, лозунг и голосование; заявления, речи, дебаты, переговоры, декреты, конституции, партийные программы, лозунги; интервью, анекдоты, аналитические статьи, мемуары, письма читателей, граффити, карикатура);

6) характеру ведущей интенции автор разграничивает:

- ритуальные/эпидейктические жанры (инаугурационная речь, юбилейная речь, традиционное радиообращение);
- ориентационные жанры (партийная программа, конституция, послание президента о положении в стране, отчетный доклад, указ, соглашение);
- агональные жанры (лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты, парламентские дебаты) [17, с. 305–323].

Любой из этих жанров создается с учетом политических ситуаций, целевых установок, политических взглядов, и, наконец, личностных качеств самого политика, и, безусловно, имеет своей целью влиять на общество и манипулировать сознанием людей.

В различные периоды развития политической лингвистики акцентировались различные аспекты исследований, которые соответствовали эпохе и духу своего времени. В последние десятилетия особый интерес вызывает изучение роли гендерного фактора в политическом дискурсе. Это связано, прежде всего, с развитием феминистской лингвистики и активным участием современных женщин в политической деятельности. В настоящее время политика уже не является чисто мужским делом, хотя традиционно всё же считается прерогативой мужчин, так как в обществе и в сознании людей преобладают мужские стереотипы (сила, мужественность, решительность, категоричность, агрессивность), связанные с этим видом деятельности. Но несмотря на эти устоявшиеся взгляды, в настоящее время в мире появляется всё больше женщин, которые имеют не только политический вес в решении мировых проблем, но и чьи имена являются такими же узнаваемыми, как и имя Владимира Путина, Барака Обамы, Дэвида Кэмерона. Этому есть большое количество примеров. Самые известные иностранные женщины-политики XX в., которые оставили след в истории, – Маргарет Тэтчер, Индира Ганди, Беназир Бхутто. В нашу эпоху современные женщины-политики играют важную роль и имеют большое влияние в мировой политике: Ангела Меркель – федеральный канцлер Германии, Дилма Русеф – президент Бразилии, Кристина Фернандес де Киршнер – президент Аргентины, Мишель Бачелет – президент Чили, Элен Джонсон Серлиф – президент Либерии, Пак Кын Хе – президент Республики Корея, Марин Ле Пен – лидер французской политической партии «Национальный фронт», Сеголен Руаяль – министр экологии, устойчивого развития и энергетики Франции, Кристиан Табира – министр юстиции Французской Республики, Мирей Балестрази – президент интерпола Франции и многие другие женщины современности.

В России женщины также активно участвуют в политической жизни страны: Валентина Матвиенко – председатель Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, Татьяна Голикова – председатель Счетной палаты РФ, Ирина Хакамада – общественный деятель, в прошлом известный политик, Ирина Яровая – политический деятель, председатель комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции и другие. На постсоветском пространстве, в частности в Средней Азии, первой, и пока единственной женщиной-президентом в этом регионе стала

Роза Исаковна Отунбаева, возглавившая Киргизию в сложный период развития страны.

В настоящее время изучением проблемы гендера в лингвистике занимаются такие исследователи, как О. Л. Бессонова, О. А. Воронина, Е. И. Горошко, И. В. Зыкова, А. В. Кирилина, М. В. Томская и другие. Гендерные исследования занимают в российской и зарубежной лингвистике особое место, основным ядром которых являются культурные и социальные факторы, определяющие отношение общества к мужчинам и женщинам, стереотипные представления о мужских и женских качествах, т. е. все то, что переносит проблематику пола в сферу социальной жизни человека.

Гендерный фактор играет большую роль в человеческой деятельности и влияет на дискурс как на лингвосоциальное явление.

Созданию равных условий для реализации личностей разного социального происхождения, положения, национальности, возраста и пола способствуют процессы демократизации и гуманизации в обществе. Такого рода явления включают в себя и преодоление стереотипов о женщинах и мужчинах, складывавшихся веками, которые помогают созданию гендерного равенства во всех сферах жизни.

Согласно У. Матуране, стереотипы – это особые формы хранения знаний и оценок, т. е. ядро ориентирующего поведения [8]. Стереотипы, свойственные массовому сознанию, являются сильнейшим барьером в становлении гендерного равенства в современном обществе.

По мнению А. В. Кирилиной, «стереотипы – это социальные феномены. Они обусловлены социокультурными механизмами» [6, с. 97].

Социальный стереотип носит эмоционально-окрашенный характер и обладает большой устойчивостью. Гендерные стереотипы являются установками (созданные обществом) относительно места мужчины и женщины в этом мире, выполняемых ими функций, а также социальных задач.

Стереотипы массового сознания представляют собой серьезную проблему, затрудняющую процесс установления гендерного равенства. Преодоление устоявшихся стереотипов является трудным процессом в силу их глубокого проникновения в подсознание человека.

Гендерные стереотипы затрагивают также роли, которые само общество навязывает лицам разного пола в различных сферах жизнедеятельности человека. Речь идет, прежде всего, о стереотипах, связанных с распределением роли в семье: мужчинам предписывается

материальное обеспечение семьи, профессиональная успешность, а для женщины, напротив, карьера и профессиональная и политическая деятельность отходят на второй план, а важным является самореализация в роли матери, жены и домохозяйки.

Сложившиеся стереотипы о представлениях мужского и женского полов, существующие в каждом языке, влияют на употребление языка в конкретной ситуации.

Исследования мужской и женской речи показывают, что под воздействием социальных, культурных факторов у мужчин и у женщин вырабатываются разные мотивы поведения, разные стратегии и тактики общения. Речевое поведение мужчин нацелено на достижение цели, превосходство, завоевание более высокого статуса и сохранение независимости. Женская же речь характеризуется неконфликтностью, уступчивостью и эмоциональностью.

Именно исходя из подобных выводов, политика и политический дискурс считаются профессиональной областью мужчин, где требуются уверенность, жесткость, а иногда и агрессия, умение отстаивать свою точку зрения и брать инициативу в свои руки. Считается, что мужчины чувствуют себя комфортно выступая публично, для завоевания статуса в иерархическом социальном порядке им необходимо демонстрировать свои знания и квалификацию, что возможно при демонстрации этих качеств перед большой аудиторией [15].

Женщины же обладают другими качествами. Они по природе своей уступчивы, чаще идут на компромисс, стараются найти решения проблемы путем дипломатии и т. д. Иными словами, «женщина-политик имеет отличные от мужчины-политика психологические и поведенческие установки» [9, с. 196].

Безусловно, речь мужчины-политика отличается от речи женщины-политика, несмотря на то, что в настоящее время женщины перенимают мужские черты ведения дискурса. Этому доказательство политическая деятельность Маргарет Тетчер, Ангелы Меркель. В статье А. М. Нехорошевой «Особенности языковой личности политического лидера Германии Ангелы Меркель» отмечается, что А. Меркель является нейтральным типом женщины-политика – она сдержанна, холодный стратег, при публичных выступлениях и беседах отсутствует жестикуляция. Говоря о лексических единицах, автор статьи утверждает, что в выступлениях А. Меркель отсутствует эмоционально-экспрессивная лексика, она выражает мысли

сложными предложениями (что соответствует речи мужчин) и старается не использовать прямые обращения, что доказывает формальность языка [10].

Но, глядя на других женщин-политиков, например, В. И. Матвиенко, женщин-президентов Аргентины, Бразилии можно заметить, что они отличаются от Ангелы Меркель своим имиджем. Они демонстрируют свою женственность, т. е. подчеркивают не свой статус, а именно гендерную принадлежность. В первую очередь показывают, что они, женщины, могут быть успешными в политике так же, как и мужчины. И это проявляется через женские качества, хотя и мужские черты характера они используют в решении тех или иных задач, связанных с управлением государством.

Какой же должна быть женщина-политик в современном обществе? Должна ли она воспитывать в себе и использовать мужскую модель поведения в политике для достижения власти и ее удержания? Или же, прибегая к женским своим чертам, она может стать известным политиком и вызвать доверие людей? Именно о доверии людей, которое строится на женском качестве «слушать» говорилось в прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» с участием известного общественного деятеля Ирины Хакамады. В этом же интервью она говорит о том, что женщина могла бы даже справиться с решением задач безопасности и обороны, потому что в решении конфликтов «женщины не так агрессивны и они аккуратнее используют агрессивную лексику» [12].

Исходя из этого, можно предположить, что женщина может добиться высоких результатов в политике, используя стереотипные женские качества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. – М. : Знание, 1991. – 64 с.
2. Богданов В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты: учебное пособие. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1990. – 88 с.
3. Богданов В. В. Текст и текстовое общение: учебное пособие. – Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1993. – 68 с.
4. Забело Т. В. Стратегии политического дискурса и их проявление в речи // Фонетика и фонология дискурса. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. – С. 219–227. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (580). Серия Языкознание).

5. *Звегинцев В. А.* Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 370 с.
6. *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. – 180 с.
7. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
8. *Матурана У.* Биология познания // Язык и интеллект : Сб. ст. под ред. В. В. Петрова ; пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1996. – С. 95–142.
9. *Мурай Е. В.* «Женщина-политик» как концепт англоязычного политического дискурса // Стилистика и проблемы контекста. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – С. 188–199. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 573. Серия Языкознание).
10. *Нехорошева А. М.* «Особенности языковой личности политического лидера Германии Ангелы Меркель» // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2012. – Вып. 1 (39). – С. 147–150.
11. *Николаева Т. М.* Словарик терминов лингвистики текста. – М.: Прогресс, 1978. – 479 с.
12. Политика: женские игры на мужском поле. Прямой эфир радиостанции «Эхо Москвы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: echo.msk.ru/programs/beseda/16595
13. Современная политическая лингвистика: учеб. пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова ; отв. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2011. – 252 с.
14. *Степанов Ю. С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: Сб. статей. – М.: РГГУ, 1995. – 420 с.
15. *Таннен Д.* Ты просто меня не понимаешь // Гендер и язык / Моск. гос. лингвист. ун-т (МГЛУ); Лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 622 с.
16. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта : Наука, 2006. – 256 с.
17. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – М.: РГБ, 2005. – 431 с.

УДК 811.134.2

Е. Е. Панкина

преподаватель кафедры испанского языка переводческого факультета МГЛУ;
e-mail: spanish_is_fun@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА В ИСПАНИИ И ИСПАНОГОВОРЯЩИХ СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

В статье рассматривается целый комплекс исторических процессов, происходящих в процессе становления конституционного права в Испании и Латинской Америке. Автор анализирует предпосылки создания нормативно-правовых актов на испанском языке со времен испанской колонизации до наших дней и предлагает рассматривать правоустанавливающие документы как интертекстуальную среду для формирования общих концептов и когнитивных моделей испаноговорящих стран.

Ключевые слова: конституция; право; интертекстуальность; конституционное право; Испания; Латинская Америка.

Pankina E. E.

Lecturer, Department of the Spanish Language, Faculty of Translation and Interpretation, MSLU; e-mail: spanish_is_fun@mail.ru

CONSTITUTIONAL LAW FORMATION STAGES IN SPANISH-SPEAKING COUNTRIES

This article tells about the whole complex of historical processes which have influenced constitutional law formation in Spain and Latin America. The author analyses constitutional laws and regulations in Spanish language since Spanish colonization till present day and suggests studying constitutions as an intertextual environment for common cognitive concepts in Spanish-speaking countries.

Key words: constitution; law; intertextuality; constitutional law; Spanish-speaking; Spain; Latin America.

Становление конституционного права – важнейший переломный момент в истории любой страны. Осознание необходимости перемен и реформ гражданского толка ведет к пересмотру ценностей исторической правовой культуры и формированию самобытного национального легитимного порядка. Политические преобразования, нововведения и реформы неизбежно наслаиваются и интерполируются в тексты документов государственного значения, которые в свою очередь становятся образцовыми нормативно-правовыми актами как для каждого отдельного государства, так и для группы государств в целом.

В истории испаноязычных стран прослеживается череда политических событий, которые в дальнейшем оказали решающее влияние на формирование корпуса конституций Испании и Латинской Америки.

В средневековой Европе не существовало ни одного документа и органа власти, ограничивающего власть короля и регламентирующего и кодифицирующего права и свободы жителей страны. Высшая власть в Европе была сосредоточена в руках монарха-самодержца. Именно он являлся носителем абсолютизма и лишь иногда прибегал к созданию органов контроля подведомственных территорий. В эпоху становления испанской колониальной империи подобные функции выполняла Торговая палата, которую в 1524 г. сменил Совет по делам Индий, первый в мировой истории специализированный центральный орган колониальной администрации. Именно он явился посредником между династией Габсбургов и ее наместниками в Новом Свете (вице-королями и генерал-капитанами), находившимися в отношениях федеративного союза. Через Совет по делам Индий передавались королевские указы и директивы, которые впоследствии становились действующими законами на территории вице-королевств и генерал-капитанств Латинской Америки.

К концу XVIII в. в результате возраставших противоречий между метрополией и колониями Испания была вынуждена тщательно регламентировать социально-политический уклад сложившихся квазигосударств, постепенно приобретавших самостоятельное политическое существование, и по указу Карла II в 1680 г. был издан первый в истории официальный сборник колониального права – Свод законов королевства Индий (9 книг и 6377 законов). Колониальное законодательство закрепляло систему феодальной поземельной собственности (энкомиенды, асьенды, латифундии) и сословное деление общества.

Конец XVIII – начало XIX в. стал точкой отсчета для формирования конституционного законодательства в мировой политике. В 1776 г. в результате долгой кровопролитной борьбы британские колонии в Северной Америке подписали Декларацию независимости от Великобритании. Уже в 1787 г. в США было объявлено о вступлении в силу первой в мире Конституции в ее современном понимании. Принятие Конституции США стало знаковым моментом мировой истории, послужившим катализатором становления конституционного права в мире. Во Франции, в 1789 г., в ходе Великой французской революции Национальным учредительным собранием была принята

Декларация прав и свобод человека, которая легла в основу еще одной образцовой Конституции конца XVIII в.

На фоне политических настроений, царящих в Европе, войска Наполеона I вторглись в Испанию и сместили законного короля Фердинанда VII (династии Бурбонов). 8 июля 1808 г. во французском городе Байонна, Жозефом Бонапартом, возведенным на престол братом, Наполеоном I, был утвержден королевский статут, по которому в Испании де-юре учреждалась авторитарная политическая система конституционной наследственной монархии, основанной на коллегиальных органах власти (Сенат, сословные кортесы, Государственный совет). Первая письменная конституция Испании стала компромиссом между конституционными идеями, пришедшими из Франции, и испанской реальностью.

Однако формально принятая Байонская конституция, навязанная Парижем, не вступила в силу. Она послужила детонатором для апробации первой легальной конституции Испании, провозглашенной Учредительными кортесами в Кадисе в 1812 г. Кадисская конституция установила конституционную монархию и принцип народного суверенитета в Испании. Однако впоследствии она была отменена, и Испания вновь вернулась к абсолютизму. Кадисская конституция действовала во время Либерального трехлетия в 1820–1823 гг. и в 1836–1837 гг. во время подготовки конституции 1837 г.

Французская революция XVIII в., ее плоды в виде конституционных документов и дальнейшая французская оккупация Испании оказали значительное влияние на испанские колонии и спровоцировали народные восстания, которые впоследствии вылились в борьбу за независимость от Испании. К концу освободительной войны на месте бывших испанских и португальских колоний возникли 10 независимых государств: Аргентина, Боливия, Бразилия, Великая Колумбия, Мексика, Парагвай, Перу, Центрально-Американская Федерация, Чили, Уругвай. Таким образом, все бывшие испанские колонии (за исключением островных владений – испанская часть Сан-Доминго, Куба и Пуэрто-Рико) стали политически самостоятельными государствами.

Основным политико-идеологическим и правовым кредо во всех новых государствах Латинской Америки стал конституционализм. Кодификация, происходившая в течение следующего за завоеванием государственной независимости периода, заложила основу для

формирования национальных правовых систем. Если кодификация законодательства, проводимая в европейских странах после революций, представляла собой своеобразное подведение итогов этих революций, то кодификация законодательства в латиноамериканских республиках, с одной стороны, отразила компромисс элементов доколониального и колониального права, а с другой – являлась рычагом, способствовавшим в конечном счете закреплению и развитию новых отношений на Латиноамериканском континенте.

Латиноамериканские страны были в определенной мере подготовлены к восприятию именно европейской модели кодификации колониального права, т. е. права испанского и португальского, перенесенного на Американский континент завоевателями и близкого по своему историческому развитию французскому праву.

Когда у молодых независимых латиноамериканских государств возникла потребность в единых национальных гражданских кодексах, выбор пал на французское право. Право Испании было отвергнуто как право бывшей метрополии. Кроме того, оно не было кодифицировано и по причине применения на местах староиспанского обычного права было раздробленным и разнородным. Идеологическим стимулом восприятия французской модели явилось и то огромное влияние, которое оказали политико-правовые учения эпохи Просвещения на революционные силы Американского континента, добившиеся национальной независимости (Ф. Миранда, Х. Сан-Мартин, С. Боливар и др.).

Первые конституции латиноамериканских государств, несмотря на отсталую социально-экономическую базу последних, испытали на себе в огромной степени влияние передовых для своего времени идей республиканизма. Пример США, где республиканский строй не препятствовал длительному компромиссу плантаторов-рабовладельцев Юга и предпринимательских кругов Севера, порождал республиканские настроения не только у радикальной интеллигенции и народных масс, чьи симпатии в ходе освободительного движения оказались на стороне республики, но и у части латифундистов-креолов. Последние рассчитывали добиться решающего влияния на состав государственных органов и на политику в новых республиках.

Однако в ряде государств утверждение республиканского строя проходило в острой борьбе. Например, первая Конституция Аргентины (Конституция Объединенных провинций Южной Америки), принятая в 1819 г. Учредительным собранием, где сильные позиции

занимали помещики-монархисты, обошла молчанием вопрос о форме правления. И только по Конституции 1826 г. в Аргентине окончательно утвердилась «республиканская представительная форма».

Разногласия по вопросам национального единства носили отнюдь не теоретический или чисто юридический характер. Они отражали классовые и социальные интересы, а также этническую неоднородность общества и проявлялись не только в стенах конституционных конвентов. Эти разногласия нередко становились поводом к длительной, а нередко и кровопролитной вооруженной борьбе.

Еще в ходе войны за независимость наиболее дальновидные лидеры освободительного движения (Ф. Миранда, Х. Сан-Мартин, С. Боливар и др.), понимавшие необходимость объединения всех патриотических сил, выступали за создание крупных централизованных и унитарно организованных государств. Они надеялись на то, что сильная правительственная власть обеспечит в новых республиках твердый и демократический порядок.

С помощью твердой власти они рассчитывали преодолеть наметившийся уже к тому времени партикуляризм и даже открытый сепаратизм провинциальных сил – местных помещиков-латифундистов. Последние имели реальную власть над крестьянами и боялись радикальных перемен, проистекавших от центра.

Объективно позиция унитаристов отражала потребности капиталистического развития латиноамериканских стран. Но унитаризм нередко означал восстановление чрезмерной централизации, бюрократизма и антидемократических порядков.

Сама структура первых латиноамериканских конституций и организация государственных органов также испытали на себе заметное влияние европейского и североамериканского конституционализма. Так, практически все, даже самые ранние конституции, содержали декларации прав человека и гражданина и иные демократические положения.

Перенесение передовых демократических государственных институтов на латиноамериканскую почву (выборность государственных органов, политические права и свободы и т. д.) носило чисто механический характер, поскольку ни в одной из латиноамериканских республик война за независимость не привела к коренным изменениям социальной структуры и политико-правовых традиций. Поэтому в своеобразных условиях Латинской Америки передовые

конституционные идеи претерпели существенные изменения. В них получили отражение особенности латиноамериканского общества первой четверти XIX в. Эволюция латиноамериканского конституционализма к концу этого периода все более выражалась в поисках своих собственных конституционных образцов.

Первая попытка оформления с помощью конституции новой власти была предпринята патриотическими кругами Венесуэлы. Провозглашенная в 1811 г. Конституция, закрепившая федеративное устройство республики, копировала многие положения конституционных документов США. Федеральные власти получили право заключать договоры, объявлять войну, содержать армию и флот, обеспечивать внутренний порядок, взимать налоги и принимать законы по вопросам, затрагивающим интересы федерации. Конституция гарантировала каждой провинции «суверенитет, свободу и независимость» по всем вопросам, которые не были прямо делегированы федерации.

Федеральные органы создавались по принципу разделения властей. Законодательная власть осуществлялась двухпалатным Конгрессом (Палата и Сенат), исполнительная – консульской коллегией из трех лиц (под влиянием французской Конституции 1799 г.), судебная – Верховным судом и нижестоящими трибуналами.

Под влиянием французских правовых документов Конституция Венесуэлы 1811 г. (это стало традицией для латиноамериканского конституционализма в целом) содержала большое количество статей, посвященных общим принципам организации власти и прирожденным правам человека. Прогрессивные в целом положения Конституции 1811 г. прекратили свое существование вместе с падением Первой Венесуэльской республики.

Первые конституции оказались недолговечными и в других латиноамериканских республиках. Это объяснялось уже не внешними факторами (военные поражения), а отсутствием политической стабильности, постоянными раздорами между конкурирующими группами феодально-клерикальной олигархии, сепаратизмом отдельных провинций, не связанных между собой прочными экономическими узами. Политическая неустойчивость предопределила уже в первые годы существования латиноамериканских государств конституционную нестабильность.

Тем временем Испания не раз преобразовывалась в конституционную монархию. В 1834 г. был принят Королевский статут, который закреплял форму правления в виде ограниченной монархии с сильной

королевской властью и вводил представительные двухпалатные органы. Статут 1834 г., далекий от совершенства по своим юридическим качествам (в отличие от Конституции 1812 г.), выполнил свою миссию; он исполнил роль временного и реального конституционного акта, обеспечил переход Испании к конституционному правлению, стал юридической границей между абсолютизмом и конституционализмом в стране. На протяжении всего XIX в. и начала XX в. во времена первой и второй республики в Испании сменилась не одна конституция, каждая из которых вносила свои коррективы в политический уклад страны.

История латиноамериканских республик в XIX в. после завоевания ими независимости характеризуется острой социально-политической борьбой, определившей всё своеобразие их последующего конституционного и государственно-правового развития. В первых конституциях, как отмечалось выше, были воспроизведены основные принципы конституционализма передовых стран того времени. Но в XIX в. лишь немногие из них действительно соблюдались на практике.

Таким образом, политические партии в XIX в. в латиноамериканских государствах были не инструментом парламентаризма и демократии, а частью специфической системы – каудилизма. Последняя строилась по существу не на конституционно-правовой основе, а на грубой силе, на традициях и на харизматическом авторитете предводителя-каудильо.

Обратной стороной каудилизма, как и любого авторитаризма, построенного на силе государства и на умении харизматического лидера использовать в политике свои личные качества, была его неустойчивость. Президент-каудильо, как правило, быстро растрачивал свой политический авторитет, социальная база его господства неумолимо сужалась, а сам он становился жертвой нового заговора.

Зависимость конституционного развития от политических амбиций очередного диктатора и поддерживающего его военного режима приводила к тому, что государственно-правовая история многих латиноамериканских стран представляла собой сложный политический процесс. Так, в Эквадоре в XIX в. сменилось 12 конституций, в Боливии – 9, в Колумбии – 11, в Доминиканской Республике – 15, в Венесуэле – 11 и т. д.

Конституционную историю латиноамериканских республик в XIX в. нельзя рассматривать как зеркальное отражение интересов и воли лишь реакционных сил. В ней отразились и все сложности

развития этнического и классового состава общества, противоречия формирования единой национальной государственности, неизбежное усиление буржуазных элементов в политической жизни, нарастающая борьба трудящихся масс против диктаторских режимов. В результате этой борьбы в некоторых конституциях нашли свое отражение новые и прогрессивные для своей эпохи идеи и положения, а сами эти правовые документы стали важными вехами в истории мирового конституционализма.

Вступление латиноамериканских государств в XX в. происходило в условиях, когда их социально-экономические и национально-этнические структуры, мало изменившиеся после завоевания независимости, несли в себе многие черты прошлого. Латифундизм и клерикализм не были подорваны, а процессы этнической интеграции и национальной консолидации не завершились. Но развитие капитализма привело в XX в. к росту социальной и политической мобильности населения в латиноамериканских республиках, к утрате земельной олигархией и клерикалами монополии на власть. К руководству государством всё чаще приходят представители национальной буржуазии, прежде всего ее верхушки. Постепенно увеличивалась активность политической жизни средних и беднейших слоев общества. В XX в. в экономике и политике латиноамериканских республик значительно возрастает роль иностранного капитала.

Правящие круги США в начале XX в. с помощью «дипломатии доллара» и политики «большой дубинки» усиливали свое политическое и военное давление на правительства латиноамериканских республик, открыто вмешивались в их внутренние дела. Таким образом, иностранный капитал, крупная национальная буржуазия и земельная олигархия составляли ту основную силу, которая стояла на пути социального прогресса и демократических преобразований.

В начале XX в. более быстрое развитие капитализма повлекло за собой появление ростков нового в политических системах латиноамериканских стран. Возникают профсоюзы, крестьянские объединения, общедемократические движения. В целом с началом XX в. в Латинской Америке усилились выступления широких масс населения против авторитарных режимов и продажных диктаторов.

Наиболее значительным событием в политической жизни Латинской Америки в начале XX в. явилась Мексиканская революция 1910–1917 гг., положившая конец одному из самых антинародных

и жестоких на континенте режимов П. Диаса, узурпировавшего президентскую власть, подчинившего себе практически все государственные органы.

В 1910 г. в Мексике началась революция, в ходе которой была свергнута диктатура Диаса. В 1917 г. была принята новая Конституция Мексики. Как продукт революции 1910–1917 гг., она отразила, хотя и в измененной форме, ряд требований народных масс. Конституция Мексики на момент ее принятия была наиболее радикальным из всех существовавших тогда в мире конституционных документов. Конституция Мексики, несмотря на подвижность и декларативность ряда статей, способствовала формированию относительно стабильной и вместе с тем достаточно приспособленной к меняющимся условиям политической системы.

Испания также претерпела ряд политических и конституционных изменений. После падения Второй Испанской Республики, Испания начала новый этап развития в своей истории. С 1939 г. в Испании была установлена диктатура Ф. Франко. Была формально восстановлена монархия, однако реально власть перешла к военным. Функции и задачи Конституции выполняли 8 фундаментальных законов Королевства: Закон о труде (1938), Закон о Кортесах (1942), Устав испанцев (1945), Закон о национальном Референдуме (1945), Закон о престолонаследии (1947), Закон о принципах национального движения (1958), Органический закон (1967) и Закон о политических реформах (1977). В совокупности они выполняли функции конституции до 1978 г.

В 1975 г. после смерти Ф. Франко, монархия начала восстанавливать свою прежнюю силу. Король Хуан Карлос, назначенный Ф. Франко в качестве своего наследника, активно способствовал установлению нового правопорядка. 15 декабря 1976 г. по инициативе короля был принят Закон о политической реформе в Испании, положивший конец политической системе франкизма и давший начало деятельности Учредительных кортесов, которая завершилась принятием новой конституции, действующей и в наше время. Испания стала последней крупной страной в Западной Европе, расставшейся с военно-фашистской диктатурой, существовавшей в стране в течение 35 лет, и принятой конституцией, которая существует и поныне. Конституция 1978 г. является седьмой по счету конституцией в истории Испании, которая была утверждена Парламентом и одобрена народом.

Основной закон 1978 г. отразил как испанские традиции, так и зарубежный конституционный опыт – нормативный и доктринальный.

В определенной мере акт 1978 г. представляет собой синтез европейского конституционного права. Испанские традиции получили свое выражение в прямом заимствовании конкретных юридических норм из предыдущих конституционных актов. Заимствование зарубежного опыта проявилось в форме включения в акт идей общего характера и во влиянии иностранных норм на законодателя при обсуждении и принятии Основного закона.

Ныне действующая Конституция Испании была положительно воспринята большинством населения страны и во многом аналогична конституциям других западных государств. Она провозглашает основные права человека, общественные свободы, принцип разделения властей, народного суверенитета и объявляет Испанию социальным, демократическим, правовым государством с политическим строем в форме парламентской монархии.

Для политического же развития Латинской Америки середина XX в. стала неоднозначной. Зависимое и деформированное развитие капитализма, усилившие социальные контрасты, привело к медленным, но неизбежным изменениям в латиноамериканском обществе и его политической системе.

С конца 1960-х гг. латиноамериканские республики стали четче стремиться к проведению независимого внешнеполитического курса и противодействию гегемонистской политике США. С 1960-х гг., стремясь нейтрализовать влияние революционных сил и ослабить антиамериканские настроения, правящие круги США стали в большей степени делать ставку на использование в странах Латинской Америки политики реформизма. Данная и последующие программы развития, хотя в целом потерпели провал, все-таки дали толчок к капиталистическим преобразованиям. Это в свою очередь повлекло за собой быстрый рост внешней задолженности, которая в настоящее время превратилась в одну из самых острых проблем на субконтиненте. Многие латиноамериканские республики оказались опутанными долгами транснациональным корпорациям и Международному валютному фонду.

Всевозрастающая политическая активность широких слоев населения, рост антиимпериалистических и демократических настроений, глубокий кризис традиционных структур оказали специфическое воздействие и на государственно-правовую жизнь латиноамериканских республик в середине XX в. Для большинства из них

по-прежнему характерной оставалась практика государственных переворотов и военных мятежей, имевших своим результатом установление различного рода авторитарных, военно-фашистских и военно-гражданских режимов. Новой отличительной чертой этих переворотов было то, что в условиях «холодной войны» и биполярного мира заходящими к власти президентами стояли не только местная олигархия и те или иные политические партии, но и внешние силы.

Частые государственные перевороты, как и прежде, порождали конституционную нестабильность. Как правило, военные, захватившие власть, и даже самые одиозные диктаторы спешили оформить свое правление с помощью нового конституционного документа, который нередко лишь во второстепенных вопросах отличался от предыдущей конституции. В результате в ряде стран по-прежнему происходила частая смена конституций (в Венесуэле, Боливии и некоторых других странах в XX в. сменилось до 10 конституций). Лишь в Аргентине и Колумбии сохранялись конституции, принятые еще в XIX в., но и их текст претерпел существенные изменения.

Для латиноамериканского конституционализма XX в. характерно то, что даже при самых жестких диктатурах творцы конституции были вынуждены сохранять ее «демократический фасад». Авторитарные методы правления не означали исключения из конституций развернутых и детально разработанных глав или целых разделов, посвященных политическим правам и личным свободам граждан.

Конституции большинства стран субконтинента, отражая тенденцию к концентрации политической власти, закрепляют унитаризм с ярко выраженной централизованной системой администрации, но сохраняют муниципальное самоуправление. В тех странах, где сохраняется федерация, последняя выступает прежде всего как исторически унаследованная форма административно-территориальной организации государства (Бразилия, Аргентина, Мексика, Венесуэла).

Основным стержнем конституционного механизма является президент республики, избираемый, как правило, сроком на 6 лет, причем не парламентом, а непосредственно населением. Это, по сути дела, вывело президента и правительство из-под парламентского контроля. Утвердившаяся в XX в. на субконтиненте своеобразная «суперпрезидентская» республика с обширными полномочиями президента является весьма удобным инструментом для установления

режима личной власти. В Латинской Америке, согласно конституциям, в руках президента концентрируется правительственная власть: он осуществляет руководство государственным аппаратом и вооруженными силами. Велика роль президента и в законодательном процессе (право вето, президентские послания конгрессу, право издавать президентские декреты или «декреты-законы» и т. д.). Президенты-диктаторы, контролировавшие процесс избрания парламентариев, грубо вмешивались во внутренние дела конгресса, а в ряде случаев обходились без него. Всевозрастающую роль в политической жизни подавляющего большинства латиноамериканских республик (исключение – Мексика, Коста-Рика) с середины XX в. играла армия.

Капиталистическая модернизация общества, которая происходила в течение всего XX в. на фоне постоянных экономических кризисов и политических потрясений, в конечном счете дала определенные результаты. В последние десятилетия XX в. политическая система в странах Латинской Америки претерпела существенные изменения. Получил свое второе рождение конституционализм с его демократическим потенциалом.

В 1980–1990-х гг. под воздействием усилившихся процессов перехода «от тоталитаризма и авторитаризма к демократии» всё более очевидной стала тенденция к отказу от военных мятежей как средства достижения честолюбивых политических целей.

Таким образом, в 1980–1990-х гг. военные и военно-фашистские диктатуры, установившиеся в предшествующие десятилетия в результате путчей и переворотов, повсеместно уступили свои позиции демократическим структурам.

Однако сама действительность в латиноамериканском обществе такова, что возможны отдельные рецидивы политических кризисов и государственных переворотов. По-прежнему значительная часть населения субконтинента с недоверием относится к демократическим институтам и считает, что только «сильная рука» способна устранить неэффективность и коррумпированность государственного аппарата.

На сегодняшний день Латинская Америка, по-видимому, освобождается от пассивного подражания иностранным политико-правовым моделям. Усиливается тенденция учреждения и развития государственно-правовых и общественно-политических институтов местного, национального происхождения. Тексты конституций стали конкретно и более гибко учитывать изменяющиеся социально-

экономические условия, а также политическую обстановку в мире вообще и в Латинской Америке, в частности.

Таким образом, анализируя процессы становления конституционного права в Испании и Латинской Америке, становится очевидной преемственность конституционных документов, которые оказывают косвенное или же прямое влияние на последующие или смежные нормативно-правовые акты. Можно прийти к выводу, что юридические тексты испаноговорящих стран имеют элементы единой юридической базы и, как следствие, представляют собой разрозненную интертекстуальную среду для формирования общих концептов и когнитивных моделей. Особый лингвистический интерес представляет дальнейший анализ прототипических особенностей текстов конституционного законодательства, разработка модели канонического текста с позиций его инвариантных и факультативных признаков, а также рассмотрение сходных и специфических характеристик терминосистемы испанского языка права относительно его национальных вариантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева Т.А.* Институт главы государства в истории испанского конституционализма в истории XIX–XX вв. – М. : Фемис, 2005. – С. 53–84.
2. *Жидков О.А., Крашенинникова Н.А.* История государства и права зарубежных стран. – М.: Инфра-М, 2004. – 720 с.
3. *Пискорский В.К.* История Испании и Португалии. От падения Римской империи до начала XX века. – М.: Ленанд, 2015. – 284 с.
4. *Саидов А.Х.* Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). – М.: Юристь, 2003. – 448 с.
5. *Строганов А.* Латинская Америка в XXв. – М.: Дрофа, 2008. – 432 с.

УДК 81'373.4

А. С. Петракова

аспирант кафедры лексикологии и стилистики французского языка
факультета французского языка МГЛУ; e-mail: nastyapetrakova@gmail.com

СИМВОЛИЗАЦИЯ И КОННОТАЦИЯ ФЛОРОНИМОВ ВО ФРАНЦУЗСКИХ И РУМЫНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Статья посвящена взаимосвязи символических и коннотативных значений во французских и румынских народных сказках. Символическое значение флоронима определяется как референциальное по отношению к коннотативному. Коннотация понимается в широком смысле как информация о мире и его восприятию определенным социумом. Употребление в сказках разных флоронимов объясняется несовпадением географического расположения Франции и Румынии, своеобразием их природных условий, самобытностью культуры народа. В целом символические и коннотативные значения соотносятся как межъязыковые и языковые.

Ключевые слова: флороним; фольклорная сказка; символ; символизация; коннотация.

Petrakova A. S.

Post-Graduate Student, Department of French Lexicology and Stylistics, Faculty of French Language, MSLU; e-mail: nastyapetrakova@gmail.com

SYMBOLIZATION AND CONNOTATION OF FLORONYMS IN FRENCH AND ROMANIAN FOLKTALES

The paper is devoted to the correlation of symbolic and connotative meanings in French and Romanian folktales. The symbolic meaning of floronym is defined as referential in relation to the connotative one. The connotation is broadly understood as information about the world and its perception by a certain community. The use of various floronyms in folktales can be accounted for by a difference in location of France and Romania, their nature diversity and cultural identity. In general, symbolic and connotative meanings are correlated as interlanguage and monolanguage.

Key words: floronym; folktale; symbol; symbolization; connotation.

Согласно Э. Кассиреру, культура раскрывается перед нами как многообразие символических форм [3]. Сказанное в полной мере относится к такому явлению культуры, как народная сказка. Сказки представляют собой мир символов, которыми являются типические образы, наделенные особыми значениями.

Мы выбрали народные сказки, так как именно они являются коллективным наследием народа и истинным тезаурусом в нашем случае символическости флоронимов. Именно благодаря рассказчикам

мы можем выявить знания народа о тех или иных свойствах растений (в некоторых случаях это уже понятно по названию), понять их особенности, определить, с чем связана та или иная ассоциация с определенным цветком.

Владимир Пропп говорил, что народная сказка для нас всё еще полна потемок и необходимо осветить каждый элемент в отдельности по всему сказочному материалу [6].

Словарь Т. Ф. Ефремовой определяет сказку, как: а) «повествовательное произведение устного народного творчества о вымышленных лицах и событиях»; б) «литературное произведение такого характера» [2, с. 605]. В словаре же литературоведческих терминов С. П. Белокурова есть разделение на: а) «сказка фольклорная – эпический жанр устного народного творчества: прозаический устный рассказ о вымышленных событиях в фольклоре разных народов» и б) «сказка литературная – эпический жанр: ориентированное на вымысел произведение, тесно связанное с народной сказкой, но, в отличие от нее, принадлежащее конкретному автору, не бытовавшее до публикации в устной форме и не имевшее вариантов» [1, с. 246].

Литературная сказка «выросла» из сказки фольклорной, унаследовав ее черты, проявляющиеся в разной степени. Первые писатели, обратившиеся к жанру сказки, адаптировали для письменной формы произведения устной народной словесности. Чаще всего литературная сказка либо подражает фольклорной, либо создает дидактическое произведение на основе нефольклорных сюжетов. Поэтому мы считаем целесообразным рассматривать флоронимы в первоисточнике, а именно в фольклорной сказке.

Мария-Луиза фон Франц пишет в своем исследовании «Архетипические паттерны в волшебных сказках», что сказочное ядро соответствует особенностям психики данного коллектива, иначе сказка не выдержала бы испытания временем. Сказка – это не простая история о личном переживании. Сказки рождаются из того, что можно назвать активным воображением отдельных людей, выражающих настроение целого народа [10].

В. Пропп отмечал, что сказка универсальна, ее понимают решительно все. Она беспрепятственно проходит все языковые границы, от одного народа к другому, и сохраняется в живом виде тысячелетиями [7].

Это подтверждает правильность выбора сказок в качестве материала для установления символических значений флоронимов

во французском и румынском фольклоре. В сказках растения обычно наделяются волшебными-целительными силами: они помогают в лечении различных заболеваний, им приписываются чудодейственные, магические свойства. Этими силами наделяются травы, плоды, корни, отдельные части растения. Чаще всего волшебное растение находится очень далеко, и чтобы его достать, главному герою необходимо пройти через ряд испытаний. Иногда достаточно раздобыть и испробовать плод. Изредка героям приходится искать конкретное дерево, чтобы отыскать дупло. В этих историях есть что-то общее: сила деревьев, их душа, характер, как будто сама земля помогает героям. Иногда растения присутствуют в сказках вторично, не выходя на первый план, не выполняя желаний, не совершая чудес. Но именно через них нам проще узнать характер героев. Такие растения могут быть истинно сказочными, которых нет в природе. М. Н. Лапшина отмечает, что символичность флоронимов связана с духовным миром людей, их эмоциями, оценками, взаимоотношениями. Именно символическое значение растения, приписываемое ему в той или иной культуре, может достаточно часто служить основой для возникновения самостоятельного языкового значения флоронима [5].

Статья посвящена сопоставительному изучению соотношения символического и коннотативного значения во французских и румынских народных сказках. Символическое значение флоронима выступает в качестве денотативного, или референциального статуса для коннотативных смыслов. Вслед за В. Н. Телия мы понимаем под коннотацией информацию о мире и его восприятие определенным социумом [9]. Символ – социально закрепленное явление. Об этом, в частности, свидетельствуют словари символов. Символизация и коннотация соотносятся как обобщенное и конкретное. Так, солома (вместо матраца в доме) символизирует бедность. Соответствующий коннотативный смысл приобретает ожерелье из соломы, которое надевают на голову детей бедняков, в отличие от золотого ожерелья детей хозяина. По отношению к коннотации символизация выступает как референция или как денотация. Следует согласиться с О. Г. Ревзиной в том, что «денотация означает способ восприятия и мышления, при котором объект или восприятие дел рассматриваются автономно, а коннотация имеет место тогда, когда объект или положение дел мыслятся неизолированно, т. е. совместно с неким другим объектом в самом широком смысле слова» [8, с. 442].

Нами было проанализировано 100 сказок, из них 50 французских и 50 румынских. В 23 % французских народных сказок растения не упоминаются вообще. В 21 % сказок нет конкретных названий растений, но есть обобщающее слово, как-то: *forêt* (лес), *bois* (роща), *buisson* (кустарник), *arbrisseau* (куст), *bouquet* (букет), *fleur* (цветок) и т. д. Филолог-фольклорист В. Я. Пропп считал, что речь идет о наивной вере людей в то, что растение может отдать человеку животительную силу земли. Поэтому обычно в сказках нет конкретного названия растения, а обычно – *травка, корешок, яблочко*.

Следует отметить, что 21 % сказок, где отсутствует даже обобщенное слово, являются наиболее короткими, большинство, к тому же, с печальным концом. Можно сделать вывод, что включение растений в сказки придает им некую изысканность, распространенность и заявку на счастливый конец. Более чем в половине проанализированных сказок (56 %) есть наименования растений. Разберем некоторые, где упоминаются именно флоронимы, и исключим те, в которых называются кустарники: *lauracées* (лавровые), *églantier* (шиповник), чаще всего встречающиеся деревянистые растения – *chêne* (дуб), *sapin* (ель), фруктовые деревья – *potmier* (яблоня), *oranger* (апельсиновое дерево), *рябина* (*cormier*), *poirier* (груша), *prunier* (слива), злаковые – *blé* (пшеница), *avoine* (овес), а также *trèfle* (клевер), так как он используется в рассмотренных сказках исключительно как корм скоту.

Примечательно, что бобовые хотя и встречаются очень редко, но играют очень важную роль в сюжете. В Средневековье бобовые являлись важной частью питания людей многих стран, включая Европу. Думаем, поэтому в сказке «*La fève*» («Боб») – боб являлся центром сюжета. А *горох* в сказке «*Courtillon-Courtilette*» («Куртийон Куртийет») – аналог «хлебных крошек» «Гензель и Гретель» Братьев Гримм. Дети находят на дне мешка немного засушенного гороха и используют его в качестве «метки»: бросают по горошине на своем пути, с помощью чего находят дорогу домой и остаются в живых. После они попробовали использовать творог, но дождь его смыл, и малыши заблудились. Считаем, что в данном случае, ключевую роль сыграл, скорее, прагматизм: засушенный горох куда дальновидней использовать как «маячки» правильного пути. К тому же Франция наряду с Канадой, Россией и Китаем лидировала ранее и продолжает лидировать по производству сушеного гороха в мире, что приводит к выводу: горох был доступен простому люду и был почти в каждой даже бедной семье.

Обратим внимание на использование соломы – стеблей хлебных злаков без зерен, остающихся после обмолота, в этой же сказке. Другие злаковые и их производные не представляли для нас интереса, так как использовались по прямому назначению – еда для людей или корм для скота. Так же как и солома в других сказках служила кормом или подстилкой в хлеву или конюшне, иногда и в жилых домах бедных людей. В этой же сказке детям крестьян надевают на шею *соломенное* ожерелье (*de paille*) для их идентификации хозяином дома, в то время как у хозяйских детей – золотые. Солома здесь является символом бедности, которую прикрепляют как ярлык.

В народной французской сказке «Le loup blanc» – это французская версия всем хорошо известной сказки «Красавица и чудовище» или «Аленький цветочек», младшая дочь просит отца привезти из путешествия говорящую розу. Отец спустя долгое время, пройдя много испытаний, находит розовый куст, на котором растут говорящие и поющие цветки, и с этого момента завязывается сюжет. Таким образом, говорящая роза стала необходимым элементом для развертывания сюжета сказки. Мы предполагаем, что именно роза была выбрана в качестве желаемого подарка из-за своего символического значения. Роза выступает как символ солнца, звезды, богини любви и красоты. Существуют легенды, повествующие о происхождении розы от слез Венеры. Символическое значение розы означает красоту, совершенство, изящество, радость, любовь, удовольствие, славу, блаженство, пламенность, гордость, мудрость. Таким образом, символ тем более содержателен, чем он более многозначен. При этом младшая дочь пожелала именно говорящую розу; возможно, это был не только фактор, указывающий на сложность выполнения задания, но и признак того, что слушателям стоит насторожиться. Обратим внимание на устойчивые выражения с флоронимом *rose (poza)*, с отрицательной коннотацией: *il n'y a pas de roses sans épines* – нет розы без шипов; *c'est pas des roses* – это трудно; *flairer le pot aux roses* – чувствовать, что дело нечисто; *чуть неладное*; *envoyer dans les roses* – сбить с ног. Это указывает на то, что «говорящая роза» уже предупреждала героев о трудностях и являлась символом предостережения и запрета желаемого.

Также еще в двух сказках встречаем упоминание розы, в одной из них розовый куст является местом, где стоит искать, а вот во второй – «L'oiseau de vérité» («Птица, которая вещала правду») герою

необходимо украсть поющую розу. Считаем, что различий в коннотативном значении эпитетов «говорящая» и «поющая» нет, поэтому останавливаться на этом не будем.

В следующей французской сказке «Le cerf blanc» («Белый олень») есть волшебная героиня – фея по имени *Tulipe* (тюльпан), которая оберегала маленького ребенка и всячески помогала родителям, а впоследствии стала тем, благодаря кому были сняты злые чары, и история счастливо закончилась. Символичность роли тюльпана была привезена вместе с самим цветком с Востока. С помощью тюльпана можно выразить свои чувства – любовь, вне зависимости от цвета, цветок означает только теплые и нежные чувства. На Востоке же верят, что тюльпан означает идеальную любовь, не зря он украшал герб Османской империи. Легенда гласит, что тюльпан появился из капель крови, пролитой влюбленными. Можно предположить, что именно поэтому героиня – фея в сказке носит такое имя, ведь, несмотря на все преграды, Тюльпан смогла объединить любящие сердца. Интересно, что в Иране Тюльпан – это популярное женское имя.

Здесь же, после всех приключений, принцесса надела платье, украшенное свежими благоухающими розами, тут без всяких сомнений *rose* символизирует любовь, пылкую страсть, восхищение красотой, но вместе с тем эпитеты, стоящие перед флоронимом: свежие и благоухающие, как бы напоминают нам о невинности и юности принцессы. В древности с образом розы связывали радость, эта ассоциация идеально подходит для данной ситуации.

В сказке «Les fées» («Волшебницы») послушной, работающей и скромной младшей дочери отца фея преподносит дар. Каждый раз, когда девушка произносит слово, из ее рта выпадает цветок или драгоценный камень. В дальнейшем по сюжету изо рта героини выпадают различные камни и цветы без названий, которые в редких случаях называются *rose*. Таким образом, роза наделяется коннотативным значением – сопоставляется по ценности с драгоценными камнями, что еще раз указывает нам на ценность и популярность цветка.

Волшебные свойства флоронимов иногда настолько неожиданны, что могут удивить не только слушателей и читателей, но и самих героев. Так, в сказке «Le château du diable» («Замок дьявола») съеденная *poire* (груша), влияла на внешние характеристики человека – удлиняла или укорачивала нос, всё зависело от того, какого сорта груша съедена. Обнаружив такие чудесные свойства плодов, главный герой,

Пьер, не смог этим не воспользоваться. Хитростью пробравшись в замок, он накормил высоких гостей грушами, удлиняющими нос, а потом предложил противоядие только взамен за возвращение своих братьев, руку королевской дочери и полцарства в придачу. Король был на всё согласен, главный герой вылечил всех придворных, королевскую семью и после пережитых приключений и невзгод обрел наконец счастье.

Но не всегда цветы употребляются сказочниками только лишь, чтобы указать их символическое значение, к примеру, в уже рассмотренной нами сказке «*Le cerf blanc*» говорится о том, что королева шла по прекрасному саду, где благоухали цветущие фиалки (*violette*). Коннотативное значение флоронима заключается в том, что цветущие фиалки указывают на время года, это мог быть апрель – начало мая или же конец лета, что предполагает некую неопределенность происходящего, свойственную магическим сказкам. Кроме того, *фиалка* является популярным цветком во французском разговорном языке, содержит следующий набор смысловых различительных компонентов: «удовольствие», «везение», «скромность».

Помимо времени года, коннотативным значением флоронимов в сказках часто является указание места действия, которое сразу становится понятно читателям языкового социума и помогает им полностью погрузиться в сюжет. Таким образом, коннотативное значение актуализирует символическое значение. Например, герои сказок ложатся передохнуть на мох, и все слушатели понимают, что те находятся в хвойном лесу; далее как бы в подтверждение мыслей слушателей / читателей герои взбираются на ели и сосны, чтобы спрятаться или разведать обстановку.

Во многих сказках создается ощущение, что сама природа помогает героям, используя для этого все имеющиеся у нее средства. В «Маленькой Аннетте» («*La petite Annette*») дерево наклоняло свои ветви, усыпанные сочными плодами, только для главной героини, которую недолюбливали домочадцы, а в конце еще и стало средством возмездия – мачеха, приставив лестницу к стволу, пыталась достать плоды, но оступилась и свернула шею.

Можем сделать вывод, что люди, несомненно, верили в великую власть матушки-природы и даже одушевляли ее. Природа не оставляла безнаказанным несправедливость и жесткость, и, действуя

с помощью своих творений, животных и растений, вершила судьбы людей. Эта вера была необходима в те времена, она помогала страждущим, дарила надежду на лучшее будущее и поддерживала даже в самые тяжелые минуты, поэтому такого рода сказочные события имели большую популярность и дошли до наших дней.

В 70 % проанализированных нами румынских сказок есть слова, которые являются обобщающими для растительности: *iarbă* – трава, *pădure* – лес, *flori* – цветы, *poiană* – поляна, *grădină* – сад, *arbuști* – кусты и т. д. Очень часто упоминаются названия деревьев (*pară* – груша, *măr* – яблоня, *prună* – слива, *stejar* – дуб, *fag* – бук). В 30% есть упоминание о *butuc* (виноградном кусте), или о *vie* (винограднике), что, несомненно, указывает на культуру и колорит румынского народа. Хотя Франция славится своими винами и виноградниками, в рассмотренных нами сказках отражения этого мы не нашли. Полагаем, что это связано с тем, что виноградники есть в отдельных регионах Франции, а не во всей стране в целом. В Румынии же практически каждый житель делал вино, и обычно далеко не один сорт винограда произрастал у доброго хозяина, отсюда и популярность винограда как источника тени, утоления голода и жажды (вином). Так же характерно для румынских сказок приготовление *porumb* (кукурузы), *nisipurile* (кукурузной муки, крупы), в отличие от французских сказок, где готовили *brouet*, *soupe*, *pot-bouille* (похлебку, стряпню) и т. д. Опять же видим различие номинации, уточнений каких-то явлений сказочниками, связанное с территориальным положением стран и их культурой (еды в частности).

В 40 % проанализированных нами румынских народных сказок присутствует непосредственно флороним, часто используемый для перечисления цветов, растущих на поляне, в саду, собранных в букет и т. д. без какого-либо явного участия его в сказке для идентификации символичности героев или действующих лиц.

Сразу в двух сказках находим героиню Иляну-Косынзяну: «Eroul de plumb» («Свинцовый богатырь») и «O basme despre un lup magic și Peana – Kosynzyana» («Сказка о волшебном волке и Иляне-Косынзяне»), которую разыскивают добрые молодцы. Для нас представляет интерес ее коса: в нее вплетена *поющая роза* (*trandafir*). Видим, что и в румынских, и во французских сказках символичность розы совпадает (любовь, красота, красивая женщина и т. д.). Слово

«поющая» иногда заменяется на «волшебная», поэтому на эпитете не будем заострять внимание.

В сказке «Fossil» («Окаменевший») сын ведьмы – юноша с длинными золотыми волосами. Вернувшись домой, он пьет *apă violet* (фиалковую воду). Фиалковая вода это символ достатка, благополучия, следовательно, мы понимаем, что это полный добра дом, с хорошинами, зажиточными хозяевами. Символичность использования названия *violet* (фиалки), с указанием на «скромность», «добродетель», «простоту» совпадает во французском и румынском языках. В данном случае этот флороним приобретает коннотативное значение «достаток», «благополучие». Это значение, свойственное фиалковой воде, имело место и во французском языке (например, в произведении «Граф Монте-Кристо» А. Дюма говорится о наличии фиалковой воды в домах, чьи хозяева – приближенные двора).

В той же сказке «Окаменевший» легкое дуновение ветра приносит с собой аромат *trandafir* (роз) и *rozmarin* (розмарина), что предвещает появление юноши. Розмарин – символ вечности и взаимопонимания, второй раз подчеркивает сказочник состояние дел этого дома. К тому же сильный, чистый аромат розмарина похож на запах сосны. Этот запах, скорее, приписывают мужчине, что создает образ силы, мужественности, даже в сочетании с феминной розой, которая нам говорит о красоте молодого человека. Розмарин использовали для дезинфекции и окуривания помещений, он популярен во Франции, так же, как и в Румынии, сохраняя свое символическое значение: пробуждение воспоминаний и улучшение памяти. Возможно, запах розмарина использован, чтобы указать на незабываемое впечатление, которое оказывал златовласый юноша.

При анализе одной из французских сказок мы столкнулись с чудодейственными плодами груши, в двух румынских же сказках мы находим непростые *merele* (яблоки), которые завязывают сюжет и являются его непосредственным центром. В сказке «Prâslea cel voinic și merele de aur» («Богатырь Прысля и золотые яблоки») яблоня в царском саду дает золотые плоды, но царю долго так и не удавалось отведать золотых яблок: каждый год, как только созревают плоды, их крадут среди ночи в самом охраняемом саду в государстве. Главный герой решается выследить воров, и здесь начинаются его приключения. В конце сказки воры пойманы, зло побеждено, красны девицы освобождены.

В Румынии яблоки – очень популярный фрукт, это связано с относительной неприхотливостью яблонь и твердостью ее плодов, а значит, их легко транспортировать. Зимой и ранней весной яблоки действительно являются ценностью, так как редкий фрукт может пережить всю зиму в погребе, не испортившись. Золото – самый популярный драгоценный металл в Румынии. Золотые цепи, браслеты и кольца – это символ достатка, женщины любят получать в качестве подарка ювелирные изделия из золота. Даже мужчины тяготеют к ношению этих украшений, причем зачастую это широкие цепи и увесистые перстни. Возможно, именно поэтому в царском саду заветными плодами были золотые яблоки.

В сказке «Doftorul Toderaş» («Лекарь Тодераш») яблокам уже приписываются магические свойства: съев яблоко, Тодераш стал носителем увесистых рогов, чем очень был опечален. Но, недолго думая, герой сорвал грушу на соседнем дереве и тоже съел, рога тотчас отвалились. Эмпирическим путем Тодераш нашел антидот – грушу, чем и решил воспользоваться для осуществления своих планов. Видим, что груши и яблони растут в одном саду, что говорит о такой же популярности груш, как и яблок. Примечательно, что многие исследователи говорят о целебных свойствах яблок и груш и настоятельно рекомендуют их, но есть список определенных заболеваний, при которых людям не советуют их употреблять. Полагаем, отсюда берет свое начало мифическое появление болезни – рога и чудесное избавление от них с помощью груш.

В сказке «Căştigătorul şarpei» («Победитель змей») главному герою, Фэт-Фрумосу, необходимо выполнить задание: найти *garoafă* (гвоздика), которая благоухает на целых девять лет пути. Гвоздика символизирует честь, верность и свободу, ее называли цветком Зевса. Гвоздика может истолковываться как заинтересованность адресатом, так и выражением благодарности. Аромат гвоздики напоминает запах соответствующей пряности, но он нежнее, воздушнее, легче, оттого и пахнет на девять лет пути. За гвоздикой главного героя отправляет его государь, это последнее испытание Фэт-Фрумаса на верность и преданность, о чем свидетельствует коннотация данного флоронима.

Таким образом, проанализировав 100 французских и румынских сказок, можно сделать вывод, что при частом совпадении символических значений флоронимов, обусловленных общими латинскими этимонами и близкой культурой, имеет место и различие коннотативных значений. Коннотативные значения могут указывать на время

года, место действия, служат для наделения флоронимов волшебными свойствами. Эти различия можно объяснить разными природными условиями жизни социума, особенностями его хозяйственной и производственной деятельности, языковыми и культурными контактами с соседними народами. Употребление разных флоронимов объясняется отличием географического расположения Франции и Румынии, своеобразием, природных условий. В целом символические и коннотативные значения соотносятся как межъязыковые и языковые.

Царство растений, создавая среду обитания человека и представляя ему все необходимое для существования (особенно в традиционных культурах), является «весьма значительным фрагментом эмпирии» [4, с. 70]. Сопоставительное изучение соотношения символического и коннотативного значений флоронимов в тексте народных сказок имеет важное значение для более глубокого понимания исторического прошлого народа, самобытности его культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белокурова С. П.* Словарь литературоведческих терминов. – СПб. : Паритет, 2006. – 316 с.
2. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Т. 2 : П–Я. – М. : Русский язык, 2000. – 1088 с.
3. *Кассирер Э.* Философия символических форм в трех томах / пер. с нем. С. А. Ромашко. – М. : Университетская книга, 2002. – 950 с.
4. *Комарова З. И., Плотникова Г. Н.* О соотношении фитонимических концептов в языковой и научной картине мира // Проблемы языковой концептуализации и категоризации действительности: материалы Всерос. науч. конф. «Язык. Система. Личность». – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – С. 70–86.
5. *Латишина М. Н.* Семантическая эволюция английского слова (изучение лексики в когнитивном аспекте). – СПб. : С-Петербург. ун-т, 1998. – 160 с.
6. *Протт В. Я.* Морфология волшебной сказки. – М. : Лабиринт, 1998. – 111 с.
7. *Протт В. Я.* Русская сказка. – Л. : ЛГУ, 1984. – 335 с.
8. *Ревзина О. Г.* О понятии коннотации // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: сб статей. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С. 436–446.
9. *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики языковых единиц. – М. : Наука, 1986. – 143 с.
10. *Франц М.-Л.* Архетипические паттерны в волшебных сказках. – М. : Класс, 2007. – 256 с.

УДК 81'373.612.2

Л. В. Порохницкая

доктор филологических наук доцент кафедры лексикологии английского языка факультета ГПН МГЛУ; e-mail: lidie@list.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТОНИМИЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ ЭВФЕМИЗМА

В статье проводится сопоставление традиционного и когнитивного подходов к анализу роли метонимии в структуре эвфемистического значения. Показано, что изучение метонимии как базового механизма формирования семантики важно для раскрытия сущности эвфемистической номинации.

Ключевые слова: эвфемизм; семантика; концептуальная метонимия; метонимическая модель; концептуальная метафора.

Porokhnitskaya L. V.

Ph. D., Associate professor, Department of English lexicology, MSLU;
e-mail: lidie@list.ru

CONCEPTUAL METONYMY IN THE CONTEXT OF STUDYING A EUPHEMISM'S MEANING

The article looks into the traditional and conceptual approaches to the analysis of a metonymy's role within the structure of a euphemism's meaning. It is shown that regarding metonymy as the basic semantic mechanism is the key to the essence of euphemistic naming.

Keywords: euphemism; conceptual metonymy; metonymic pattern; conceptual metaphor.

Роль метонимии активно изучается в трудах по вопросам эвфемии как отечественными, так и зарубежными лингвистами на протяжении нескольких последних десятилетий. Среди наиболее известных работ в этой области можно отметить статьи и монографии А. М. Кацева [1], В. П. Москвина [2], Б. Уоррен [4] и др. Бесспорно, вклад метонимических переносов в конструирование эвфемистических фондов в романских и германских языках весьма значителен. В эвфемистической номинации могут быть задействованы практически все типы метонимических переносов (по А. А. Реформатскому) [3], однако среди наиболее частотных следует назвать синекдоху и локальный тип метонимии, включающий разнообразные типы отношений. Приведем конкретные примеры:

– часть вместо целого: *lavabos* (фр. *туалет*) от *lavabo* (*раковина, умывальник*), тж. *lavabo* (исп.);

– целое вместо части¹: *abdomen* (англ. *половые органы*, букв. 'брюшная полость'); *ventre* (исп. *половые органы*, букв. 'живот'); *poitrine* (фр. *женская грудь*, букв. 'грудь, грудная клетка');

– род вместо вида (гипероним вместо гипонима): *facilities* (англ. *туалет*, букв. 'удобства'), ср. тж. *servizi* (ит.), *servicios* (исп.).

Локальный тип метонимического переноса включает следующие отношения, задействованные в формировании эвфемистических значений:

– одно в другом: *bathroom* (англ. *туалет*, изначально *ванная комната*, ср. тж. *baño* (исп.), *bagno* (ит.)), *outhouse* (ам. англ. *туалет*, букв. 'надворное строение'), *woodshed* (англ. *туалет*, букв. 'сарай');

– одно на другом: *toilet* (англ.), *Toilette* (нем.), *toilettes* (фр.) – *myalet* от французского слова *toilette* (уменьшительная форма от *toile*, означавшего «ткань для покрытия столика для одевания»²);

– одно рядом (в непосредственной близости) с другим: *cloak room* (брит. англ. *туалет*, букв. 'гардероб').

Для эвфемистической номинации также оказывается весьма продуктивным в рамках локального типа тип отношений, который указывает на местонахождение объекта в пространстве. Например, *derrière* (фр. *ягодицы*, букв. 'сзади'), *abajo* (исп. *половые органы*, букв. 'внизу'), *upstairs* (англ. *туалет*, букв. 'вверх по лестнице', 'наверху'), *el Norte* (исп. *богатые страны*, букв. 'север'), *el Sur* (исп. *бедные страны*, букв. 'юг'). Данный тип отношений можно назвать пространственным.

Отдельной подгруппой в группе локальных метонимий можно считать тип переноса по линии топоним – связанная с ним реалья. Так, например, в немецком языке топоним *Kölnstraße* (г. Бонн) может обозначать лечебное учреждение для душевнобольных людей

¹Метонимический перенос по линии целое – часть может приводить к сужению значения. Примером такого семантического процесса может служить английское существительное *loins* (поясница), эвфемистическое значение которого (половые органы, чресла (*библ., поэт.*)) зафиксировано всеми современными словарями.

²Эвфемистический смысл «туалет» является результатом цепочки метонимических трансформаций разных типов. Так, например, туалетный столик – процесс одевания – функциональный тип; процесс одевания – комната, где одевание происходит – локальный тип и т. д. В этой связи можно привести замечание А. А. Реформатского о том, что «при метонимии лишь соседние звенья <...> цепи переноса названия поддаются объяснению, связь же последующих звеньев идет от одного к другому последовательно и опосредованно...» [3, с. 86].

по названию улицы, где такого рода клиники традиционно располагались. *Macuba* в итальянском языке стал названием специального сорта ароматического табака, который там производился (Макуба, о. Маргиника).

Помимо синекдохи и локального типа отношений, существенную роль в процессе эвфемизации играет темпоральный тип. Показательным примером результата метонимического переноса по линии отрезок времени – событие можно считать эвфемизмы *period* (англ.), *Periode* (нем.), *periodo* (исп.) со значением менструация.

Отдельно следует отметить такой тип метонимического переноса при образовании эвфемистических значений, как казуальный (т. е. перенос по линии причина – следствие). Так, например, если человек чересчур весел (что для него нехарактерно), могут сделать предположение, что он пьян (т. е. «навеселе»). Сравните эвфемистический смысл «пьяный» лексем *gai* (фр.), *alegre* (исп.), *allegro* (ит.), *merry* (англ.), *jolly* (англ. *уст.*).

С казуальным типом метонимии определенным образом связан также такой частный случай метонимического переноса, как металепис, важность которого подчеркивает В. П. Москвин. Для иллюстрации он приводит пример, предложенный Б. В. Томашевским: «Останавливаться строго запрещается» (надпись на стене дома) [2, с. 64]. Другим примером металеписа можно считать значение «пойти в туалет» глаголов *to disappear* (англ. *букв.* 'исчезнуть'), *sortir* (фр. *букв.* 'выйти'), *salir* (исп. *букв.* 'выйти'), *verschwinden* (нем. *букв.* 'исчезнуть').

Однако такое «дробное» описание различных типов метонимического переноса в контексте изучения эвфемистического значения мало что дает для понимания сущности эвфемии, тем более что во всех анализируемых языках действуют одни и те же типы. Значительно более важным для анализа эвфемистической номинации оказывается когнитивный ракурс рассмотрения метонимии, при котором метонимия трактуется как механизм формирования семантики эвфемистических единиц, который наряду с концептуальной метафорой представляет собой базовый механизм конструирования эвфемистических фондов в романских и германских языках.

При изучении концептуальной метонимии необходимо учитывать несколько принципиальных моментов. Во-первых, при концептуальной метонимии происходит активизация элементов одной

концептуальной структуры любой степени сложности, которая может иметь как динамичный, так и статичный характер. Как известно, стереотипный сценарий распития спиртных напитков включает параллельное потребление пищи (*a good lunch* англ.), общение с друзьями (*to see a friend* англ.), повод, который можно отметить (*to celebrate* англ.), произнесение тостов и чоканье бокалами (*trinquet* фр.) и т. д. Приведенные языковые единицы – это эвфемистические выражения для процесса потребления алкоголя (или такого мероприятия), которые позволяют отдельному аспекту действия (потребление спиртного) «скрыться» за самим действием (празднование какого-то события, общение с друзьями и т. д.), при этом часть репрезентируется через целое (или другую часть). Описанная модель метонимической репрезентации, активная во всех анализируемых языках, позволяет акцентировать основополагающую в контексте анализируемой табуированной сферы идею *естественности* и нормальности номинируемого явления, воспринимаемого через призму повседневной рутины. Механизм концептуальной метафоры, в свою очередь, заключается в активизации концептов, принадлежащих к разным сегментам (доменам, блокам) концептуального номинативного базиса. Так, например, семантика французского эвфемистического сочетания *saler le soupe* (использовать допинг во время спортивных соревнований, букв. 'солить суп') конструируется на базе метафорического представления о приеме наркотических веществ как о приготовлении пищи (активизация метафорического концепта КУЛИНАРИЯ).

Во-вторых, всё многообразие типов метонимических переносов в своей классической интерпретации может быть сведено к ограниченному репертуару концептуальных моделей метонимической репрезентации, среди которых для эвфемистической номинации оказываются продуктивными главным образом две основные – это репрезентация целого концепта путем апеллирования к одному из его составных элементов (целое через часть) и, напротив, репрезентация одной из частей концепта посредством активизации всей концептуальной структуры (часть через целое). Причем, в классических табуированных областях (смерть, секс, пьянство) и в «новых» сферах (наркомания, гомосексуализм, социально-производственные отношения) частотность реализации отмеченных метонимических моделей оказывается разной. В то время как активизация первой концептуальной модели отмечается примерно в одинаковом количестве случаев как

в традиционных номинативных сферах, так и в «новых», то реализация модели «часть через целое» характерна преимущественно для новой эвфемии. Данный факт можно объяснить, очевидно, большей номинативной «возможностью» обобщенных концептов репрезентировать стигматичные явления, выводя в фокус номинации базовые в контексте современного «политкорректного» взаимодействия нейтральные идеи *естественность, безобидность, необходимость, выбор, изменение*.

В ходе анализа специфики реализации метонимических моделей в разных табуированных сферах обращает на себя внимание еще одна особенность современной эвфемистической номинации, которая заключается в том, что в некоторых случаях практически невозможно с уверенностью констатировать, какой из двух базовых типов метонимических моделей формирует семантику эвфемизма. Так, например, в английском примере *reorganization* (увольнение, ср. тж. *reestructuración* исп., *restructuration* фр.) обобщенный концепт «реорганизация» является одновременно и частью номинируемого концепта увольнения, и сам включает этот концепт в себя, поскольку стереотипное представление о массовых увольнениях предполагает, что увольнение – это неотъемлемая часть реорганизации компании и одновременно глобальная стратегия, одним из следствий которой может быть перестройка, реорганизация фирмы. Другим примером подобной «трансформации» метонимической модели может служить английский эвфемизм *odd* (букв. 'странный'), используемый для эвфемистического номинирования гомосексуальной наклонности. Так, если человек имеет гомосексуальные наклонности, он может считаться странным (*queer, odd, peculiar* англ.). С другой стороны, человека со странным стилем поведения могут заподозрить в нетрадиционной сексуальной ориентации. Другими словами, во многих европейских лингвокультурах концепт СТРАННОСТЬ (НЕОБЫЧНОСТЬ) может являться одновременно и строевым элементом концепта ГОМОСЕКСУАЛЬНАЯ НАКЛОННОСТЬ и, будучи достаточно обобщенным концептом, по инференции включать этот концепт в себя в качестве одной из составных частей. Отмеченная трудность в идентификации метонимических моделей для репрезентации различных табуированных и стигматичных явлений позволила некоторым исследователям выделить отдельный способ эвфемизации, который Б. Уоррен предложила именовать «импликация» [4]. Однако по

всей видимости, импликация – это не самостоятельный способ образования эвфемистических единиц, а важнейшая когнитивная операция, задействованная в процессе создания и дешифровки эвфемизмов, семантика которых во многих случаях базируется на метонимических концептуальных моделях.

В заключение заметим, что в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания концептуальную метонимию следует трактовать не только как семантический способ образования эвфемизмов, а прежде всего как базовый концептуальный механизм формирования значения, который наряду с концептуальной метафорой может лежать в основе самых разнообразных способов эвфемизации, в том числе фонетических (например, звукоподражание: *put* исп. *дефекация*) и морфологических (например, усечение: *spielen* нем. *играть в карты*, букв. 'играть').

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кацев А. М.* Языковое табу и эвфемия. – Л.: Ленинград. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1988. – 79 с.
2. *Москвин В. П.* Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 2001. – № 3. – С. 58–70.
3. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. – М.: Аспект пресс, 1996. – 536 с.
4. *Warren B.* What euphemisms tell us about the interpretation of words // *Studia linguistica*. – Oslo–Stockholm: Scandinavian University press, 1992. – № 2 – P. 128–172.

УДК 811.133.1

В. В. Пылакина

кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка переводческого факультета МГЛУ; e-mail: veronikap2002@mail.ru

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА СМС ВО ФРАНЦИИ

В статье речь идет о таком современном и ярком явлении в области французского письменно-литературного языка, как язык СМС-сообщений, рассматривается специфика этого языка и процессов, которые в нем протекают, а также особенности групп населения, которые его используют.

Ключевые слова: язык СМС; аббревиация; фонетизация; апокопа; афереза; буквенно-цифровой ребус; верлан; заимствование из английского; отсутствие согласования во множественном числе и в женском роде.

Py lakina V. V.

Ph. D., Associate Professor of French Department, Faculty of Translation and Interpretation, MSLU; e-mail: veronikap2002@mail.ru

EVOLUTION OF SMS-LANGUAGE IN FRANCE

The article presents such an actual and vivid phenomenon of literary written French as SMS language. It deals with this language features and internal processes, as well as with peculiarities of social groups using it.

Key words: SMS language; abbreviation; phonetization; apocopation; apheresis; alphanumeric conundrum; verlan; English loanword; absence of concord in plural and feminine.

Каждый пишет, как он слышит,
Каждый слышит, как он дышит.
Как он дышит, так и пишет...

Б. Окуджава

Эволюция современного французского языка в настоящее время особенно ощущается в языке СМС-сообщений и Интернета. Языку французских СМС свойственны те же процессы, которые протекают и в национальном письменно-литературном языке, но здесь они часто приобретают утрированную, гротескную, иногда уродливую, с точки зрения носителей литературного языка, форму. Безусловно, к использованию языка СМС больше тяготеет молодежь, хотя и люди среднего возраста могут иметь выраженную тенденцию к его использованию для того, чтобы подчеркнуть, что они еще молоды. Логично было бы предположить, что язык СМС чаще встречается

в языке малообразованной молодежи, в том числе мигрантов, плохо владеющих французским языком вообще и его письменной формой в особенности. Это отчасти верно. Однако интересно, что такой искаженный язык может быть свойствен и грамотным молодым людям из хороших французских семей, что называется *Français de souche*. В этом случае его использование может быть обусловлено протестом против существующих норм и правил, который является одной из отличительных черт французской молодежи. Другой причиной использования такого языка может быть некая бравада и завышенная самооценка. В этом случае молодой человек считает, что он настолько хорошо все знает, что может и пренебречь нормами. И наконец, это может быть некая игра в демократию. Молодой человек хочет сказать, что несмотря на свое происхождение, он такой же, как и основная масса французской молодежи. Причем грамотная и хорошо образованная молодежь, использующая язык СМС, никогда не путает, когда и на каком языке надо писать, и, вопреки ожиданиям, использование языка СМС образованной молодежью из хороших французских семей с традициями не приводит к снижению уровня ее грамотности при письме на литературном французском языке. Напротив, для малообразованных людей и детей эмигрантов из предместий наличие двух параллельных норм является проблемой. Язык СМС скрывает их безграмотность, а нормативным письменно-литературным французским языком они не владеют, не видят необходимости в его освоении, не всегда имеют возможность его освоить и редко достигают в этом деле успехов. В этом случае язык СМС служит для таких молодых людей хорошей ширмой. Кроме того, во французском обществе в настоящее время высоко стремление к буквальному воплощению в жизнь девиза французской республики «Liberté, Égalité, Fraternité» («свобода, равенство, братство»), и использование языка СМС, если не всей французской молодежью, то существенной ее частью, создает некую иллюзию, фикцию равенства. Высокая степень распространения языка СМС в среде французской молодежи привела к появлению неологизма *textiste* (< texto «СМС»).

К процессам, происходящим как в современном письменно-литературном языке, так и в языке СМС, следует отнести, например, **аббревиацию**. Французский язык уже давно отдает предпочтение сокращенным словам. Для языка СМС они стали одной из отличительных черт, например:

bcp < beaucoup, bjr < bonjour, bsr < bonsoir, FR < France,
cad – c'est-à-dire, rdv – rendez-vous; slt < salut, stp < s'il te plaît,
WE < week-end) [1; 2; 3; 7; 8].

В некоторых случаях аббревиация сопровождается **фонетизацией** письма, когда написанные буквы надо произнести, чтобы стал понятен смысл написанного (HT < acheter, Kdo < cadeau, C – c'est). Существует определенная условность в написании фонетических аббревиатур. Если буквы прописные, то они произносятся так, как в алфавите, т. е. слогами. Если строчные, то они обозначают те же звуки, что и в общепринятом письме:

douT < douter, frR < frère; L < elle; NRV < énervé, N < haine;
TT < t'étais, inHeV – inachevé, Dzolé – désolé.

Под фонетизацией письма понимается процесс, когда пишущий, чаще от собственной безграмотности, реже для большей скорости, практически изображает фонетическую транскрипцию известными ему средствами, т. е. как он слышит, так и пишет:

alé < aller; aprè < après; avan < avant; ki < qui; ke < que;
sayé < ça y est; cê < ces; chuis < je suis, kil < qu'il) [там же].

Иногда фонетизации подвергаются целые фразы, например:

j'tapLdj'pe < je t'appelle dès que je peux;
jetelédjadi < je te l'ai déjà dit; vazi < vas-y;
tabitou < tu habites où; komencava < comment ça va? [там же].

Очень странно и совершенно не по-французски выглядит выражение *kissekadissa* (< *пазг.* Qui c'est qu'a dit ça? < *лит.* qui c'est qui a dit ça?). Ответом на него может служить нечто, подобное *cémoi* (< c'est moi).

Другими распространенными средствами французского языка СМС являются апокопа и афереза.

Под **апокопой** понимается сокращение последних слогов слова, например, *akro* (< *ассро* < *ассрочé*) [4]. В данном случае, имеет место также фонетизация письма. Другим примером апокопы могут служить существительные *mes* «garçon» (< *mécanicien*), *mess* (< *message*), *anif*, с оглушением конечной согласной, (< *anniversaire*), и наречие *dak* «хорошо» (< *d'accord*).

Афереза – это усечение начальных слогов слова [там же], например, *blème* < *problème*, *net* < *Internet* [1; 2; 3; 7; 8]. Следует отметить,

что афереза во французском языке встречается существенно реже, чем апокопа.

Ребусы – это замена части букв или, реже, всех букв, для быстроты и краткости письма цифрами и/или символами. Такие послания можно понять, только если их произнести, например:

10ko < dico < dictionnaire; fr8 < fruit, 2 < de; 6 < si; 7 < cet; cette;
9 < neuf; 100 < sans; D100 < descends; 2m1 < demain;
@2m1 – à demain; l8 < lui; A + < à plus tard; al1di < à lundi;
en + < en plus; ok1 < aucun; Ojourd'8 < aujourd'hui; bi1 < bien;
bi1sur < bien sûr; ri1 < rien; C2 labal < c'est de la balle;
C mall < c'est malin; 6gar < cigare; 6garet < cigarette;
D6D < décider; 2van < devant, 5pa < sympa;
après-mi10, A12C4 – à un de ces quatre (jours) [1; 2; 3; 7; 8].

Однако иногда при замене слова символами произнесение не дает никаких результатов, символическое обозначение не всегда связано с фонетикой. В этом случае в дело вступает догадка, например: x < crois, – < moins, + < plus [там же].

Верлан – инверсия < (à) l'envers [2, с. 2079] – это кодированное, первоначально воровское, аргю парижских пригородов, известное еще со времен Средневековья, состоящее в образовании новых слов путем перестановки слогов, что может сопровождаться фонетическими изменениями [4, с. 252], нашло свое место в современном мире и успешно закрепилось в языке французской молодежи вообще и в языке СМС, в частности, например:

meuf < femme; ouf < fou; chanmé < méchant; keum < mec или mek;
ziva < vas-y; Cfran < céfran < français; teuf < fête [1; 2; 3; 7; 8].

Причем лексему *teuf* (вместо нормативного *fête*), например, в выражении *bonne teuf!* можно встретить в устной и письменной речи французов, которые утверждают, что они вообще не употребляют верланизированные формы и не прибегают ни к каким ненормативным сокращениям, т. е. это слово всё чаще входит в общелитературный язык и перестает восприниматься носителями как арготизм. Верланизированное выражение *ziva* также получило очень широкое распространение во французском языке, в ряде случаев оно становится словом-паразитом, которое употребляется повсеместно и без необходимости.

Займствования из английского языка, если они короче своих французских аналогов, например, *go* вместо *aller*, *LOL* или *lol* вместо

éclater de rire или *mort de rire*, и это несмотря на то, что последнее французское выражение имеет сокращенную форму *mdr*. Иногда заимствование происходит потому, что во французском языке нет сходного краткого выражения, например, *asap* (< англ. as soon as possible) [1; 2; 3; 7; 8]. В некоторых случаях применяются заимствованные из английского буквенно-цифровые ребусы, например, 4me < pour moi, 2day < aujourd'hui; 2L8 < trop tard [там же]. Есть прецеденты, когда заимствование конкурирует с собственно французским словом, например, в последнее время англицизм *job* «travail» соперничает по популярности с французским существительным *taf*, по происхождению являющимся арготизмом и означающим «часть добычи, полученная каждым членом банды», впоследствии значение существительного *taf* расширилось, и это слово стало означать «работа». Существительное *taf* имеет некоторое преимущество перед существительным *job*, так как от *taf* есть производный глагол *taffer* (или *tafer*).

Отсутствие согласования во множественном числе. Для экономики места и времени согласная *-s*, которая во французском языке в большинстве случаев служит для обозначения множественного числа существительных, прилагательных и причастий, в языке SMS обычно опускается [5]. Это явление пользователи языка СМС относят к «лишним» и «ненужным» знакам, которые подлежат сокращению. Иначе говоря, на языке СМС фраза *nous sommes allés* превратится в *ns som zalé* и т. д. Тоже происходит с **согласованием с женским родом**, например, фраза *je suis occupée* передается как *chuis oQP*, и этот текст действительно не предполагает и не допускает никакого согласования.

Несмотря на споры, которые вызывает язык СМС во французском обществе, иногда на самом высоком, президентском, уровне, этот язык все глубже пускает корни в сознании французской молодежи. Нельзя сказать, что этот сокращенный язык абсолютно бесполезен или более того, вреден, так как студенты, хорошо освоившие эту скоропись еще в колледже или в лицее, успешно применяют язык СМС для записи лекций в вузе. Однако за случайно допущенную ошибку такого рода в «официальной» письменной работе можно потерять 1–2 балла из максимальных 20 [там же]. Если говорить об оценке этого явления, существующей во французском обществе, то ее можно разделить на две точки зрения. С одной стороны, это позиция грамотных и образованных не очень молодых французов, прекрасно владеющих родным языком и очень трепетно к нему относящихся. Эта часть аудитории

выступает крайне против засорения французского языка подобного рода неологизмами. С другой стороны, это позиция молодежи и той части французского общества, которая лояльно относится к различным эксцессам и чудачествам, свойственным юношескому возрасту, считая их своего рода неизбежными «болезнями роста». Эти носители французского языка не видят ничего плохого в развитии языка текстовых сообщений, считая его интересной новой тенденцией, способной еще более обогатить их родной язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Abréviation = chat, sms = langage texto (envoyer / recevoir un SMS ou un texto). – URL: <http://www.ibilce.unesp.br/Home/Departamentos/LetrasModernas/CRIF/langage-du-net-et-emoticones.pdf>
2. Dictionnaire SMS. – URL: <http://www.dictionnaire-sms.com/def.html>; <http://www.lfo.co/>
3. Français: Le langage texto. – URL: http://galleana.blogspot.ru/2013/05/le-langage-texto_29.html
4. *Grevisse M.* Le bon usage. Grammaire française. – 13-e éd. rev. – P. : Duculot, 1993. – 1762 p.
5. *Leclair A., Claude A.* Quand le langage SMS envahit les copies du bac. – URL: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2008/05/17/01016-20080517ARTFIG00653-quand-le-langage-sms-envahit-les-copies-du-bac.php>
6. *Robert P.* Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – P. : Le Robert, 1986. – 2171 p.
7. Smilies et abréviations SMS. – URL: <http://www.france-jeunes.net/lire-smilies-et-abreviations-sms-17925.htm>
8. Vocabulaire français. Niveau avancé. – URL: <http://www.bonjourdefrance.com/exercices/contenu/19/vocabulaire/547.html>

УДК 81'276.6:355

Ю. Н. Сдобнова

кандидат филологических наук, ст. преподаватель ВК при МГЛУ;
e-mail: vk-sdobnova@yandex.ru

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СОВРЕМЕННОГО ВОЕННОГО ДИСКУРСА
(на материале арготизмов-зоонимов
в терминосфере Военно-Морских Сил Франции)**

Статья посвящена некоторым особенностям функционирования арготизмов-зоонимов терминосферы Военно-Морских Сил Франции. Используемый материал для анализа – современные военные термины-зоонимы в периодических изданиях Министерства обороны Франции за 2009–2015 гг.

Ключевые слова: военный дискурс; институциональный дискурс; профессиональный дискурс; дискурс ВМС; военная терминосфера; военные термины; зоологизмы; арготизмы; зоонимы; институциональная военная коммуникация; зоонимы в военном дискурсе ВС Франции.

Sdobnova Yu. N.

Ph. D., Senior lecturer, MSLU; e-mail: vk-sdobnova@yandex.ru

**SOME MODERN MILITARY DISCOURSE
(on the material of zoonyms in French navy terminological sphere)**

The article is devoted to some special features of the Navy terminological sphere zoonyms functioning. The linguistic material for analyses is based on zoonyms from recent texts from the periodical press of the French Ministry of Defense for 2009–2015.

Key words: military discourse; institutional discourse; military terms; zoonyms; Navy discourse; modern tendencies in military discourse; French Armed Forces discourse.

Статья посвящена специфике институционального общения в таком виде военного дискурса, как статусно-ориентированный дискурс военно-морских сил (далее – ВМС), где спорадически в качестве терминов профессионального общения находит свое использование ряд элементов, пришедших из личноно ориентированного дискурса. В данной работе, в частности, мы рассматриваем современные французские арготизмы-зоонимы, функционирующие в терминосфере ВМС военного дискурса Франции, не вошедшие в специализированные словари, с целью типологизации вариантов проникновения таких

субстантивных единиц личностно-ориентированных дискурсивных практик в статусно-ориентированные виды дискурса в рамках профессиональной институциональной коммуникации.

Военный дискурс мы понимаем как особое регламентированное институциональное речепроизводство, характерное для вооруженных сил (далее – ВС) в совокупности всех коммуникативных формаций и в единстве с социокультурными, прагматическими, психологическими факторами, т. е. с теми, которые непосредственно влияют на его порождение и восприятие в рамках института ВС [6]. Язык профессиональной военной коммуникации, обслуживающий институциональный дискурс ВС, с одной стороны, отличается высокой степенью ритуализации коммуникации и унификации узуальных норм. Он, как правило, нейтрален и лишен эмотивности. С другой стороны, ему присущи подвижность и диверсификация отраслевых терминосфер и терминосистем. Институциональная терминосистема – это совокупность терминов, служащих для обеспечения обмена профессиональной информацией, т. е. для осуществления профессиональной институциональной коммуникации в рамках соответствующего вида дискурса [3; 5]. Она вербализуется посредством отраслевых и видовых терминосфер. В нашей статье мы останавливаемся на некоторых особенностях терминосферы, обслуживающей ВС Франции.

Превращение слова в термин – это исторический процесс, связанный с опытом прошлого (в военном дискурсе – с соответствующим этапом развития государства, военного института, науки и техники, военного дела) и зависящий от актуальных институционально-региональных и мировых тенденций настоящего (профессионализация, научно-технический прогресс, глобализация). С одной стороны, термин закрепляется в языке как результат научного осмысления языковой картины мира, но с другой – он становится средством познания определенной профессиональной отрасли. «В связи с быстрым развитием военной науки и особенно военной техники появляются всё новые и новые термины и терминологические словосочетания. Терминологический пласт лексики становится наиболее подвижным элементом военного дискурса, а бурное его развитие заставляет прибегать к определенной унификации терминологии и к регламентации ее употребления в уставном порядке» [8, с. 73]. Официальные военные терминология и терминосистема ВС Франции регламентируются военными ведомствами: Объединенным комитетом по военной

терминологии Министерства обороны Франции и Государственной Военной Комиссией по делам терминологии и неологии, основной целью которых является сохранение и обогащение современного французского языка. Прагматически это обусловлено необходимостью регулярной унификации терминологических единиц в приоритетных для государства областях и защиты французского языка от заимствований. Перечни всех утвержденных французских терминов в разных областях знаний, общественной деятельности, науки и техники регулярно публикуются в Журналь Офисьель [11]. Однако, помимо официальных терминов, в институциональных терминосферах различных видов ВС функционирует своя негласно утвержденная «закодированная» и ритуализированная терминология, преимущественно используемая в устных дискурсивных практиках, к которой мы относим профессионализмы – арготизмы, составляющие *арго* (фр. *argot*), т. е. речь социально или профессионально обособленных групп и сообществ, имеющую профессиональную прикрепленность. Арготизмы (фр. *argotisme*) мы трактуем как семантически преобразованные лексические единицы с яркой экспрессивной окраской, появившиеся в различных социальных, профессиональных дискурсах и вербализующиеся в профессиональном, чаще неофициальном дискурсе. *Военное арго* представляет собой лексическую терминосферу военного дискурса, состоящую из немногочисленных наиболее эзотерических элементов [8], характеризующихся институциональной/ профессиональной маркированностью, выполняющих основную функцию кода или пароля и подчиненную ей коммуникативно-номинативную функцию в дискурсе военного института и противопоставленных в понятийно-функциональном плане своей профессиональной частью узкоспециальной военной терминологии. В данной работе мы рассматриваем арготизмы-зоонимы, т. е. арготизмы, выраженные субстантивными единицами, обозначающими животных. Название последних является гиперонимом, охватывающим ряд частных номинантов, представляющих собой следующие гипонимы: мамалогический – названия млекопитающих, орнитологический – названия птиц, инсектологический – названия насекомых, ихтиологический – названия рыб и водных животных и т. д. В нашей работе арготизмы-зоонимы мы объединяем в группу *зоотизмов*, представляющих класс арготических языковых единиц, обозначающих посредством наименования животных терминологические единицы профессионального социолекта. Согласно

наблюдению ряда лингвистов, арготизмы-зоонимы (и, как мы полагаем, в нашем случае – *зоотизмы ВМС*) обнаруживают спорадическое андроцентричное ориентирование (отождествление мира человека с миром животных) разнообразными способами языкового оформления [4; 7]. Проследим синхронно-динамическое функционирование зоотизмов, полученных методом селективной выборки устных и письменных дискурсивных практик из официальных источников институциональной военной прессы (основной критерий выборки – терминосфера ВМС) [9; 10; 12] на репрезентативных примерах, объединив их по антропоцентричному признаку в следующие 5 групп: *зоотизмы в названии персонала ВМС*, *зоотизмы в обозначении элементов обмундирования военнослужащих ВМС*, *зоотизмы в названии предметов обихода военнослужащих ВМС*, *зоотизмы в названии механизмов и устройств ВМС*, *акронимные зоотизмы*.

В первой группе – *зоотизмы в названии персонала ВМС* (должности, профессии, звания) – мы выделили следующие подгруппы: *наименование должностей ВМС*, *наименование групп военнослужащих*, *наименование воинских званий*. Рассмотрим зоотизмы первой подгруппы – *наименование должностей ВМС*. К ним относится, в частности, зооним *Chien*¹ (или *Chien jaune*), который используется в ВМС при обозначении главного диспетчера на взлетной палубе авианосцев *Directeur de pont d'envol*, в должностные обязанности которого входит координация и управление полетными экипажами при взлете и посадке палубных самолетов и вертолетов. Компонент *jaune* (*желтый*) в арготизме-зоониме появился, вероятно, по причине того, что униформой диспетчера на взлетной палубе является майка соответствующего цвета. Зооним *chien*, возможно, появился в результате метафорического переноса: традиционно произносимой командой этого диспетчера является словосочетание на английском языке «WAVE OFF», призывающее экипажи немедленно освободить полетную палубу для начала осуществления маневров другого летательного аппарата. При быстром произнесении это похоже на оноματοпею *ouaf-ouaf*. Другие примеры этой подгруппы – зооним *Grenouille*, обозначающий метеоролога-океанолога (*météorologiste-océanographe*) и зооним *Hibou*, используемый при наименовании пилота, получившего квалификацию, позволяющую осуществлять посадку на авианосец в ночное время суток.

¹ Зд. и далее примеры приводятся по официальным источникам Министерства обороны Франции [9; 10; 12].

Вторая подгруппа зоотизмов первой группы – *наименование групп военнослужащих*. Субстантивными примерами здесь могут служить зооним *Pingouins*, применяющийся для наименования военнослужащих военно-морской авиации (*personnel de l'aéronautique navale*) и появившийся, вероятно, как результат метонимического переноса, так как на их знаках различия изображен якорь с крыльями, и зооним *Marsouins* (дословный перевод *морская свинка*), широко использующийся как в устных, так и в письменных дискурсивных практиках и обозначающий как в профессиональном дискурсе ВМС, так и в институциональном военном дискурсе ВС Франции морских пехотинцев.

К третьей подгруппе зоотизмов первой группы – *наименование воинских званий* относятся зоонимы *Crabe*, который используется для обозначения звания матросов (*quartier-maître de deuxième classe*) и *Cap de veau*, обозначающий звание капитан 1-го ранга (*capitaine de vaisseau*).

Вторая группа – *зоотизмы в обозначении элементов обмундирования военнослужащих ВМС*, представлена зоонимами *Sardines* (профессионально-арготическое обозначение галонов офицерского состава ВМС) и *Pingouin* (профессионально-арготическое обозначение знаков различия военнослужащих военно-морской авиации, на которых изображен якорь с крыльями).

Третья группа нашей классификации – *зоотизмы в названии предметов обихода военнослужащих ВМС*. К ней мы относим, в частности, зооним *Renard*. *Renard* – это сводная таблица присутствия / отсутствия офицеров на борту корабля ВМС, которая включает имя, должность, фото каждого офицера и передвижную створку для обозначения его присутствия / отсутствия на борту.

Зоонимы четвертой группы, которую мы обозначили, как *зоотизмы в названии механизмов и устройств, используемых персоналом ВМС*, представлены субстантивными единицами *Cochon* (металлический буй желтого цвета, используемый при обнаружении и уничтожении мин тралами), *Poisson* (название гидроакустических станций, буксируемых фрегатами противолодочного охранения), *Rat bleu* (радиолокационный эхо-сигнал, направленный на создание помех в работе оборудования противника).

Пятая группа – *акронимные зоотизмы* стоит обособленно и объединяет субстантивные элементы аббревиатурного происхождения, заимствованные и полностью или частично омонимичные

цельноформленным словам английского языка, например зооним *CAT* (диплом о техническом образовании, фр. *Certificat d'aptitude technique*) – омонимично англ. *cat* (*кошка*), а зооним *Lynxman* (пилот вертолета LYNX, который был совместно разработан французами и британцами) включает в себя слова, омонимичные фр. *lynx* – *рысь* и англ. *man* – *человек*. В данных примерах выбор способа аббревиации продиктован лингвистической причиной, доминирующей в последние десятилетия: возможностью и стремлением произносить аббревиатуры как единые слова. «Экономия речевых средств – необходимое условие для концентрирования информации в целях повышения эффективности общения» [1, с. 32]. К этой группе зоонимов мы относим также пример из терминосферы сухопутных войск ВС Франции, применяемой в ВМС, интересный его французской (а не английской) оболочкой происхождения: *FELIN* (*Fantassin à Equipement et Liaison Intégré* – *пехотинец, в полной экипировке с интегрированной системой связи*). Аббревиатура-«донор» *FELIN* омонимична лексической единице общего языка – зоониму *félin* (*кошка, представитель семейства кошачьих*). Маркированные аббревиатуры-лексемы подобного рода называются В. В. Борисовым аббревиатурами, паразитирующими на словах общего языка [1].

Рассмотренный материал показал, что язык профессиональной военной коммуникации, обслуживающей институциональный дискурс ВС Франции постоянно эволюционирует и в синхронной динамике не исключает возможности вкраплений в профессиональный дискурс терминологических элементов личностно ориентированного дискурса, которые в свою очередь довольно быстро ассимилируют в институциональный военный социолект. Анализ семантической типологии представленных в статье арготизмов-зоонимов выявил тенденции к антропоцентризму в замкнутой системе терминосферы ВМС ВС Франции и показал перспективность регулярного изучения аналогичных явлений в других типах статусно-ориентированных профессиональных дискурсов в рамках общего институционального дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия: Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. – М. : Воениздат, 1972. – 320 с.
2. Коровушкин В. П. Основы контрастивной социолектологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Пятигорск, 2005. – 49 с.

3. *Кудрявцева Н. Б.* Дискурс и система сочинительных союзов современного французского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2009. – 47 с.
4. *Лазаревич С. В.* Лексика и фразеология русского военного жаргона: семантико-словообразовательный анализ. – Н. Новгород : 2000, 251 с.
5. *Миньяр-Белоручев Р. К.* Учебник военного перевода: французский язык. Общий курс / Р. К. Миньяр-Белоручев, В. П. Остапенко, А. Ф. Ширяев. – М. : Воениздат, 1984. – С. 3–20.
6. *Сдобнова Ю. Н.* Лингвистическое отображение современных социальных тенденций в институциональном дискурсе вооруженных сил Франции: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 218 с.
7. *Семина И. А.* Когнитивно-функциональное описание широкозначных имен существительных. Антропонимы французского языка. – М. : Тезаурус, 2013. – 353 с.
8. *Стрелковский Г. М.* Теория и практика военного перевода: немецкий язык. – М. : Воениздат, 1972. – 272 с., ил.
9. *Cols Bleus.* Le magazine de la Marine nationale française. – URL : www.widget.calameo.com/library/?type=subscription&id=335943&rows=5&sortBy=latestPublished&theme=wood
10. Défense. Site du ministère de la Défense de la France. – URL : www.defense.gouv.fr
11. Journal Officiel. – URL: <http://franceterme.culture.fr/>
12. Terre information magazine. Magazine de l'Armée de Terre. [Электронный ресурс]. – URL : www.widget.calameo.com/library/?type=account&id=63302&rows=5&sortBy=latestPublished&theme=metal

УДК 81'373

И. А. Семина

доктор филологических наук, доцент; заведующая кафедрой лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка МГЛУ;
e-mail: gramethistor_ffya@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ФУНКЦИИ ФРАНЦУЗСКИХ ШИРОКОЗНАЧНЫХ АНТРОПОНИМОВ В ДИСКУРСИВНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

Статья посвящена исследованию естественной и многосторонней связи антропонимической номинации и категоризации в целом. Установлены и рассмотрены некоторые дискурсивные функции широкозначных антропонимов, среди которых – функции инкапсуляции, генерализации, субкатегоризации. Исследование подтвердило, что построение категорий является одной из важнейших когнитивных функций широкозначных антропонимов французского языка, обладающих высоким уровнем семантической обобщенности.

Ключевые слова: антропонимы; эврисемия; функция инкапсуляции; функция генерализации; функция субкатегоризации.

Syomina I. A.

Ph. D., Associate professor; Head of the department of Lexicology and Stylistics of the French language, Faculty of the French language, MSLU,
e-mail: gramethistor_ffya@mail.ru

SOME FUNCTIONS OF WIDE-MEANING ANTHROPONIMICS IN THE CATEGORIZATION OF THE DISCOURSE

This article is devoted to the research of natural connection of the anthroponomic nominations and their categorization. Some discursive functions of wide-meaning nouns (function of encapsulation, generalization and subcategorization) are analyzed. The research shows that the construction of categories happens to be one of the most important cognitive functions of French wide-meaning anthroponimics.

Key words: anthroponimics; evrisemiya; function of encapsulation; function of generalization; function of subcategorization.

При исследовании функционального аспекта эврисемии основное внимание уделялось, как правило, изучению таких функций широкозначных единиц, как функция замещения, или субституции (Г. Б. Давыдова, М. П. Ионицэ, Н. П. Кудрявцева, Р. И. Розина, М. А. К. Halliday & R. Hasan), функция характеристики и концептообразующая функция (Н.-J. Schmid), функция грамматикололизации (М. Я. Блох & И. С. Лотова, М. Д. Берёзко, Г. И. Никитина, О. Н. Судакова, А. А. Уфимцева), связующая, или текстообразующая функция (М. Я. Блох, R. Beaugrande,

В. Palek, P. Werth). Вместе с тем отмечалось, что широкозначным лексемам присуща основная функция любого знаменательного слова, а именно собственно номинативная: «Использование широкозначных слов в собственной функции отвечает задаче обозначения вещей, явлений, событий действительности в наиболее общем, а не специализированном виде» [4, с. 71]. Кроме того, такие широкозначные существительные, как антропонимы¹, на материале которых проводится данное исследование, хорошо приспособлены для выполнения обеих основных коммуникативных функций – идентифицирующей и характеризующей, и, следовательно, сочетают в себе свойства идентифицирующих и предметных имен [1; 2]. Так, в сочетании *Он станет человеком* широкозначный антропоним служит для характеристики, поскольку речь идет о том, что он станет «взрослым или настоящим человеком»; в сочетании *Человек у витрины* антропоним выполняет идентификацию.

Отмечается также классифицирующая, или категоризирующая, функция широкозначных антропонимов, которая рассматривается как первичная, сопровождающаяся функцией характеристики [3]. Однако, как показал анализ корпусов институциональных текстов, в рамках выполнения широкозначными именами общей функции категоризации при построении новых и воссоздании старых категорий данные единицы призваны осуществлять ряд частных функций, среди которых мы выделяем, в частности, функции инкапсуляции, генерализации, субкатегоризации.

Функция инкапсуляции может быть названа также функцией стяжения, или компрессии. Во французском языке она осуществляется широкозначным именем (*инкапсулирующее имя*, или *инкапсулятор*) по отношению к менее широкозначным или узкозначным

¹ Вместе с тем, широкозначным лексемам (в нашем случае исследование проводится на материале французских антропонимов) присуща основная функция любого знаменательного слова, а именно – собственно номинативная: «Использование широкозначных слов в собственной функции отвечает задаче. Антропоним рассматривается нами как любое имя, которое может иметь человек. В качестве подобного имени может выступать «собственное, личное имя человека в соответствии с национальными или общественными традициями, с принятым способом именованя граждан в данном государстве. В качестве собственных названий людей выступают имена, отчества, фамилии, родовые, общественные, фольклорные, мифологические, индивидуальные, наименования, криптонимы, прозвища» [5, с. 20].

словам, называемым в настоящем исследовании *инкапсулируемыми*. В процессе осуществления данной функции более широкая категория, обозначаемая инкапсулятором, «стягивает» более мелкие субкатегории, обозначаемые инкапсулируемым существительным.

Разработанные нами критерии широкозначности [3] позволяют представить категорию широкозначных антропонимов, участвующих в построении категорий в дискурсе, в виде ядерно-периферийной зоны, в которой наблюдается постепенный переход от прототипических ядерных широкозначных лексем к периферийным. Как первые, так и вторые антропонимические лексемы в разной степени отвечают критериям широкозначности. При этом антропонимы ядерной зоны называются нами ядерными широкозначными антропонимами, а периферийной зоны – периферийными широкозначными антропонимами.

Исследование дискурсивных функций широкозначных имен проводилось нами на материале франкоязычных текстов из газет и журналов, принадлежащих к четырем типам институционального дискурса: юридическому, философскому, научному и СМИ.

В дискурсе СМИ функция инкапсуляции осуществляется чаще всего ядерными широкозначными антропонимами *personne f* и *être m humain* по отношению к антропонимам различных уровней категоризации:

(1) «Четыре человека – мать и ее трое детей»: *Quatre personnes, une mère et ses trois enfants, sont mortes dans «l'incendie généralisé» d'un pavillon tôt mardi matin à Mantes-la-Jolie (Yvelines), a-t-on appris auprès des pompiers [6];*

(2) «Один человек: отец, брат, дядя, сын»: *Et Jermaine de continuer, en sanglots: «Alors le dépeindre comme ce personnage qu'il n'est pas, ça me perturbe, ça perturbe ma famille. Il faut le laisser tranquille, arrêtez de tenir ces propos injurieux, que faut-il faire encore pour que les gens comprennent que c'était juste un être humain : un père, un frère, un oncle, un fils [там же].*

(3) «11 человек: полицейские, судьи, их секретари, эксперты»: *Onze personnes au total, des policiers, des magistrats, leurs greffiers, des experts, fouillent l'appartement [там же].*

(4) «Три человека: двое мужчин-турок по происхождению и одна женщина»: *Quinze jours après les faits, les policiers ont à Toulouse interpellé trois personnes: deux hommes d'origine turque et une femme [там же].*

(5) «Семь человек – два пожилых человека, три полицейских и два пожарника»: *Si aucune victime n'est à deplorer, sept personnes – deux personnes âgées, trois policiers et deux pompiers – ont été légèrement blessées ou intoxiquées [6].*

(6) «Два человека – пастух и животновод»: *Deux personnes – un berger et un éleveur – sont mortes jeudi dernier, l'enquête est ouverte pour «incendie criminel», selon l'agence Ansa [там же].*

(7) «От 3000 до 4000 человек в год – наемных работников и заказчиков»: *Et que, depuis janvier, s'est ouvert, au parc d'activités de la Duranne, un campus destiné à accueillir de 3000 à 4000 personnes par an – salariés et clients – pour des formations maison [там же].*

Вместе с тем, инкапсулирующий антропоним может выступать в сочетании с атрибутом в составе атрибутивной конструкции, как в следующем далее примере (8) из научного (социологического) текста, где ядерный широкозначный антропоним *personne f* сопровождается двумя атрибутами, выраженными прилагательным *ordinaires* и причастным оборотом *regroupées aux côtés de familles menacées d'expulsion en une multiplicité de comités de soutien ancrés dans les écoles*. При этом атрибутивная конструкция с антропонимом *personne f* выполняет функцию компрессии, поскольку обозначает более широкую антропонимическую категорию, чем каждый из инкапсулируемых антропонимов – *parents, enseignants, voisins*:

(8) «Обычные люди – родители, преподаватели и соседи, объединенные в школах в комитеты в поддержку семей, которым угрожает выселение»: *Emanant de personnes ordinaires – parents, enseignants et voisins – regroupées aux côtés de familles menacées d'expulsion en une multiplicité de comités de soutien ancrés dans les écoles, les actions de solidarité autour de familles sans papier dessinent un vivre ensemble qui est «moins un être-ensemble qu'un agir-ensemble» que les trois mobilisations étudiées n'ont fait qu'esquisser [9].*

В других типах дискурса также выполняется функция инкапсуляции. Так, в научном дискурсе она реализуется собственно широкозначным антропонимом *personne f* в составе атрибутивной конструкции *la personne qui se sent trahie* относительно широкозначных антропонимов, обозначающих более мелкие категории *homme* или *femme*:

(9) «Человек, чувствующий себя обманутым, – мужчина или женщина»: *Si elle a été brutale, la blessure de la personne qui se sent trahie – homme ou femme – s'apparente à un syndrome post-traumatique [9].*

В примерах из юридического дискурса эта функция осуществляется конструкцией *personnes à risque* (пример 10) и конструкцией *des personnes vulnérables* (пример 11) по отношению к инкапсулируемым антропонимам и атрибутивным конструкциям: *enfants, personnes âgées, personnes à complications pulmonaires* (10) и *femmes enceintes, personnes âgées, victimes de tortures, des mineurs isolés* (11):

(10) «Лица, составляющие группу риска (дети, пожилые люди, лица с легочными осложнениями)»: En France, les tests de dépistage sont désormais réservés en priorité aux *personnes à risque (enfants, personnes âgées, personnes à complications pulmonaires)* [7].

(11) «Лица уязвимые – беременные женщины, пожилые люди, жертвы пыток, некоторые несовершеннолетние»: Dans le contrôle policier des étrangers, directive européenne – la circulaire de la honte – qui permet d’augmenter la durée de rétention à 18 mois, détention et éloignement des *personnes vulnérables – femmes enceintes, personnes âgées, victimes de tortures, des mineurs isolés – renvoie des étrangers dans un pays de transi* [7].

Таким образом, функцию инкапсуляции могут реализовать не только ядерные широкозначные антропонимы, употребляющиеся без атрибутов (примеры 1–7), но и ядерные широкозначные антропонимы, функционирующие в составе атрибутивных конструкций (примеры 8–11). В качестве инкапсулятора выступают также периферийные широкозначные антропонимы (примеры 12, 13), функционирующие в составе атрибутивных конструкций:

(12) «Президенты, премьер-министры, международные служащие, эти мужчины и женщины, принадлежащие к властным структурам»: Les protestants dans le monde, *présidents, premiers ministres, hauts fonctionnaires internationaux, ces hommes et femmes de pouvoir nourrissent leur action à la source de leur foi* [6].

(13) «Члены семейного совета – родители и сторонники отца и матери несовершеннолетнего ребенка, которые проявляют к нему интерес»: Peuvent être *membres du conseil de famille, les parents et alliés des père et mère du mineur* ainsi que toute personne résidant en France ou à l’étranger, *qui manifestent un intérêt pour lui* [9].

Так, в качестве инкапсулятора выступают периферийные широкозначные антропонимы *hommes et femmes de pouvoir* «мужчины и женщины, принадлежащие к властным структурам» (в примере 12 из текстов СМИ), а также периферийные широкозначные антропонимы

с атрибутом *membres du conseil de famille* «члены семейного совета» (в примере 13 из психологических текстов).

Анализ примеров показывает, что инкапсуляторы могут принадлежать к широкозначным как ядерным, так и периферийным единицам. Однако широкозначный антропоним или атрибутивная конструкция «широкозначный антропоним + атрибут» могут выполнять функцию инкапсуляции (выступая при этом в роли инкапсулятора) только в случае, если обозначаемая ими категория крупнее, чем (суб) категории, обозначаемые инкапсулируемыми широкозначными антропонимами или атрибутивными конструкциями.

Особенность инкапсулируемых имен заключается не только в том, что они обозначают менее широкие субкатегории, чем инкапсуляторы, но и в том, что они так же, как и последние, могут принадлежать к разным уровням иерархии. Так, в примере 1 инкапсулируемые периферийные широкозначные антропонимы *une mère, ses enfants* принадлежат к среднему уровню иерархии, а в примерах 3 и 6 узкозначные антропонимы *policiers, magistrats, greffiers, experts* и *berger* и *éleveur* – к субординатному уровню. Кроме того, инкапсулируемые антропонимы употребляются в тексте как с атрибутами (примеры 10, 12, 13), так и без них (примеры 2, 3, 6–8).

Выполняя функции инкапсуляции, ядерные и периферийные широкозначные антропонимы стягивают в единое целое несколько менее крупных субкатегорий или индивидуальных объектов, т. е. отдельных индивидов, относя их к тому или иному классу людей и выводя их на более высокий уровень категоризации. Так, в примере 14 антропонимы – имена собственные – *Dominique de Villepin* и *Nicolas Sarkozy* объединяются в антропонимическую категорию, обозначаемую ядерным широкозначным антропонимом *homme m* «человек». При этом имя собственное *Nicolas Sarkozy* «продублировано» периферийным антропонимом с атрибутом *son meilleur* «ennemi» *politique* «его самый главный политический противник». Подобный пример показывает, что не только инкапсулятор (пример 12), но и инкапсулируемая конструкция (пример 14) даже в рамках одного случая инкапсуляции могут быть представлены дважды единицами различных уровней, например именем собственным *Nicolas Sarkozy* и периферийным широкозначным антропонимом с атрибутом *son meilleur* «ennemi» *politique*:

(14) «Доминик де Вильпен и Николя Саркози, его самый главный политический «противник» – оба человека...»: Lors des audiences, *Dominique de Villepin* et ses avocats s'en sont tenus à une unique ligne de défense: la négation des faits qui lui sont reprochés, la participation à un complot politico-juridique contre la personne de *Nicolas Sarkozy*, son meilleur «ennemi» politique, bien que les deux hommes aient participé à des gouvernements communs lors du second mandat de Jacques Chirac [6].

Функция стяжения обеспечивает вертикальную связность выстраиваемой категории, т. е. широкозначный антропоним, выполняющий данную функцию, фиксирует межуровневые связи между более высоким и более низким уровнями иерархизации, как показано на рисунках 1 и 2.

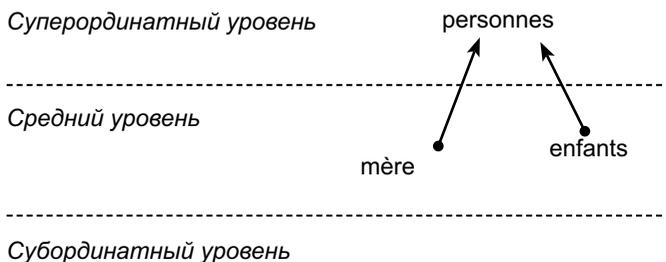

Рис. 1. Фиксация межуровневых связей (пример 1)

При осуществлении функции стяжения в некоторых случаях происходит «пропуск» одного из уровней иерархии. В данном примере пропущен средний уровень:

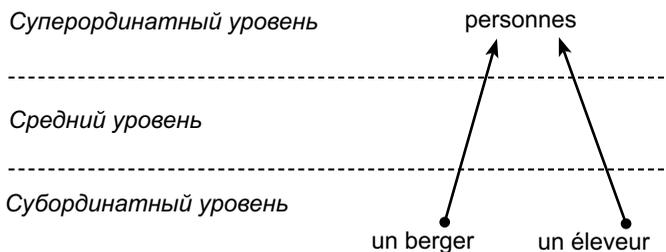

Рис. 2. Фиксация межуровневых связей (пример 6)

Широкозначные антропонимы, осуществляющие функцию инкапсуляции, могут находиться по отношению к инкапсулируемым словам в вводной (примеры 1–7, 9–11, 13) или в заключительной позиции (примеры 12 и 14), стягивая в единое целое несколько менее крупных субкатегорий или отдельных объектов (индивидов). В первом случае мы говорим о *вводной*, а во втором – о *подытоживающей инкапсуляции*.

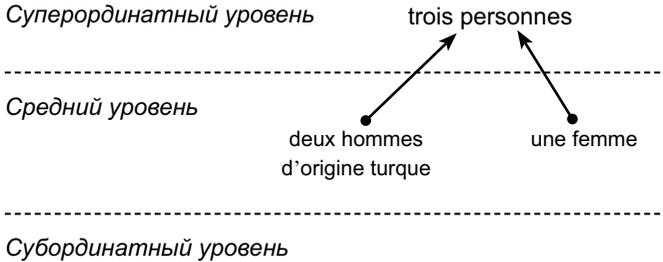

Рис. 3. Направление выстраиваемой категории при вводной позиции инкапсулятора (пример 4)

Пример (8) представляет в этом отношении особый случай, когда инкапсулируемые антропонимы как бы «вклиниваются» в атрибутивную синтаксическую конструкцию, занимая место между ядерным антропонимом *personne f* с первым атрибутом атрибутивной конструкции, представленным прилагательным *ordinaires*, и вторым атрибутом, представленным причастным оборотом *regroupées aux côtés de familles menacées d'expulsion en une multiplicité de comités de soutien ancrés dans les écoles*. Однако, поскольку ядерный широкозначный антропоним *personne f* располагается в первой части атрибутивной конструкции, предшествующей инкапсулируемым именам – *parents, enseignants, voisins* позицию ядерного антропонима *personne f* можно считать вводной. При построении категорий направление ее движения может быть как вертикальным (например, вверх, к более крупным субкатегориям), так и горизонтальным (вширь, между субкатегориями одного уровня).

Так, на рисунке 2 вертикальное движение осуществляется от категории, репрезентируемой с помощью ядерного широкозначного антропонима суперординатного уровня *personne f* от субкатегорий, представленных узкозначными антропонимами субординатного уровня *berger m* и *élèveur m*.

Движение вширь, по горизонтали, реализуется на среднем уровне между субкатегориями, обозначенными периферийными широкозначными антропонимами *mère f*, *enfants m pl* (рис. 1), на субординатном уровне – между субкатегориями, обозначенными узкозначными антропонимами *berger m* и *éleveur m* (рис. 2), и между индивидуальными объектами, вербализируемыми именами собственными *Dominique de Villepin* и *Nicolas Sarkozy* (рис. 4).

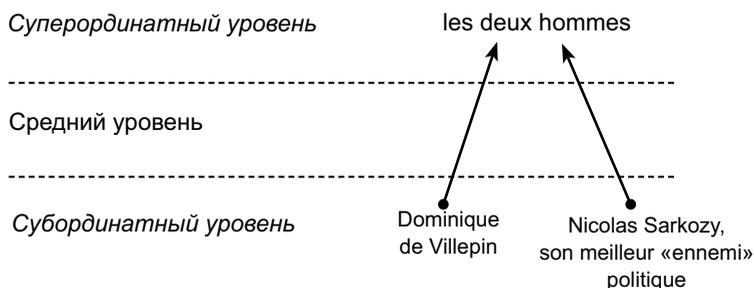

Рис. 4. Направление выстраиваемой категории при заключительной позиции инкапсулятора (пример 14)

Таким образом, функция инкапсуляции делает возможным ментальное перемещение по узлам и уровням категорий в двух направлениях – горизонтальном и вертикальном.

Анализируемые примеры показывают, что компрессируют как ядерные, так и периферийные широкозначные антропонимы, однако данная функция более активно выполняется первыми, чем вторыми. Это происходит, очевидно, потому, что ядерные антропонимы являются более широкими по значению и, следовательно, способны объединять в обозначаемую ими категорию большее количество субкатегорий, чем периферийные. При этом функция инкапсуляции может реализоваться широкозначными антропонимами как в безатрибутивном употреблении, так и совместно с атрибутами в составе атрибутивных конструкций.

Таким образом, функция инкапсуляции реализуется французскими широкозначными антропонимами путем стяжения в единый класс нескольких субкатегорий или нескольких единичных объектов. Она выполняется ядерными или периферийными широкозначными антропонимами по отношению к менее широкозначному слову: ядерными широкозначными антропонимами по отношению к периферийным широкозначным антропонимам или ядерным антропонимам

с атрибутом; периферийными широкозначными антропонимами по отношению к периферийным антропонимам менее широкого значения, к периферийному широкозначному антропониму с атрибутом или по отношению к узкозначным антропонимам. В процессе осуществления широкозначным антропонимом функции инкапсуляции происходит фиксация вертикальных, межуровневых, а также горизонтальных связей и объединение единиц разных уровней категоризации. Поскольку широкозначные антропонимы стягивают менее крупные подкатегории и подводят их под свое имя, выводя их, таким образом, на более высокий уровень категоризации, основное направление инкапсуляции – движение снизу вверх по вертикали.

В качестве другой функции широкозначных антропонимов мы называем *функцию генерализации*, которая имеет место при отнесении одного (под)класса или единичного объекта к более широкому классу объектов через некий обобщенный признак последнего, например: «преступник – это человек, нарушающий закон». В данном случае происходит отнесение класса преступников к классу людей, нарушающих закон, через обобщенную характеристику последнего, выраженную в атрибуте «нарушающие закон».

В юридическом дискурсе наиболее интенсивно реализуют данную функцию ядерные широкозначные антропонимы *personne fi* и *être m humain*. В анализируемых далее примерах лексема *personne f*, выступающая в сочетании с атрибутом, генерализирует узкозначные антропонимы *correspondant m* (15), *fournisseur m* (16) и *détenus m pl* (17), приобщая их к более крупному классу, соответственно, к классу «людей, которые обладают необходимыми качествами для выполнения своей работы» (15), к классу «людей, которые действуют как коммерсанты или профессионалы» (16). В свою очередь лексема *êtres humains* в сочетании с атрибутом *normaux* генерализирует узкозначный антропоним *les détenus*, относя его к более крупному классу «нормальных людей» (*des êtres humains normaux*) (17):

(15) Le correspondant est une personne bénéficiant des qualifications requises pour exercer ses missions [7].

(16) Le fournisseur est défini comme étant toute personne qui agit en sa qualité de commerçant ou de professionnel [там же].

(17) Elle recule avec une familiarisation des lieux, avec la découverte que les détenus sont aussi «des êtres humains normaux» et avec le fait qu'on a pu éprouver qu'on pouvait compter sur les collègues en cas de danger [7].

Функция генерализации осуществляется широкозначным антропонимом не только по отношению к другим антропонимам, но также и к таким существительным, как *foetus m* «человеческий зародыш» и *embryon m* «человеческий эмбрион» (18), статус которых до сих пор не определен в отношении того, следует ли рассматривать их как человеческое существо или нет:

(18) Tout être humain doit être respecté dès le commencement de la vie, l'embryon humain est un être humain; Dans la première conception, l'embryon n'est pas un être humain et ne mérite donc qu'une protection limitée; dans la seconde, l'embryon jouit du statut moral de tout être humain et doit donc bénéficier à ce titre d'une protection étendue; Après avoir souligné que ni la métaphysique ni la médecine ne donnent de réponse définitive à la question de savoir si, et à partir de quel moment, le foetus est un être humain, le Gouvernement affirme que sur le plan juridique, l'article 2 de la Convention ne protège pas le droit à la vie du foetus en qualité de personne [7].

Функция генерализации реализуется в других типах институционального дискурса по тем же принципам, что и в юридических текстах. Так, в научных текстах обозначаемые узкозначными антропонимами *l'analyste* (19) и *le comédien* (20), а также периферийным широкозначным антропонимом *l'enfant* (21) классы объектов относятся к более широкому классу, обозначаемому ядерным широкозначным антропонимом *individu*, выполняющему в этом случае функцию генерализации:

(19) Ce n'est pas toujours le cas, et l'analyste, interpellé vivement comme individu et sommé de répondre de sa personne, ne peut s'y tromper [9].

(20) Le comédien en tant qu'individu a un rôle à tenir qui implique de se plier aux diverses contraintes inhérentes à son métier [там же].

(21) Ainsi, l'enfant est-il de plus en plus perçu comme un individu à part entière, le processus d'individualisation l'a atteint davantage [там же].

Примеры показывают, что генерализующий антропоним обозначается как ядерным широкозначным антропонимом без атрибутов (примеры 18, 20), так и ядерным антропонимом в составе атрибутивной конструкции (примеры 15–17, 19). Главное, чтобы генерализующая лексема была шире по значению, чем генерализуемая.

Функция генерализации выполняется не только единицами суперординатного уровня иерархии (т.е. ядерными широкозначными

антропонимами), но и периферийными широкозначными антропонимами, выступающими в составе атрибутивных конструкций: *un sauveur de la foi*; *le plus efficace sauveur des idéaux fictionnels et illusoires* (22); *la figure centrale de cette révolution* (23); *la femme qui se dépasse dans l'autre, dans l'enfant, c'est-à-dire dans une autre personne ou encore dans un avenir* (24).

Приведем примеры из философского дискурса:

(22) Au même titre que Kant restait un sauveur de la foi, Vaihinger se révèle le plus efficace sauveur des idéaux fictionnels et illusoires [8].

(23) James Clark Maxwell est la figure centrale de cette révolution [там же].

(24) La mère, c'est la femme qui se dépasse dans l'autre, dans l'enfant, c'est-à-dire dans une autre personne ou encore dans un avenir [там же].

В данных примерах Кант причисляется к классу «спасителей веры» (*sauveur de la foi*), Вайхингер – к классу «самых успешных спасителей вымышленных и призрачных идеалов» (*le plus efficace sauveur des idéaux fictionnels et illusoires*), Максвелл – к «центральной фигуре революции» (*la figure centrale de cette révolution*), мать – к классу «женщин, которые превосходят себя в ребенке, т. е. в другом человеке, а также в будущем» (*la femme qui se dépasse dans l'autre, dans l'enfant, c'est-à-dire dans une autre personne ou encore dans un avenir*). В примере (24) функция генерализации реализуется периферийным антропонимом *la femme* в составе атрибутивной конструкции в отношении к более мелкой категории, вербализуемой периферийным широкозначным антропонимом *la mère*.

Функция инкапсуляции и функция генерализации выделяют тождество предметов, показывая, что у инкапсулирующего и инкапсулируемого, генерализирующего и генерализируемого предмета есть нечто общее: «слесарь, пекарь, токарь – рабочие»; «преступник – это человек, совершивший преступление». Как инкапсуляция, так и генерализация служат выстраиванию межуровневых связей. Подобно функции инкапсуляции, которая может осуществляться широкозначным антропонимом вертикально снизу вверх, функция генерализации реализуется также в одном направлении – снизу вверх, от менее широкозначных к более широкозначным именам и, соответственно, от более мелкой к более крупной категории. Кроме того, функция генерализации объединяет категории разных уровней иерархии (см. рис. 5).

Последней рассматриваемой нами функцией является **функция субкатегоризации**, которая может быть названа также функцией иерархизации. Она предусматривает разбиение более общих категорий на субкатегории.

Рассмотрим, какие антропонимы французского языка вербализируют обычно как общие категории, так и субкатегории.

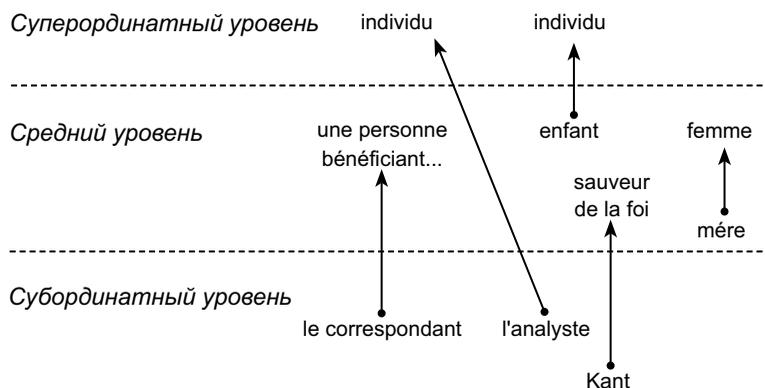

Рис. 5. Функция генерализации, объединяющая категории разных уровней (примеры 15, 19, 21, 22, 24)

Общие категории репрезентируются, прежде всего, такими ядерными широкозначными антропонимами, как *homme m* (25), *individu m* (26), *personne f* (27):

(25) Si l'architecture s'écrit dans une référence euclidienne à l'espace, cet espace à trois dimensions est habité par l'homme, être de langage [8].

(26) L'évaluation engendre une grande confusion dans les entreprises et fait appel à des jugements subjectifs où, finalement, c'est bien plus souvent l'individu comme personne qui est évaluée et son conformisme aux attentes de l'entreprise que ce qu'il a investi dans son travail [9].

(27) Mais il y a plus, la conception de la personne qui sous-tend la théorie du bien commun et de la dépendance mutuelle et, dirais-je, un système de santé universel, c'est la compréhension de la personne comme d'un être vulnérable [8].

Субкатегории выражаются при помощи:

– ядерных широкозначных антропонимов с атрибутами:

La seconde raison pour laquelle l'homme est *un être social* est une raison négative; L'homme est par nature *un être social* et non une monade;

L'homme est *un être politique* et par nature porté à vivre en société; L'homme fondamentalement est plutôt *un être interdépendant qu'autonome*; La foi chrétienne a toujours considéré l'homme comme *un être dans lequel esprit et matière s'interpénètrent*; Voulant reconquérir l'homme, *sa noble créature*, Dieu s'est dit : «Si je le contrais malgré lui, j'aurai un âne, non pas un homme, puisque ce n'est pas de son plein gré qu'il viendra»; Lire Lévinas ne revient pas à apprendre que l'Homme est *une créature privilégiée* [там же];

– периферийных широкозначных антропонимов без атрибутов:

S'il est vrai que tout homme est *un peintre* à sa façon, puisque même le garagiste de Cassis après tout s'intéressait à Renoir, il n'est nullement assuré qu'il regarde un tableau en peintre [9];

– периферийных широкозначных антропонимов с атрибутами:

Contre les tentatives de s'ériger en maître absolu, l'Évangile rappelle que l'homme n'est pas *le propriétaire de la vérité* [8];

– узкозначных антропонимов без атрибутов:

Il avait écrit un premier livre, le monde, que l'homme *pêcheur* ne peut désormais plus lire sans aide; Par lui-même, l'homme, *pêcheur*, réduit à lui-même dans l'amour de soi, n'a pourtant rien dont il pourrait se vanter et pour quoi il pourrait se faire louer [там же];

– узкозначных антропонимов с атрибутами:

L'individu est *fils de sa communauté* au sens même où chaque branche de l'arbre est fils de l'arbre; Tocqueville voyait dans le christianisme un nécessaire contrepoint à l'individualisme, car il resserre les liens entre les hommes *fils d'un même Père* et donc frères; Entre le réseau – ce harnais fonctionnel du monde géographique – et les automobiles qui parcourent ce réseau vient s'interposer l'homme comme *acheteur virtuel*: une automobile n'est admise à fonctionner que si elle est achetée, si elle est choisie, après avoir été produite; Chacun, nous nous sommes inspirés d'une sociologie «dispositionnelle», pour laquelle l'individu, *acteur «pluriel»*, «incorpore» au cours de ses expériences plusieurs «dispositions» [8].

Таким образом, функция субкатегоризации может выполняться антропонимами широкозначными (ядерными и периферийными) и узкозначными – как без атрибутов, так и в составе атрибутивных конструкций.

Своеобразие функции субкатегоризации заключается, в частности, в том, что мелкие субкатегории, на которые разбивается более общая антропонимическая категория, репрезентируемая антропонимами, могут выражаться неантропонимическими единицами, среди которых:

– абстрактные существительные:

L'homme, poursuit Thomas, est *le principe de ses propres actes*; En amont, c'est Dieu même qui a l'initiative de l'activation du fond, et tout ce qui en découle, c'est *la nature elle-même*, dont l'homme est l'achèvement; Pascal écrivait: «L'homme, *un milieu entre rien et tout*»; Selon Protagoras l'homme est *la mesure de toutes choses*, pour celles qui sont, *mesure de leur être, pour celles qui ne sont point, mesure de leur non être*; L'homme est *l'union de l'âme et du corps* [там же];

– конкретные существительные:

а) имена неодушевленных предметов:

L'homme n'est-il qu'*une marionnette, un pantin mû par des tractions ou des pulsions qu'il ne maîtrisait pas* [9];

б) общее наименование животных:

L'homme est par nature *un animal politique*; L'homme est *le seul animal capable de discours rationnel*; Quant à l'homme, cet «*animal rationnel*», il constate sa souffrance plus qu'aucun autre animal; La promotion de l'ego traduit d'abord l'impossibilité de se satisfaire désormais de la définition traditionnelle de l'homme comme *animal raisonnable* [8];

в) наименование конкретного животного – волк:

L'homme est un loup pour l'homme [8];

– Бог:

Levinas n'oppose pas à Hobbes une formule symétrique, comme Spinoza, pas exemple, «L'homme est *un dieu pour l'homme*»; L'homme, écrit saint Thomas, est *image de Dieu* [там же].

Функция субкатегоризации имеет иную направленность по сравнению с функциями инкапсуляции и генерализации. Если инкапсуляция и генерализация предполагают категориальное смещение снизу вверх, от субкатегорий к более общей категории, то субкатегоризация – движение сверху вниз, от более общей категории к субкатегориям. При этом функции инкапсуляции и генерализации строятся на основании подобия, выраженного в некотором признаке, часто содержащемся в атрибутах, в то время как функция субкатегоризации основана на различиях между объектами, на которые указывают как сами антропонимы, так и их атрибуты (см. рис. 6).

Таким образом, на основе анализа естественной многосторонней связи антропонимической номинации и категоризации в целом, было

УДК 82'392

И. Б. Смирнова

ст. лаборант кафедры литературы МГЛУ; e-mail: le21mars@mail.ru

АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ СИМВОЛ ФРАНЦУЗСКОГО КУРТУАЗНО-РЕАЛИСТИЧЕСКОГО РОМАНА: МИФИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС И БАСЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена изучению анималистического символа средневекового французского куртуазно-реалистического романа цикла «о пари» XIII в. Рассматриваются характеры воинственных анималистических персонажей, устанавливаются их мифологические истоки, астрологические коннотации и литературные перспективы. Дается ведическое объяснение мифологического мотива сражения культурного героя с великаном, драконом / змеем и хищником. Констатируется их обобщающий характер для обозначения телесной природы и воспроизводящей энергии человека.

Ключевые слова: французский средневековый куртуазно-реалистический роман; символика анималистических образов; интерес к характерам зодиакальных животных; астрологические коннотации; ведическое толкование животных символов.

Smirnova I. B.

Senior Assistant Literature chair, MSLU; e-mail: le21mars@mail.ru

ANIMALISTIC SYMBOL OF THE FRENCH COURTLY REALISTIC ROMANCE: MYTHICAL GENESIS AND FABLE PERSPECTIVES

The paper studies the animalistic character of the medieval French courtly-realistic novel of the cycle "on bet" of the XIII century. It examines the nature of the warlike animalistic characters, sets their mythological origins, astrological connotations and literary perspectives. We give the Vedic explanation of the mythological battle of the cultural hero with a giant, a dragon / serpent and a predator. Their general capacity to denote the physical nature and the reproducing human energy is stated.

Key words: French medieval courtly-realistic novel; animalistic symbols; interest in the nature of the zodiac animals; astrological connotations; Vedic interpretation of animal characters.

Средневековые французские романы цикла «о пари» (анонимный «Роман о графе Пуатье» конца XII в. и «Роман о Фиалке» Жербера де Монтрей первой трети XIII в.), используют анималистический образ, восходящий к архаике мифа, который принято интерпретировать в эпосе как миф «о борьбе культуры и природы». Кроющаяся за этим образом враждебная герою реальность возникает на пути рыцаря

в виде льва, змея или дракона. По признаку больших размеров, силы и злонамеренности в этот ряд вписывается фигура великана, заменой которому в тексте романов нередко служит «чудовище» без описания внешности. Таков, например, людоед Брюдалиган в «Романе о Фиалке». В этот же род попадают огромного роста звероподобные «саксы». Куртуазно-реалистические герои осуществляют свою культурную миссию в уже не сказочном мире, однако с помощью физической силы и оружия борются с мифическим¹ и сказочным² врагом. Что за род опасности он символизирует, если на протяжении трех веков развития жанра куртуазный роман с ним не желает расстаться, хотя в начале XIII в. медленно и постепенно посредством интреполирования песен перестраивается на повествовательность и неумолимо приближается к прозе?

Граф Жерар Пуатье, «Рыцарь Розы», в компании супруги Розы сталкивается в лесу со львом, затем – один на один – со змеем. Жерар Неверский, «Рыцарь Фиалки», в обществе невесты Эврио встречает в лесу дракона, а затем – лицом к лицу – великана. Исследователи делают вывод, что лев, змей, дракон и великан включаются в сюжет “о пари” в результате компиляции авторами более ранних литературных источников, а также по причине недопонимания смысла, которым наделяется в архетипическом сюжете “о пари” мотив сражения с врагом. Функция этих анималистических персонажей традиционна: бросить рыцарю вызов и померяться с ним силой. При более пристальном рассмотрении можно заметить, что если великан и змей испытывают храбрость и силу протагониста, то лев и дракон маркируют изменение направления развития сюжета, отвращая своим появлением рыцаря от намерения убить свою спутницу, обвиненную по наговору в измене. Дальнейший анализ этих фигур, олицетворяющих «врага», еще в большей мере дифференцирует их роли.

Великан разочаровывает прежде других: мы нигде не обнаружим толкования его генезиса – ни в фольклоре, ни в словесности. Согласно исследованиям австрийского ученого Р. Штайнера, первые сказочники обладали даром атактистического ясновидения и воспринимали

¹ В основу толкования мифа принято полагать «обширные, всеобъемлющие космические соотношения» (Р. Штайнер).

² В основу толкования сказок принято полагать «тайну народа», выраженную в общности и специфике астральных переживаний (Р. Штайнер).

духовный мир в архетипических образах, свойственных архаическим культурам разных народов. Если к созерцанию духовного мира обращалась та часть души, которую Р. Штайнер называет «душой ощущающей», сказочнику открывалась персонифицированная духовная сущность сил и стихий природы. Они воспринимались как наделенные чрезвычайной силой великаны. Великан – проекция неуправляемой мощи и удовольствия всемогущества, «по ту сторону этических ограничений». Сражаясь с великаном, герой уничтожает в себе власть любви к слепой силе и стремление отвоевывать чужие сферы влияния. Это эмоциональное состояние отнесено Р. Штайнером к докультурной эпохе, однако мотив сражения с великаном остается актуальным в фольклорной литературе в течение тринадцати веков христианства, что свидетельствует о живучести бессознательного страха перед возможным произволом праисторической васаны¹.

Являясь результатом эволюции низших форм жизни к высшим (всего Ведическая наука насчитывает 8 млн 400 тыс. форм жизни) [4, с. 38], человек носит в подсознании и более ранние, животные, васаны. Восточные философии учат, что животная реакция человека является рудиментом состояний, пройденных в ходе эволюции. Переход от животного к человеческому сопровождается изменением положения позвоночника с горизонтального на вертикальное [6, с. 44]. На правах носителя искры божьего духа, человек возвышается над низшими существами как покровитель. Причастный всем земным существам, он в то же время призван их гармонизировать – мудро и разумно себе подчинить. Этот многоуровневый состав тела проецируется бессознательным человека вовне: на звездное небо в виде анималистических образов. Годовой путь солнца, несмотря на то, что в нем присутствуют антропоморфные и предметные созвездия, по причине преобладания животных силуэтов созвездий, не зря называется «зодиакальным», что переводится с греческого как «круг животных». При вращении Земли каждый месяц меняется зодиакальный фон дневного светила, примерно каждые две тысячи лет смещается точка Весеннего Равноденствия на один зодиакальный дом, определяя собой, в связи с характером этого дома, и звездный символ длительной исторической эпохи,

¹Матрица поведения (*санскрит*).

называемой «эрой»¹. Эры под анималистическими знаками актуализируют связь сознания человека с подсознательными поведенческими васанами: отсюда – пристальный интерес к изучению характеров тех живых существ, которые на небе являются домами солнца, либо располагаются от него в непосредственной близости. Именно эти существа стали собирательными для определенных качеств, составляющих психические типы. Множество других созвездий Северного и Южного полушарий карты звездного неба также носят названия животных, птиц, рыб, пресмыкающихся, насекомых. Зодиакальный «анималистический» круг составляют: *Овен, Телец, Рак / Краб, Лев, Скорпион, Стрелец (как Конь), Козерог и Рыбы*², исключая «антропоморфные» знаки Близнецов, Девы, Змееносца и Водолея. У индусов, китайцев, халдеев, финикийцев, египтян, персов и других народов имеются похожие зодиаки и одинаковый принцип деления зодиакального круга.

В поисках знаний древних народов об астрологическом доме точки Весеннего Равноденствия и о прецессии Солнца были обнаружены памятники вплоть до эпохи Льва, т. е. до XI тысячелетия до эры хри-

¹[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lah.ru/fotoarh/oskolki/zodiak.htm>

Название эпохи	Приблизительные границы
Рыбы	2000–0 г. н. э.
Овен	0–2150 г. до н. э.
Телец	2100–4300 г. до н. э.
Близнецы	4300–6450 г. до н. э.
Рак	6450–8600 г. до н. э.
Лев	8600–10750 г. до н. э.
Дева	10750–12900 г. до н. э.
Весы	12900–15050 г. до н. э.
Скорпион	15050–17200 г. до н. э.
Стрелец	17200–19350 г. до н. э.
Козерог	19350–21500 г. до н. э.
Водолей	21500–23650 г. до н. э.

²Согласно одной из версий, образы и названия знаков зодиака были заимствованы из шумерской традиции. Вся группа зодиакальных созвездий в ней называется «сияющее стадо», анималистические знаки имеют прямые соответствия: Овен («обитающий в полях»); Телец («небесный бык»); Лев («лев»); Скорпион («тот, кто режет клешнями»); Козерог («козел-рыба»); Рыбы – («рыбы») [там же].

стианства¹! Когда Солнце пребывало в созвездии Тельца, египетские фараоны Древнего царства поклонялись Быку, отражающемуся в зодиакальном Тельце. Солнечное Божество принимало облик Аписа, а Бык посвящался Осирису. С 2000 года до Рождения Христа Солнце переходит под знак Овна и наступает новая эра: священным животным становится Ягненок, или Агнец, жрецы начинают именоваться пастырями, в жертву на алтарь приносятся овцы. Рождение Христа знаменует собой переход к эре Рыб.

Дракон – собирательное значение «любого опасного хищного врага» – представляет от всех зверей и концентрирует все опасности анималистического происхождения. Ему порой приписывается множество голов, либо хвостов, либо то и другое сразу. В околополярном северном созвездии Дракона находится северный полюс эклиптики, вокруг которого вблизи Полярной звезды движется Полюс Мира. В астрологии точки, соотносящие орбиту Луны с орбитой Земли вокруг Солнца, или Северный и Южный Лунные узлы, именуются Головой Дракона и Хвостом Дракона соответственно. Древнегреческая теория происхождения Зодиака связывает этот персонаж с мифами об охране особенно ценных объектов: дерева с золотыми яблоками, которые добывает Геракл, либо золотого руна, которое добывает Ясон. Однако значение знаков не исчерпывается функцией животного в мифе, а происхождение названий по древности предшествует Древней Греции и Римской империи [11]. Дракон происходит с Востока, где наблюдалось самое множественное их «семейство» (Д. Дж. Конвэй, 2008). Аналогом же собирательного образа животной силы в западноевропейской и славянской мифологии является змей. Дракон в мировой реалистической литературе – «чемпион» долголетия среди сказочных существ. В малом морально-дидактическом жанре басни уже не сыщешь великана, однако под пером Жана де Лафонтена в XVII в. дракон оживает («Le Dragon à plusieurs têtes et le Dragon à plusieurs queues»). Вопрос о происхождении его облика остается открытым, однако на помощь приходит ведическое толкование.

¹ В индийском зодиаке изображается Дракон на Древе, у корней которого одна из самых древних Богинь Канья-Дурга восседает на Льве, впряженном в солнечную колесницу. На шумерской табличке из Берлинского Музея (VAT.7847) список зодиакальных созвездий открывается созвездием Льва. В Египте было якобы найдено древнейшее из известных изображений зодиака, который показывает весеннюю точку в секторе Льва [там же].

Дракон/змей соединяет в себе четыре природные стихии или, в славянской традиции, – четыре Первоначала Вселенной. Он имеет хтоническое происхождение, связан со стихией воды, которая является его средой в осенне-зимнее время, со стихией воздуха в весеннее-летний сезон и способен изрыгать из пасти огонь. Есть версия, что он сочетает тяжелые нижние (землю и воду) и легкие верхние (воздух и огонь) силы, будучи одновременно и пресмыкающимся, и птицей. Рудольф Штайнер также усматривает в драконе собирательный образ всех тех сил, которые воплощали зло, препятствующее культурной эволюции: «Повсюду, где человеку является “дракон”, – это не что иное, как напоминание оставшихся на астральном плане гротескных, с тех пор преобразовавшихся в духовном плане форм того, что человеку надлежало выделить из себя» [13].

Для современного человека единственным опытом возрастания является опыт социального взросления от колыбели до зрелости, который не выводит за пределы чувственного бытия. Детские природные инстинкты уступают место социальным, и природное «животное» превращается в социальное. Каббала свидетельствует: «Хотя желания людей намного превосходят желания животных, тем не менее качественно эти желания от желаний животных не отличаются» [8]. Приоритет разумной природы гарантирует завоевание надежного социального статуса в ущерб духовному становлению. Лишь немногие ощущают потребность выйти на качественно новый уровень жизни. Теософ Анни Безант свидетельствует: «У жажды высшей жизни <...> как и стремления к прогрессу есть определенное место в эволюции; и именно из рядов тех, кто это понимает, <...> и рождаются способные на дальнейшее развитие»¹ [2]. В этом свете персонаж дракон охватывает более широкую сферу анималистики, выходя за пределы грубой силы и природных инстинктов, очерченных для великана. Поэтому битва с драконом – не только борьба с грубым инстинктом

¹Продолжение цитаты: «Они постепенно учатся быть выше надежды на индивидуальный прогресс и постигают, что он в полном смысле слова иллюзия и не может существовать в качестве части той Божественной Жизни, которая изливается для всех, и что никакая жизнь не является истинной, реальной и духовной, пока сама идея отдельной жизни полностью не превзойдена, пока все мысли существа, все его жизненные энергии не изливаются как часть Единого «Я», и никаких размежеваний не признается. Тогда служение становится естественным выражением жизни, а помощь – тем способом существования, в котором чувствуется истинное бытие».

или аффектом, но также и борьба с более изощренным чувственным аффектом и социальным эгоизмом.

Сражаясь с драконом, человек побеждает в себе социальное животное и восходит к более высокой ступени духовного самоочеловечения. Критерий прогресса открывается посвященному: «Астральное тело человека, чьи мысли носят низкий и животный характер, выглядит грубым, плотным, непрозрачным и имеет темную окраску, иногда настолько темную, что оно почти скрывает контуры физического тела; в то время как у высокоразвитого человека астральное тело – чистое, прозрачное, блестящее и светлое – являет собой действительно прекрасное зрелище» [1]. Древнеиндийские Веды подсказывают ритуализовать повседневность таким образом, чтобы религиозные обряды воспроизводили космический порядок. Помимо трех самых важных ежедневных ритуалов – трех призывов к богам Утренней, Вечерней Зари и Полудня, Веды требуют выполнять еще пять ритуальных обязанностей, «яджней»: исполнять долг в отношении к дэвам, питри, людям, *животным* и элементам. Ритуальным долгом по отношению к животным считается надлежащее содержание домашних животных, а также кормление диких животных и птиц. В процессе кормления в тела животных и птиц входит множество развоплощенных душ и эфирных существ, которые платят за пищу незримыми духовными благами. Посредством ритуалов и яджней человек научается покровительствовать низшим и благодарить высших. Равных он научается воспринимать как высших.

Дракон в «Романе о Фиалке» и змей в «Романе о графе Пуатье» – не только образы физиологических и социальных инстинктов, но и воплощение всех тех исходящих от эго препятствий, которые громоздятся на пути ритуализации богослужбных действий. Дракон начинает символизировать всё, что стремится нарушить равновесие души, установленный порядок, размеренный ритм жизни, которые человек соблюдает и поддерживает. Дракон – враг рыцаря духа, защитника высшей правды. А победа над драконом символизирует восстановление связи человека с Космической Иерархией. Попытка духовного истолкования сюжетов «о пари» романов «О Фиалке» и «О графе Пуатье» представляет в таком случае восстановление мира с «женой». Появление дракона/змея заметила и объявила о нем «рыцарю духа» (Пуатье и Неверскому) сама эта «жена». Поскольку именно дракон, а не змей, является универсальным представителем

анималистического в человеке, «Роман о Фиалке» предстает классической разработкой мотива «битвы с врагом», развязывающей узлы судеб героев и направляющей интригу к торжеству любви и счастливому концу. Ведическое толкование представляет мужа человеческим телом Нави (мира прообразов сущего), а жену – его душой; им предстоит обрести друг друга для рождения человека на Земле. Встающий между ними дракон выступает от имени сил, препятствующих инкарнации человека.

Поскольку описание характера дракона в художественной литературе отсутствует по причине его крайней неопределенности, для словесного выражения некоторых его черт следует обратиться к басням, посвященным его ближайшему кармическому сородичу – змею (или змее). Дракон и змей/змея – символы нижнего энергетического полюса человека. А все истории о героях, побеждающих дракона или змея, косвенно указывают на процесс перемещения энергии нижнего полюса в верхний. У ритуалиста верхний и нижний полюсы согласованы между собой, а не борются, как у обычного человека [6, с. 96]. В Зодиаке Скорпион трансформирует энергию нижнего полюса в энергию творчества. Третьим эволюционным уровнем Скорпиона в астрологии является Орел.

Из образов нижнего полюса Скорпион, по-видимому, – самый древний: басни о нем уже не упоминают. Вероятно, потому, что его натура не допускает никаких вариаций поведения, и сюжет о нем всегда предсказуем. Эту натуру исчерпывает старинная восточная притча неизвестного происхождения¹, которую современные поэты уже переделали в басенный анекдот о «Скорпионе и черепахе». Скорпион просит черепаху перевезти его через реку и на середине реки смертельно жалит ее, объясняя: «Натура у меня такая». Развязка имеет варианты: погибает черепаха; черепаха сбрасывает скорпиона, который тонет; погибают оба. В животном эпосе «Роман о Ренаре» конца XII–XIII вв., составленном на основе сказок и басен о животных, пехота сарацин состоит из скорпионов и змей, внезапно напавших на королевство льва Нобля, где обитают лисы, волки, ослы, обезьяны, олени, крысы, медведь, кабан, еж, баран, горностаи, хорек, заяц, барсук, кот, леопард, белка, бобр, собака, выдра, улитка и разные птицы (вороны, петухи и куры, коршун, грач, синица, воробей). Земли Нобля атакуют жалящие существа под предводительством верблюда

¹ Одну из версий можно найти среди суфийских притч Джами.

в числе других животных пустыни, которые олицетворяют «язычников», враждующих с «христианами»: подчиненными Нобля. В армию «поганых» входят слоны, тигры, буйволы, верблюды, слизняки, змеи, ужи, черви и такое неисчислимое множество скорпионов, что один только запасной отряд, привлеченный по ходу сражения, составляет «десять миллионов» (!)¹. Нельзя не заметить, что указание на количество скорпионов и описание поединков с ними кота, петуха и медведя выражает здесь их особое значение в составе вражеской армии и особую неприязнь к ним персонажей-защитников и авторов написанной в конце XIII в. тридцатой ветви «Романа о Лисе», включивших данный эпизод. Именно скорпионы на фоне остальных животных здесь представляют эссенцию зла, но никакой дополнительной характеристики, ни психологического портрета скорпиона мы также не обнаружим, будто слово «скорпион» говорит само за себя.

Куда обстоятельнее представлен психологический портрет змеи в баснях от Эзопа до И. А. Крылова. Правда, ее натура сводится к знакомой предсказуемости: погубить либо благодетеля, либо постороннее невинное существо. В эту версию входят «Ласточка и змея», «Путник и гадюка» Эзопа, «Змея согретая» А. П. Сумарокова, «Змея и овца» И. А. Крылова. Последняя резюмирует натуру змеи: «У ней другого чувства нет, как злиться: создана уж так она природой». Прогрессивным намерением превозмочь свою натуру является ее попытка отвоевать доверие, поскольку ей становится холодно в атмосфере всеобщего презрения. Но в границах басни эта попытка обречена на неуспех. В басне Эзопа «Зевс и змея» Зевс отказывается принять из зубов змеи розу, расценивая такой способ вручения свадебного подарка для себя опасным. В басне И. А. Крылова «Змея» главная героиня, упросившая Юпитера даровать ей соловьиный голос, всё же не очаровала своим пением слушателей, случайно заметивших, от кого оно исходит. «Честь» змеи – погубить другого даже пусть ценой собственной гибели: таков сюжет басни Эзопа «Оса и змея», в котором змея сунула голову под колесо телеги, лишь бы отомстить обидчику. Натуру змеи изменить нельзя ни примером, ни увещанием, ни силой. В басне Эзопа «Расстоптанная змея» сам Зевс советует змее жалить прохожих, наносящих ей ущерб. Победить ее можно не силой, а обманом.

¹ Le Roman de Renart, ветвь XXX, перевод Gabriel Bianciotto.

В связи со значением льва в судьбе графа Пуатье и его жены Розы, следует сказать, что зодиакальные животные – *Овен, Бык (Телец), Рак, Лев, Скорпион, Конь (Стрелец), Козерог, Рыбы* – представляют собой эволюционные уровни человека [6, с. 109]. Деятельность и влияние «анималистических» знаков зодиака представлены в древних мифологиях богами со звериными головами. Нрисимха, бог с головой льва, – атрибут индуистских храмов. Для рыцарей духа зодиакальные животные служат архетипическими символами мироздания. Такова их функция в декоративном убранстве храмов.

Психологический портрет льва в баснях более дифференцирован и конкретен. В «Собрании» Эзопа почти все анималистические персонажи выступают в паре со львом либо лисицей, соревнуясь с ними в кровожадности и хитрости. Эти два качества – кровожадность и хитрость – степень «анимализма», или главный показатель дикости. Причем, в лисе преобладает дерзость, что подтверждает басня Эзопа «Лисица и лев», где она осмеливается во время третьей встречи со львом заговорить с ним первая. Что касается сродства льва со змеей, то оно состоит в том, что лев не поддается перевоспитанию. В басне Дежака «Лев» осатаневший в неволе «царь пустыни» растерзал своего укротителя.

Желая захватить жертву, лев использует все средства, включая коварство. Сюжеты «Олень и лев», «Осел, петух и лев» Эзопа, «Бык и лев», «Лев и волк» из сохранившихся пересказов Бабрия свидетельствуют о том, что голодного льва ничто не остановит. В басне Бабрия «Лев и бык» царь зверей пытается заманить быка на пир, главное блюдо которого, судя по приготовлениям на кухне, будет состоять из бычьей туши. Проявляя свою царственность как вседозволенность, лев выступает тираном при дележе добычи. Таковы сюжеты басен «Лев, осел и лисица» Эзопа, «Лев и дикий осел» Бабрия, «Корова, коза, овца и лев» Федра, «*La Genisse, la Chèvre et la Brebis en société avec le Lion*» Жана де Лафонтена, «Лев на ловле» И. А. Крылова. Лев утверждает свое превосходство не только при дележе, но и безо всякого повода, когда смакует свое торжество над лягушкой, утравившей его кваканьем («Лев и лягушка» Эзопа), над волком, позарившимся на его завтрак («Лев и волк» И. А. Крылова), над осмелившейся критиковать его овцой («Смирненный лев» Игнатия Красицкого) или надо всеми разом, за исключением хитроумной лисы, спасающейся притворством

(«La cour de Lion» Жана де Лафонтена). Страх животных перед ним не знает границ, как это явлено в сюжете «Львиный указ» Н. А. Львова. Его царственность чаще реализуется в образе «несправедливого монарха», как в басне «Les animaux malades de la peste» Жана де Лафонтена, где лев на суде поощряет подобных себе хищных льстецов и определяет в жертву прямодушного травоядного осла. Животные не могут его уважать, и, увидя раз на смертном ложе, от души глумятся над умирающим («Престарелый лев, кабан, бык и осел» Федра). Если животным удастся разгадать его козни, они не преминут над ним посмеяться: так ведут они себя в баснях «Лев и лисица», «Лев и медведь» Эзопа, «Больной король и лисицы» Адама Мицкевича, «Лев, серна и лиса» И. А. Крылова. Льва побеждает его собственный страх перед петухом («Лев, Прометей и слон» Эзопа) и беспомощность перед комаром в басне «Комар и лев» Эзопа. В переработанной басне И. А. Крылова комар заставляет льва идти с ним на мировую. Саркастическую направленность имеет насмешка Жана де Лафонтена «Le Lion Amoureux: à Mademoiselle de Sévigné», где баснописец побуждает льва ради любви к пастушке лишиться когтей и зубов, а вместе с ними – и своего звериного могущества. Человек также буквально, т. е. физически, торжествует надо львом в басне Бабрия «Стрелок и лев» и И. А. Крылова «Лев и человек». Но лев мстит человеку за это его временное мнимое торжество. В басне Эзопа «Человек и лев попутчики», пересказанной Игнатием Диаконом в четырех поэтических строках «Лев и человек», рассказывается, как человек показывает льву каменные плиты с изображением укрощаемых людьми львов, на что лев возражает: «Кабы львы умели резать по камню, немало ты бы увидел на камне и людей, попираемых львами». А в басне Бабрия «Сын, отец и нарисованный лев», во исполнение пророчества вешего сна отца, отрока убивает даже не сам лев, а его изображение на стене. Лев – единственный среди животных, обладающий властью внушать страх и действовать посредством своего изображения или изваяния, о чем повествует басня Эзопа «Трус, отыскавший золотого льва». Занявшийся человек вынужден в конечном счете при очной встрече с Анималистическим Царем признать его превосходство и откупиться вдвое большими жертвами, как это описывается в басне Жана де Лафонтена «Le paitre et le Lion; le Lion et le Chasseur», где автор воссоздает два древних сюжета.

Есть примеры, где лев представлен справедливым правителем. Лишь такое понимание царственности способно навести человека на идею действительного покровительства всех живых существ¹. Открывает цикл этих сюжетов басня Бабрия «Лев, справедливо царствующий», затем «Le Lion s'en allant en guerre» Жана де Лафонтена. В ряду более поздних басен укажем на сюжет И. И. Дмитриева «Три льва»: рассуждение об образцовом монархе как о любящем свой народ. Наибольшую читательскую симпатию вызывает лев, способный оценить достоинства овцы, в басне В. Л. Пушкина «Старый лев и звери». Он гонит от себя зверей, кичащихся храбростью (волка), хитростью (лисицу) и силой (медведя) и приказывает остаться у него на службе лишь овце: «С нею хорошо: она любить умеет». Здесь львиный анимализм преодолен потребностью в заботе и ласке: лев перестает воплощать врага и антропоморфируется.

Иногда лев приходит к слабейшим его существам и за помощью: таков его образ в баснях Федра «Лев и пастух», где он просит человека извлечь из его лапы колючку, и Эзопа «Лев и мышь», переложенной на стихи Клеманом Маро. И если в первом случае он платит услугой за услугу, то во втором – сам прежде оказывает ее.

Таковы этапы восхождения образа басенного льва: от анимализма своей дикой природы до известной окультуренности, на проявление которой его вынуждает болезнь, старость либо острая необходимость. Наивысшего очеловечения лев достигает в образе «справедливого монарха».

Однако в этом своем «назначении» лев уже в эпоху создания рассматриваемых анималистических образов куртуазно-реалистического романа был осмеян нарождающейся городской литературой, пересмысливающей басенные сюжеты в свете сатиры на феодальное устройство общества, с его и номинальной, и неформальной иерархией. Из отдельных анималистических историй «О Лисе и Волке», появившихся впервые во Франции около 1175 г.², была составлена композиция из нескольких «ветвей», или отдельных сюжетов, выросших

¹ В древности считали, что когда на небе зажигается созвездие Льва, на земле рождаются великие цари: ведь одна из главных его звезд называется Регул (*lat.* «принц»).

² Из авторов известны трое: Пьер де Сен-Клу (Pierre de Saint-Cloud) автор ветвей II и V, священник из Круа-ан-Бри (de Croix-en-Brie) автор ветви X, Ришар де Лизон (Richard de Lison) автор ветви XII.

впоследствии до двадцати семи и полностью завершенная к середине XIII в.¹ Поскольку исследователи этого bestiaria, близкого по стилю к фаблио, обращали внимание на сатирическое отражение в ней феодальной действительности Франции рубежа XII–XIII вв. [10, с. 5], то логично заключить эту теорию идеей иронического параллелизма анималистических особенностей каждой породы действующих в «Романе о Лисе» зверей и получаемых ими «должностей», хотя должности достаются не всем². В «Романе о Ренаре» («Roman de Renard»), памятнике аллегорической анималистической французской городской литературы конца XII–XIII вв., названном так по имени самого дерзкого из двух высших представителей анимализма: лис Reinhard (от *герм.* Reinhard – «умник, пройдоха»), лев Нобль (от *ром.* Noble – «благородный») – так же закономерно и традиционно, как в баснях Эзопа³, представлен царем зверей. Но хотя имя «Нобль» и соответствует натуре льва в «Романе», отражающем «незавершенность становящегося природного мира»⁴ [3, с. 49], львиное «благородство» всесторонне осмеяно. Такое осмеяние «справедливости» монаршего правления и суда посредством лисьей дерзости подчеркивает не только факт

¹ В XIV в. Jakemars Gielee пишет продолжение «Renart le Nouvel», а некий клерк из Тура «Renart le Contrefait». В конце XIV в. Эсташ Дешан (Eustashe Deschamps) создает последнюю поэму о Ренаре

³ В подчинении льва Нобля и его супруги Фьеры можно различить «крупных феодалов»: это лисы Ренар и Гермелина, волки Изенгрин (коннетабль короля) и Грызента, медведь Бирюк (королевский гонец), бык Буйян, лань Брехмер (сенешаль) и др. Особняком стоят осел Бернар (архиепископ), осел Бодуэн (секретарь короля), верблюд Мюзар (папский легат) и улитка Медлив (королевский знаменосец). Остальные находятся у них на положении вассалов (<https://yandex.ru/search/?lr=213&clid=143435&msid=22896.19298.1455288779.93118&text=%D0%BC%20%D0%BB%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE%20%D1%80%D0%BE%D0%C%D0%B0%D0%BD%20%D0%BE%20%D0%BB%D0%B8%D1%81%D0%B5>).

³ Среди художественных источников «Романа о Ренаре», кроме басен Эзопа, также называют сатирическую эпическую поэму фламандского монаха Ниварда «Ysengrimus», написанную в Генте примерно в 1150 г., памятники клерикальной литературы на латинском языке («Romulus» неизвестного автора и «Disciplina clericalis» Пьера Альфонса), животный эпос X–XI вв. («Ecbasis captivi»), рассказ о лисе XI в. («Gallus et Vulpes»).

⁴ Понимаем как пространственную и смысловую разомкнутость: «Для мышления представителей городской литературы уже характерна тенденция к расширению пространства по горизонтали» [13, с. 120].

персонификации в более низком (рядом со львиным) лисьем образе подлинного тайного правителя, но и труднодостижимость чина «благородства» в окружении мелких вредителей, подрывающих авторитет «верховой власти» «львиного» разума. Стремление льва Нобля «Романа о Ренаре», имеющего, согласно историческим версиям, в качестве прототипа короля Франции Людовика VIII Льва и пародирующего одновременно Карла Великого и Короля Артура, к исполнению монарших обязанностей по справедливости компрометируется хитростью лиса, которая заставляет «справедливость» выглядеть глупой, «разум» бессильным, а образ покровителя, заботящегося об общественном благе, несостоятельным. Антропоморфизация царя зверей в средневековом французском сатирическом аллегорическом эпосе, при попытке представить его глупее лиса, вовсе лишает натуру льва присущей ей властности, без которой невозможно подчинить себе свое «анималистическое войско». Но ведь городская сатира, сбрасывая льва с его царственного пьедестала, показывала неспособность высшей феодальной власти удержать в руках подчиненные звенья. В проекции на психологическое состояние индивида в «Золотой век» французского Средневековья соотношение сил в «Романе о Лисе» свидетельствует о слабости «покровительственно-царственного» начала человека, о его неспособности организовать свой «анималистический» строй и поставить все чувства в качестве «слуг» на службу разуму.

Лев Нобль «Романа о Ренаре» многократно компрометирует свой авторитет. Сквозным мотивом романа является его попытка судить Лиса по жалобам, приносимым на него другими зверями. Абсолютное превосходство Лиса надо Львом сводит эту попытку к пустым обещаниям, публичному прощению Лиса и, в конечном счете, публичной торжественной передаче ему власти над царством всех животных. Апогеем насмешки надо Львом – персонификацией в фольклоре высшей организующей функции человеческого разума – является история о браке Ренара, в тайне ото льва с его супругой. В финальной сцене романа Лев над могилой Лиса, с которым якобы совершена, наконец, расправа, заявляет: «Он лучшим был бароном», признавая этим подчиненность «разума» лукавому «уму». Напомним, что пара понятий «ум» / «разум» рассматривается в качестве представляющей от сил «зла» / «добра» микрокосма и макрокосма в древнеиндийской ведической литературе на санскрите

и также «сатаны» / «Бога» в святоотеческой христианской литературе на древних иностранных и древнерусском языках. Затем она становится характеристикой «интеллектуального» / «сердечного» мотива, либо «поверхностного» / «глубинного» осмысления бытия, переходя из Священных Писаний Востока и Запада в фольклор и первые памятники художественной словесности. Так, лев объединяет в себе в функции «врага» – негативный персонаж, в функции «правителя» – позитивный. И инволютирован двойственной задачей: воплощать совокупное зло чувственного мира и совокупную мощь человеческого разума, из него выводящего.

От сатирической аллегорической объективации льва в средневековом животном эпосе¹, т. е. образа «льва несостоятельного монарха» «Романа о Ренаре», который «во многом строится на противопоставлениях, пародийных переключках, идеологических переосмыслениях» [3, с. 49], вернемся ретроспективно к более простому басенному образу «льва справедливого и мудрого монарха» и затем к архетипическому львиному образу хищного «врага», или иначе высшего «анимализма» в баснях, сказках и мифах. Смысл борьбы рыцаря с анималистическим персонажем куртуазного и куртуазно-реалистического романа состоит в схватке человека с низшими свойствами его телесной и душевной природы, находящимися в плену его «эго», и прельщениями Нави, отвлекающей от духовного поиска. Лев в функции вредителя воплощает «крепость» и «хватку» чувственности. Орудия духовным мечом как предметным истинный «путник по вселенным» перерубает жесткие связи, которые пытаются удержать его в плену «колдования» мира (русской Ведической традиции) или «сансары» (древнеиндийской философии индуизма и буддизма). Образ льва, как и дракона, в куртуазно-реалистическом рыцарском романе цикла «о пари» восходит к традиции мифа через куртуазный роман и обозначает совокупность препятствий на пути духовного воина. Победа над змеем интерпретируется Ведами как преодоление земной мудрости и инициация к небесной. Эта анималистическая сцена цикла

¹ В XII в. появился перевод «Романа о Лисе» на немецкий (Heinrich der Glichesäre, 1180), в XIII в. – его фламандская обработка (Van den vos Reynaerde), к которой восходят позднейшие немецкие редакции, включая «Reineke de Vos» (1498), на основе которой Гёте в 1793 г. создавал поэму «Рейнеке-лис» (https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%BD%D0%B0%D1%80_%28%D0%BB%D0%B8%D1%81%29).

«о пари», вкуже с цветочным мотивом «Романа о Фиалке» Жербера де Монтрей, привносит в содержание сюжетов глубинное понимание человеческого «пути», «предназначения» и «цели жизни» и делает социально-экономический универсум куртуазного реализма причастным Вечности с ее специфической флористической и анималистической лексикой. Помимо семейного аспекта, куртуазно-реалистический роман, благодаря присутствию парного мотива льва / змея и дракона / великана, наделяется божественным смыслом.

Мифологический мотив борьбы героя с любым конкретным животным означает «пожертвование» его в себе.¹ Романский мотив борьбы с драконом / змеем и львом выполняет ритуальную функцию посвящения рыцаря. В каждом сакральном ритуале различаются внешнее и внутреннее значения, космическое и человеческое. Во внешнем приложении в ведических, египетских и левитских жертвенных ритуалах животное отдавалось на заклятие буквально, чтобы его плоть и кровь послужили для искупления. Аналогичному ритуалу можно подвергнуть и символический образ животного (чучело) или даже осуществить этот ритуал посредством медитации над животным и его природой. Эти два аспекта ритуала являются, соответственно, объективным (бахирьяга) и субъективным (антарьяга) и отсылают к оперативной и спекулятивной сторонам ритуализма [6, с. 17].

Если многие басенные сюжеты, начиная с XVII в., «привязаны «к конкретной социально-политической проблематике, то на более глубинном уровне они прочитываются как аллегория трудностей, подстерегающих человека в его работе по установлению отношений с обществом. В баснях И. А. Крылова, переложившего на русскую почву и переработавшего многие древнегреческие и древнеримские сюжеты, сосредоточены примеры самых разных проявлений эго. Человеку свойственна любовь к лести («Ворона и лисица»), презрение к менее сильным («Дуб и трость»), завышенная самооценка и неумеренные притязания («Лягушка и вол»), склонность к поучению

¹Предполагается, что, проводя ритуал жертвоприношения овна, человек превосходит импульсивность своей первоначальной природы. А жертвоприношение коня делает ритуалиста «царем своей собственной сферы», поскольку конь в Ведическом ритуализме означает огонь. В образе коня индийской мифологии по земле путешествуют солнечный бог и его жена, даруя земле огонь жизни и духовные искры для душ всех многообразных существ земли (по Э. Кришнамачарье).

(«Василек»), нерассуждающее стремление к утолению голода («Волк и ягненок»), хвастовство («Синица»), авантюризм («Два голубя»), самолюбование («Разборчивая невеста»). Замкнутый анималистический по преимуществу мир басни аллегорически дистанцирует пороки, позволяя взглянуть на них со стороны. Обнаружив себя в некоей точке эволюции от низшей природы к высшей, человек рискует остаться в своем состоянии «нет», если не пронаблюдает на примере каждой отдельной животной особи тенденцию к преодолению своего анималистического «эго».

Функция анималистических персонажей басни в общих чертах троична:

- каждый род и вид живых существ, обслуживающий свои животные инстинкты, обнаруживает односторонность, аналогичную гипертрофированной черте характера;
- всякое животное назидает покинувшего природу человека безыскусным единством простоты и мудрости;
- басенные представители животного царства побуждают читателя переосмыслить свое представление о «царственности»: учат понимать ее как мудрое покровительство меньшим братьям, относясь к ним как к душам, томящимся в плену у инстинктов.

Анималистический аспект дидактических жанров (древних универсальных басен, средневекового социального животного эпоса, классицистической животной сатиры) предлагает содержательный материал для изучения природы человека: физических, физиологических и психологических человеческих типов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Безант А.* Человек и его тела [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.theosophy.ru/lib/bodies.htm>
2. *Безант А.* Оккультизм истинный, частичный и ложный. Лекция, прочитанная в Ложе Блаватской 30 июня 1898 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.theosophy.ru/lib/ab-okk.htm>
3. *Бондарев А. П.* Эпос. Лирика. Драма (на материале Средних Веков, Возрождения и Классицизма: учеб. пособие. – М. : МГПИИЯ им. М. Тореза, 1986. – 129 с.
4. Ведическая книга смерти. Гаруда-Пурана Сародхара: древнеинд. трактат / пер. с санскрита С. М. Неаполитанского. – 3-е изд. – М.: Амрита, 2012. – 160 с. – (Духовное наследие Востока).

5. Классическая басня / сост., подготовка текста, прим. М. Л. Гаспарова и И. Ю. Подгаецкой. – М. : Моск. Рабочий, 1981. – 382 с.
6. *Кришнамачарья* Э. Ведические символы и традиции / пер. с англ. К. А. Зайцева. – 3-е изд. – М. : Амрита, 2012. – 160 с. – (Восточный мистицизм).
7. *Крылов И. А.* Сочинения: в 2 т. – Т. II. – М. : Правда, 1984. – 511 с.
8. *Лайтман Михаэль.* Введение в Каббалу. – М. : София, 2007. – С. 151.
9. *Панчатантра.* Перевод с санскрита и предисловие А. Сыркина. – М. : Художественная литература, 1962. – 469 с.
10. Роман о Лисе / пер. со старофранцузского А. Г. Наймана ; предисл. А. Д. Михайлова. – М. : Наука, 1987. – 160 с.
11. *Субба-Роу Т.* Двенадцать знаков зодиака / пер. Ю. Хатунцева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theosophy.ru/lib/subbazod.htm>
12. *Штайнер Р.* Толкование сказок. GA 108. Берлин, 26 декабря 1908 г. / пер. с нем. П. В. Веселова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: bdnsteiner.ru/cat/Ga_Rus/108f.pdf
13. *Эзон.* Басни. Перевод с греч. и примеч. М. Л. Гаспарова / сост. И. В. Луговой. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 368 с. – (Симфония разума).
14. *Яценко А. Л.* Средневековая городская литература // Литература и искусство западноевропейского Средневековья / ред. О. Л. Моцанская, Н. М. Ильченко. – М. : ВЛАДОС, 2002. – С. 119–133.
15. *La Fontaine.* Fables. Preface et commentaries de Pierre Clarac. – P. : Le livre de poche, 1972. – 395 p.
16. *Fables de La Fontaine.* – P. : Garnier Freres, Libraires-Editeurs, s/a. – 667 p.
17. *Montreuil G. de.* Le Roman de la Violette ou de Gérard de Nevers. – P. : Champion, éd. par Douglas Labaree Buffum, 1928. – 362 p.
18. *Montreuil G. de.* Le Roman de la Violette, récit traduit et présenté par Mireille Demaules. Жербер де Монтрей. Роман о Фиалке. Прозаическое переложение на современный французский язык Мирей Демоль. – P. : Stock, 1992. – 255 p.
19. Le Roman du Comte de Poitiers. Poème français du XIII siècle publié avec introduction, notes et glossaire par Bertil Malmberg. – Lund : H. Ohlssons botryck, 1940. – 210 p.
20. Le Roman du Renard. Poème français du XII siècle. – URL: <http://roman-de-renart.blogspot.fr/>

УДК 81'276.6

А. Н. Тарасова

профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка МГЛУ; e-mail: annatar@list.ru

**АРХИТЕКТУАЛЬНОСТЬ:
ДИСКУРС – РЕЧЕВОЙ ЖАНР – ТЕКСТ
(на материале французской прессы)**

Статья посвящена изучению одного из видов межтекстовых отношений – архитектурности. Такое отношение прослеживается между единичным текстом, речевым жанром и типом дискурса, к которым этот текст принадлежит. Речевой жанр определен в статье как класс текстов, а тип дискурса – как класс жанров. Архитектурность рассматривается как отношение между текстами одного или разных жанров. Первичные жанры восходят к одному типу дискурса, вторичные, гибридные по своей природе, – к его разным типам.

Ключевые слова: межтекстовые отношения; архитектурность; типы дискурса; речевая ситуация; речевые жанры; текст.

Tarasova A. N.

Ph. D., Professor, Professor at the Department of Phonetics and Grammar of the French language, Faculty of the French Language, MSLU; e-mail: annatar@list.ru

**ARCHITEXTUALITY: DISCOURSE – GENRE – TEXT
(based on the French press)**

The paper discusses architextuality as one of the varieties of intertextual relations establishing connection between a text, a genre and the type of discourse the text belongs to. The genre is viewed as a class of texts and the type of discourse is described as a class of genres. Architextuality is defined as interrelation between texts belonging to one and the same genre or to different genres. Whereas primary genres relate to the same type of discourse, secondary genres allude to different types of discourse.

Key words: intertextual relations; architextuality; types of discourse; discourse subtypes, speech situation; discourse genres; text.

Введение

Категория транстекстуальности, выделенная в нарратологии французским теоретиком литературы Ж. Женеттом, включает в себя пять видов межтекстовых отношений:

1) интертекстуальность – присутствие в одном тексте другого или других текстов в виде цитаты, плагиата или аллюзии;

- 2) паратекстуальность – отношение между собственно текстом и его паратекстом, т. е. заглавием, подзаголовком, предисловием и т. п.;
- 3) метатекстуальность – между текстом и его комментарием;
- 4) гипертекстуальность – отношение между двумя текстами, один из которых представляет собой трансформацию другого (пародия) или же его имитацию (подражание);
- 5) архитекстуальность – совокупность характерных для каждого отдельно взятого текста категорий, как например, типы дискурса, литературные жанры, способы изложения (композиционно-речевые формы) текста [8].

Дальнейшие изыскания в области нарративного дискурса привели, во-первых, к разграничению нарратологии на «литературную» и «лингвистическую», и, во-вторых – к признанию междисциплинарного характера транстекстуальности, ее значимости не только для литературоведения, но и для анализа дискурса. В результате разные виды этой категории стали активно исследоваться и в этой области, хотя и не в равной мере. Так, в тени оказались архитекстуальные отношения, поскольку довольно продолжительное время исследователей в первую очередь занимали вопросы природы дискурса и его отличий от текста.

Разработка же типологий дискурса и текста позволяет обнаружить между ними промежуточное звено в виде речевого жанра. В центре внимания оказываются жанровые особенности текстов, а вместе с ними и вопрос о характере взаимодействия между типом дискурса, речевыми жанрами и текстами, вопрос, который, насколько нам известно, специально не ставился ни в лингвистике текста, ни в анализе дискурса.

Цель статьи заключается в том, чтобы установить корреляцию между тремя членами триады «дискурс – речевой жанр – текст», иначе говоря, раскрыть архитекстуальные отношения с позиции анализа дискурса.

В этой связи обратимся сначала к первому звену цепочки – дискурсу, а точнее, к анализу признаков, на которых принято строить его типологии.

О типологиях дискурса

Поиск различий между дискурсом и текстом, как известно, привел к трактовке дискурса как явления динамического, зависящего от разных аспектов речевой ситуации. Поскольку порождение

и восприятие дискурса происходит в соответствии с определенными речевыми конвенциями, в лингвистической прагматике были сформулированы, хотя и под разными названиями, принципы речевой коммуникации. Например, у П. Шародо, известного французского специалиста в области анализа дискурса, речевые конвенции, именуемые контрактом общения, содержат три компонента. Во-первых, «максимы общения» П. Грайса, во-вторых, взаимное признание участниками акта коммуникации взятых на себя ролей и, в-третьих, правила, определяющие принадлежность речевых произведений к определенным типам [7]. Очевидно, что последний компонент «контракта общения» имеет прямое отношение к типологии дискурса и к жанрам.

Построение любой типологии базируется на логико-методологической процедуре обнаружения тех признаков, без которых исследуемое явление не может существовать. В научной литературе число типологий дискурса постоянно множится, и это происходит за счет выделения всё новых и новых признаков. Во французских исследованиях выдвинуты, например, следующие признаки:

1) функции языка в коммуникации по Р. Якобсону (референциальная, эмотивная, конативная, фатическая, металингвистическая, поэтическая), которым соответствуют одноименные дискурсы;

2) полезные для общества социальные функции (игровая, установления контакта, религиозная и др.) и коррелирующие с ними дискурсы;

3) «коммуникативная цель» и выделенные на ее базе типы: дидактический дискурс, разного рода предписания;

4) «коммуникативная ситуация» и такие типы дискурсов, как газетно-журнальный, радио- и теледискурс;

5) «институциональные отношения» (госпиталь, школа, семья) и отражающие их дискурсы;

6) идеология и религия (социалистический дискурс, католический дискурс и т. п.) [9].

Даже не вдаваясь в детальный анализ, нетрудно заметить, что первый признак «преобладание в дискурсе той или иной языковой функции» не может считаться релевантным, так как один и тот же дискурс способен выполнять несколько функций одновременно. Кроме того, в трех следующих случаях (пп. 2–4) корреляция между признаками

«полезные для общества социальные функции», «коммуникативная цель», «коммуникативная ситуация» и выделенными на их основе дискурсивными типами тоже не менее произвольна. Несмотря на это, в выборе самих признаков прослеживается стремление авторов типологий применить к ним социологические понятия, а именно: социальные функции, институциональные отношения.

Большей определенностью в этом отношении отличается типология дискурса, предложенная В. И. Карасиком. Она получила широкое распространение в отечественном анализе дискурса. Основанием для нее послужили два критерия:

- 1) социолингвистический – «тип общения», формирующий:
 - институциональный дискурс (педагогический, религиозный, научный, политический, медицинский);
 - личностный (бытовой и бытийный);
- 2) прагмалингвистический – позволяющий различать юристический и ритуальный дискурсы [3].

Исходя из того, что дискурс «конституирует общество и, в свою очередь, конституируется им» [2, с. 18], мы считаем целесообразным исходить из основной категории социологии – «сферы жизни общества», представленной четырьмя сферами: социальной, экономической, политической и духовной (культурной). Каждая из них – это система, состоящая из трех элементов:

- 1) виды деятельности человека (заметим, что названия этих видов совпадают с наименованиями общественных сфер жизни);
- 2) определенные социальные институты, регулирующие *различные сферы человеческой деятельности*, например средства массовой информации, политические партии, школа, семья, церковь и др.;
- 3) отношения между людьми, возникающие в процессе их деятельности, которые сводятся к официальным и неофициальным [5].

В речевом общении все эти составляющие выступают как критерии социолингвистические. При этом главным из них является критерий «виды деятельности», роль которого состоит в том, чтобы формировать основные типы дискурса, такие как социальный, экономический, политический и духовный (культурный).

Что касается критерия «система социальных институтов», то ему в научной литературе приписывают либо функцию различения отдельных типов дискурса (см., например, п. 5 в приведенных выше

французских типологиях), либо две функции одновременно: разграничивать между собой как типы, так и жанры дискурса [3]. Этот критерий, на наш взгляд, имеет иное назначение. Для его установления обратимся сначала к медийному виду деятельности, а затем к духовному.

Первый, медийный, вид деятельности (социальная сфера общественной жизни) через институты СМИ (печатные издания, радио, телевидение и Интернет), реализуясь в медиа-дискурсе, порождает газетно-журнальный дискурс, радио-дискурс, телевизионный дискурс и интернет-дискурс.

Второй, духовный, вид деятельности, воплощается через соответствующие социальные институты в подтипах «культурного» дискурса, среди которых – образовательный, художественный и религиозный. Иначе говоря, критерий «система социальных институтов» позволяет различать между собой не типы дискурса и уж тем более не жанры, а подтипы дискурса.

Таким образом, к существенным для построения типологии дискурса критериям относятся два: «виды деятельности человека» и «социальные институты». В то же время, если в дискурсивном анализе ограничиться изучением одних лишь типов дискурса и их подтипов, то ряд существенных характеристик текстов останется не раскрытым, а полученные результаты окажутся слишком обобщенными. Такой подход вступил бы в противоречие с коммуникативными потребностями как источником деятельности человека. Поэтому необходима дальнейшая дифференциация того или иного типа или подтипа дискурса с выходом на промежуточное звено между ними и текстом. А такое звено представлено речевыми жанрами.

Речевые жанры и текст

Действительно, тот или иной тип дискурса или его подтип имеет, как правило, в своем распоряжении целую систему *речевых жанров*, состав которой варьирует в зависимости от культурно-исторических факторов. Одни жанры исчезают, другие появляются, мутируют. К примеру, в настоящее время французский газетно-журнальный дискурс насчитывает их около тридцати. Среди них – интервью, репортаж, медиа-портрет, аналитическая статья. Множеством своих, новых, жанров располагает и другой подтип медийного дискурса – интернет-дискурс.

Речевой жанр выступает в роли связующего звена между дискурсом и конкретным текстом. Известно, что дискурс, в отличие от текста, всегда обусловлен речевой ситуацией, что отражают две «формулы»:

- 1) дискурс = текст + контекст;
- 2) текст = дискурс – контекст [6].

Контекст в этом случае трактуется как условия порождения дискурса и условия его восприятия и интерпретации, иначе говоря, как речевая ситуация, соединяющая в себе разные аспекты (время, место, характеристики адресата и адресанта и др.).

В этой связи естественно встает вопрос: имеет ли жанр какое-либо отношение к речевой ситуации? Если да, то каким образом ее разные компоненты распределяются между дискурсом и входящими в него речевыми жанрами? Так, можно предположить, что межличностные отношения (официальные / неофициальные), как составная часть речевой ситуации и одновременно третий элемент общественной сферы жизни имеют прямое отношение к речевому жанру, а не к дискурсу в целом.

Но для более точного ответа на поставленный выше вопрос обратимся опять к медиа-дискурсу. В нем действует так называемый «закон близости к читателю». Суть его состоит в выборе автором интересной (полезной) для читателя информации с учетом совокупности факторов географической, временной, социальной / профессиональной и эмоциональной «близости» к читателю [10].

Подчеркнем, что этот «закон» распространяется на весь медиа-дискурс. В то же время, если сопоставить два газетно-журнальных жанра, например репортаж и медиа-портрет политика (или деятеля науки, культуры), то нетрудно обнаружить, среди прочих, такие различия между ними, которые, хотя и имеют отношение к речевой ситуации, но при этом затрагивают ее разные аспекты.

Вот только два из них, по которым проходит граница между жанрами. Первый аспект – коммуникативная цель: если перед репортажем стоит цель воссоздать, реконструировать в динамике некое медийное событие, то у медиа-портрета она иная: обрисовать личность (ее биографию, деятельность, высказывания, черты характера, внешность), которая способна вызвать живой интерес читателя [4].

Второй аспект касается участия автора в событии: так, репортер может выступать в роли как участника события, так и его наблюдателя; автор же медиа-портрета совсем не обязательно должен

присутствовать на месте события. Более того, его встреча с портретируемым может и вовсе не состояться. В этом случае он черпает информацию из уже опубликованных источников: телеграмм агентств печати, биографических данных портретируемой личности и т. п. Прагматическая специфика репортажа и портрета характеризует каждый из них как два самостоятельных жанра, принадлежащих при этом к одному и тому же подтипу (газетно-журнальному) и типу дискурса (социальному).

Поэтому можно утверждать: роль компонентов речевой ситуации существенна для характеристики не только конкретного типа / подтипа дискурса, но и каждого входящего в него речевого жанра. Однако у речевого жанра набор таких компонентов будет значительно более узким, специальным, чем у дискурса, включающего, как правило, не один этот жанр.

Заключение

М. М. Бахтин отмечал, что «игнорирование природы высказывания и безразличное отношение к особенностям жанровых разновидностей речи в любой области лингвистического исследования приводят к формализму и чрезмерной абстрактности, понижают историчность исследования, ослабляют связи языка с жизнью» [1, с. 253]. Чтобы этого избежать, типология дискурса должна быть непременно продолжена типологией входящих в него речевых жанров. Вполне очевидно, что такая перспектива предполагает двойной вектор исследований: от определенного типа / подтипа дискурса к речевым жанрам и в обратном направлении: от речевых жанров – к дискурсам, которые они формируют.

Дискурс принято приравнивать к классу текстов, в то время как он действительно представляет собой класс, но только жанров. В качестве класса текстов выступает не что иное, как речевой жанр: он объединяет тексты в единый класс на основе их культурно-исторической общности, устойчивости их содержательно-формальных признаков. Поэтому отношение между тремя членами триады можно представить как отношение включения:

Тексты \supset Жанр (= класс текстов) \supset Тип дискурса (= класс жанров).

Подводя итог, отметим, что категория архитектуральности включает в себя:

– отношения между текстами одного речевого жанра (например, разновидностями репортажа или разновидностями интервью), которые относятся к одному подтипу (газетно-журнальному) и к одному типу дискурса (в данном случае социальному);

– отношения между разными речевыми жанрами, которые принадлежат к одному подтипу дискурса (например, французские репортаж и отчет: газетно-журнальный подтип) или к разным его подтипам (как газетный репортаж, радиорепортаж, телерепортаж), но входят в один тип дискурса (социальный).

Данное определение архитектуральности вряд ли удовлетворяет условиям существования гибридных речевых жанров, получивших в настоящее время большое распространение. Дело в том, что «гибридные» жанры – это результат конвергенции признаков разных «первичных» жанров. Но при этом открытым остается вопрос: могут ли они принадлежать к одному подтипу или к разным подтипам, к одному дискурсу или к разным?

В интернет-коммуникации «гибридность» часто появляется за счет интеграции разных технологий: информационных и коммуникативных, соединения текста, звука и видео. В результате гибридные интернет-жанры возникают на базе «первичных» жанров разных медийных подтипов. Кроме того, если рассматривать с этой точки зрения «старые гибридные» медиа-жанры, например художественно-публицистические (фельетон, памфлет, пародию и др.), то можно заметить, что в них сочетаются признаки газетно-журнальных жанров социального дискурса с признаками литературно-художественных жанров «культурного» дискурса. Следовательно, «гибридные» жанры способны выходить за пределы не только одного подтипа, но и одного типа дискурса.

Таким образом, принимая во внимание особенности строения «гибридных» жанров, категорию архитектуральности необходимо дополнить еще одним видом отношений между первичными жанрами, которые восходят к разным дискурсам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров //Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 249–298.

2. *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
3. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
4. *Тарасова А. Н.* Прагматический потенциал композиции французского медиа-портрета // Романские языки в дискурсивном пространстве. – М.: МГЛУ, 2014. – С. 256–267. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 10(696). Серия Языкознание).
5. *Тоценко Ж. Т.* Социология. Общий курс. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Прометей : Юрайт-М, 2001. – 511 с.
6. *Adam J.-M.* La linguistique textuelle. Des genres de discours aux textes. – P.: Armand Colin, 1999. – 208 p.
7. *Charaudeau P.* Le dialogue dans un modèle de discours // Cahiers de Linguistique Française. – Suisse. – № 17, 1995. – P. 141–178.
8. *Genette G.* Palimpsestes. La littérature au second degré. – P.: Ed-s du Seuil, 1982. – 468 p.
9. *Maingueneau D.* Analyser les textes de communication. – P.: Nathan /VUEF, 2002. – 211 p.
10. *Martin-Lagardette J.-L.* Le guide de l'écriture journalistique. – P.: La Découverte, 2009. – 251 p.

УДК 81'36:81'42

М. А. Таривердиева

профессор, доктор филологических наук, заведующая кафедрой классической филологии МГЛУ; тел. 8-499-245-11-72

ГРАММАТИКА ДИСКУРСА: ЛАТИНСКИЙ КОНЪЮНКТИВ В НЕЗАВИСИМОМ УПОТРЕБЛЕНИИ

Статья посвящена рассмотрению дискурсивных и модальных практик латинского конъюнктива в независимом употреблении. Изучается дискурсивный и экспрессивный потенциал этого наклонения.

Ключевые слова: дискурс; латынь; конъюнктив; модальность.

Tariverdieva M. A.

Ph. D., Prof., Head of Classical Philology Department, MSLU;
Tel. +7(499)245-11-72

GRAMMAR OF DISCOURSE: LATIN CONJUNCTIVE MOOD INDEPENDENTLY USED

The article deals with the discursive and modal practice of Latin conjunctive mood in the autonomic sentences. Discursive and expressive potential of the conjunctive mood is studied.

Key words: discourse; Latin; conjunctive mood; modality.

Латинский язык – официальный язык Древнего Римского государства – продолжал оставаться средством устного и письменного общения народов Западной и отчасти Центральной Европы в течение всех Средних веков. Роль латыни в открытии и функционировании учебных заведений нового типа – университетов, в научной и культурной жизни средневекового социума трудно переоценить. Это позволяет с полным основанием считать латинский язык инструментом древнего и средневекового европейского дискурса.

В работах, посвященных исследованию дискурса на материале современных языков, в большинстве случаев предпочтение отдается изучению лексики, о чем свидетельствуют, в частности, две посвященные дискурсу конференции, проведенные в Москве и в Санкт-Петербурге¹.

Значительно реже внимание исследователей обращается на грамматический ресурс и на структуру текста. Заслуживают внимания по-

¹ Опубликованные тезисы см.: [1; 2].

священные этим проблемам выступления и публикации тезисов на московской конференции коллег Л. А. Ноздриной [6] и Н. Б. Кудрявцевой [3], а также специальный раздел, посвященный синтаксису, в тезисах конференции по дискурсу, прошедшей в Санкт-Петербурге [2].

Литературное наследие Древнего Рима и Средних веков представляет большой материал для изучения латиноязычного дискурса: драматургические сочинения Плавта и Теренция, исторические труды Тита Ливия и Тацита, судебные речи и ученые трактаты Цицерона, естественно-научные труды Лукреция и Плиния Старшего, эпистолярное наследие Цицерона и Плиния Младшего, морально-этические сочинения Сенеки, творчество поэтов Горация, Вергилия, Овидия, Катулла, Тибулла, Марциала, первый римский роман – «Сатирикон» Петрония и многие другие сочинения.

Все эти тексты были рассчитаны на восприятие и реакцию современников, и в этом смысле их изучение не отличается от рассмотрения в аналогичном ракурсе литературных сочинений XIX–XX вв. и текстов современных авторов, активно обсуждаемых исследователями дискурса, о чем свидетельствуют публикации в научной периодике.

Избрание письменных текстов в качестве материала исследования исключает возможность изучения таких характеристик дискурса как фонетические особенности речи его участников, интонация, сопутствующая мимика, жесты. Но остается главное – сам текст, его материальная составляющая: лексика, грамматика, синтаксис.

Латинская лексика на протяжении всего периода Нового времени является неисчерпаемым источником формирования терминологического тезауруса в разных отраслях знаний и в этом качестве составляет содержание многих исследований.

В настоящей статье объектом изучения был избран грамматический феномен – конъюнктив и его реализация в независимом употреблении, т. е. в составе высказывания в форме простого предложения.

В отличие от индикатива и императива, характеризующихся однозначностью интерпретации (индикатив – констатация факта, императив – побуждение к исполнению какого-либо действия), главной характеристикой латинского конъюнктива при его использовании для выражения предиката в независимом высказывании – простом предложении – является многозначность, подробно описанная во всех академических и нормативных грамматиках [7; 9; 10].

В качестве гиперзначений латинского конъюнктива выделяются две группы: а) воля и желание; б) предположение и возможность – в обоих случаях применительно к описываемой воображаемой ситуации. Соединение в модальной семантике латинского конъюнктива двух вышеназванных гиперзначений, близких между собой в их противопоставлении семантике индикатива, констатирующего реальность, однако различающихся конкретным модальным содержанием, объясняется историческими причинами – слиянием еще в дописьменной традиции функций двух древних индоевропейских наклонений – конъюнктива (сослагательного) и опатива (желательного) – вот почему в современных лингвистических трудах исследователи нередко именуют это сложное по своему семантическому составу наклонение субъюнктивом [8].

В группе «воля и желание» выделяются следующие конкретные смыслы: побуждение, призыв (*gaudeamus – возрадуемся, vivat – да здравствует*), приказание, требование (*cedant arma togae – пусть оружие уступит тоге, audiatur et altera pars – пусть будет выслушана и другая сторона*).

В группе «предположение и возможность» выделяются смыслы *conjunctivus potentialis* (предположение: *dixerit quispiam – пожалуй, кто-нибудь скажет*), *conjunctivus dubitativus* (сомнение, размышление: *quid agam – что мне делать*), *conjunctivus concessivus* (уступка: *sit fur – допустим, что он – вор*) [7, с. 192–198].

В нормативных грамматиках предпринимаются попытки формализации приведенных значений посредством выявления дополнительных морфологических и синтаксических показателей. Однако в текстах латинских авторов нередко обнаруживаются полные совпадения грамматических форм при реализации разных модальных значений (которые выявляются из контекста). Очевидно, что в этих случаях мы имеем дело с грамматической полисемией.

В отличие от лексической полисемии, многократно описанной в учебниках и словарях, грамматическая полисемия не получает должного внимания в грамматических описаниях. Даже в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» статья «Полисемия» посвящена в основном лексической полисемии, а грамматическая полисемия упоминается вскользь и иллюстрируется на единственном примере – употреблении в русском языке глагольных форм 3-го л. мн. ч. в неопределенно-личных предложениях: «В дверь позвонили»,

а форм 2-го л. ед. числа – в обобщенно-личном значении «Тебя не переспоришь» [4, с. 382].

Между тем явление грамматической полисемии заслуживает не менее внимательного рассмотрения, чем лексическая синонимия, поскольку она также является элементом языковой структуры, увеличивающим ее выразительные возможности при рациональной экономии языковых средств (ср.: «принцип экономии усилий» А. Мартине [4, с. 159]). При изучении грамматической полисемии представляется важным выявление семантической основы этого процесса и контекстуальных условий расхождения значений единообразных языковых структур.

Выдающийся философ и филолог XX в. А.Ф.Лосев писал: «Необходимо сказать об одном чрезвычайно важном явлении в языке, которое надо считать опорой и обоснованием выдвигаемой нами концепции логических и коммуникативных функций языка. Это то, что называется *полисемией*, т. е. законом многозначности слова и всех категорий в языке <...> Закон полисемии – закон множественности и бесконечного разнообразия значений отдельных слов, отдельных грамматических категорий и вообще тех или иных элементов языка – возникает благодаря бесконечности самой действительности и бесконечности предметов, целей, способов и типов сообщения об этой действительности <...> Только благодаря этой живой диалектике *тождества* и *различия* слова или грамматической категории, только благодаря этой живой *диалектике сущности* и *явления* в области семантики и возможно общение между людьми, возможно сообщение о предметах и явлениях... Соотношение между значением грамматической категории (в нашем случае – конъюнктива. – *М. Т.*), или категориальным значением и многозначностью грамматических форм в составе этой категории следует рассматривать как «общее – частное». Значение грамматической категории определяет ее место среди других грамматических категорий в системе языка, многозначность грамматических форм в составе данной категории (добавим: в сочетании с содержательным контекстом – *М. Т.*) обеспечивает их различную роль в высказывании» [5, с. 212–214].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дискурс как социальная деятельность. Приоритеты и перспективы: материалы Второй международной конференции, Москва, 16–17 октября 2014 г. – Ч. I, II. – М. : МГЛУ, 2014. – Ч. I. – 180 с. , Ч. II – 176 с.

2. Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. Вып. XXII. Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике, 30 сентября – 2 октября 2015 г. – М.–Тамбов–СПб., 2015. – 968 с.
3. *Кудрявцева Н. Б.* Дискурсивный потенциал языковой игры (на материале французской грамматики) // *Дискурс как социальная деятельность. Приоритеты и перспективы: материалы Второй междунар. науч. конф., Москва, 16–17 октября 2014 г. – Ч. II. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2014. – С. 154–155.*
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. *Лосев А. Ф.* О коммуникативном значении грамматических категорий // *Лосев А. Ф. Языковая структура. – М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1983. – С. 179–214.*
6. *Ноздрина Л. А.* Когнитивный аспект текстовых категорий // *Дискурс как социальная деятельность. Приоритеты и перспективы: материалы Второй междунар. науч. конф, Москва, 16–17 октября 2014 г. – Ч. I. – М. : МГЛУ, 2014. – С. 161.*
7. *Соболевский С. И.* Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. – Санкт-Петербург: Алетейя – Летний сад, 1998. – 431 с.
8. *Тронский И. М.* Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции) / отв. ред. Н. Н. Казанский. – 2-е доп. изд. – М. : Индрик, 2001. – XIII + 576 с.
9. *Kühner R., Stegmann C.* Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache. – Band II. Satzlehre. – Teile 1–2. – Darmstadt, 1955. – 738 S.
10. *Leumann M., Hofmann J. B., Szantyr A.* Lateinische Grammatik. – Bd. II. Lateinische Syntax und Stilistik. – München : C. H. Beck, 1964. – 342 S.

Сетевое электронное научное издание

Вестник МГЛУ. Выпуск 12 (751)
Романские языки: Античность, Средневековье, Современность
Серия Языкознание

Редакторы: *Д. Г. Бордукова, Н. М. Тимакова*
Компьютерная верстка *Г. П. Лопатиной*
Дизайн обложки *А. Г. Проскурякова*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 20.05.2016 г.
Усл. п. л. 12,75 Формат 60x90/16
Заказ № 1379

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru